

А. В. Кирилина

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ЛИНГВИСТИКЕ
И ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

Серия
«Учебные пособия по гендерной теории
в гуманитарных науках»

Книжная серия «Учебные пособия по гендерной теории в гуманитарных науках»
инициирована в 2002 году Женской Сетевой программой
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) – Россия
и Ивановским государственным университетом,
поддерживается Институтом социальной и гендерной политики

Редакционный совет серии

«Учебные пособия по гендерной теории в гуманитарных науках»:

Воронина О. А., кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Института философии РАН, директор Московского
центра гендерных исследований;

Гафизова Н. Б., кандидат исторических наук,
доцент Ивановского государственного университета;

Дробильева Л. М., доктор исторических наук, профессор,
директор Института социологии РАН;

Кочкина Е. В., кандидат политических наук,
директор Женской Сетевой программы

Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) – Россия,
программный директор Института социальной и гендерной политики;

Посадская-Вандербек А. И., кандидат экономических наук,
директор Женской Сетевой программы

Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) – Нью-Йорк;

Федорова Л. Н., заместитель директора Женской Сетевой программы
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) – Россия,
директор Института социальной и гендерной политики;

Хасбулатова О. А., доктор исторических наук, профессор,
заведующая кафедрой общей социологии и феминологии
Ивановского государственного университета.

А.В. Кирилина

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ И ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

Допущено Министерством образования
Российской Федерации в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений

Москва
РОССПЭН
2004

Данное издание выпущено при поддержке благотворительной организации
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) – Россия в рамках
Женской Сетевой программы

*Допущено Министерством образования Российской Федерации
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных
заведений, обучающихся по специальности направления
«Лингвистика и межкультурная коммуникация»*

Рецензенты:

Халева И. И., доктор педагогических наук,
действительный член Российской академии образования,
профессор;

Нечаев Н. Н., доктор психологических наук,
действительный член Российской академии образования,
профессор.

Кирилина А. В.

**К 43 Гендерные исследования в лингвистике и теории комму-
никации: Учебное пособие для студентов высших учебных
заведений. – М.: «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН), 2004. – 252 с.**

Учебное пособие посвящено самой малоизученной области в междисциплинарной сфере гендерных исследований – гендерным аспектам языка и коммуникации и является первой в отечественной лингвистике попыткой определить принципы гендрного подхода в языкознании.

В пособии представлен современный научный взгляд на онтологический статус гендера, анализируются проблемы изучения гендера в языкознании. Гендер рассматривается как культурная репрезентация. Подробно описаны различные методы исследования гендера в лингвистике.

Пособие снабжено глоссарием, содержащим толкования ключевых и наиболее часто применяемых в лингвистике понятий гендерной теории.

Пособие предназначено для студентов, аспирантов и преподавателей филологических и лингвистических вузов и соответствующих факультетов университетов.

О серии «Учебные пособия по гендерной теории в гуманитарных науках»

Серия учебных пособий по гендерной теории разработана и издана в рамках проекта «Гендерное образование в системе высшей школы России», осуществленного в 2002–2003 году при поддержке Женской Сетевой программы Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) – Россия и Министерства образования Российской Федерации. Координатором проекта выступил Ивановский государственный университет.

Вышедшая в свет серия объединяет четыре учебных пособия: «Социология гендерных отношений» (под ред. З. Х. Саралиевой), «Гендерные аспекты политической социологии» (отв. ред. С. Т. Айвазова, О. А. Хасбулатова), «Социальная политика и социальная работа: гендерные аспекты» (под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой), «Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации» (автор А. В. Кирилина). Учебные пособия предназначены для студентов гуманитарных специальностей «Социология», «Политология», «Лингвистика и межкультурная коммуникация», «Социальная работа». Это первый крупный проект в области создания учебно-методической базы для интеграции основ гендерных знаний в гуманитарные специальности в соответствии с требованиями государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования. Он объединил ведущих ученых в области гендерных исследований из академических институтов и высших учебных заведений Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Саратова, Иванова.

Этому проекту предшествовал выход в свет учебного пособия Л. П. Рениной «Женщины и мужчины: новая картина европейского прошлого» (РОССПЭН, 2002 г.).

Создание серии учебных пособий продиктовано актуальностью проблематики и растущим интересом к гендерным исследованиям во всех отраслях гуманитарного знания. Издание предлагаемых читателю учебных материалов призвано сделать

значительный шаг на пути к важной цели – обеспечению высшей школы научным инструментарием гендерных исследований и гендерного образования.

Работая над учебными пособиями, мы ставили перед собой задачу познакомить преподавателей и студентов с систематизированными научными знаниями в разных гуманитарных отраслях, которые объединены общей стратегией перехода от общетеоретического осмысления понятия *гендер* к его частнонаучному описанию, а также учета специфики и методологических принципов отдельных гуманитарных дисциплин.

Выбор специальностей обусловлен несколькими факторами. Прежде всего мы учитывали, что обозначенные гуманитарные специальности готовят кадры широкого спектра для социальной сферы, политики, сферы коммуникации, а значит, овладение основами гендерных знаний поможет выпускникам вести свою профессиональную деятельность, строить гражданское общество с позиций не патриархатной идеологии, а идеологии гендерного равенства. Кроме того, благодаря интеллектуальной и финансовой поддержке Министерства образования РФ гендерные исследования и гендерное образование являются неотъемлемой составной частью научно-исследовательской и учебной работы в высших учебных заведениях. В рамках обозначенных гуманитарных наук по гендерной тематике защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций, изданы солидные монографии. 32 межвузовских сборника научных трудов, в десятках вузов студентам читаются спецкурсы и учебные дисциплины по феминологии и гендерологии.

При содействии международных фондов, в частности Женской Сетевой программы Института «Открытое общество», сотни преподавателей и аспирантов повысили квалификацию в области гендерных исследований, проводятся летние школы для молодых ученых, научные конференции, издаются и переводятся лучшие труды российских и зарубежных исследователей.

Издание серии учебных пособий по основам гендерной теории призвано оказать вузам конкретную методическую поддержку в становлении гендерного образования.

Каждое из пособий имеет свой очерченный круг проблем, которые затрагивают основную гендерную тематику по данной специальности.

Координируя работу над проектом, редакционный совет стремился избежать повторов тематики разделов в содержании пособий, с тем, чтобы преподаватели и студенты могли познакомиться со всем многообразием проблем, связанных с преодо-

лением гендерной асимметрии и достижением гендерного равенства в обществе.

В каждом из учебных пособий значительное место отведено системному осмыслению методологических основ научной дисциплины, терминологическому аппарату, описанию методов гендерных исследований. Вместе с тем проблематика учебных пособий чрезвычайно разнообразна. В учебном пособии по социологии гендерных отношений рассматриваются философские, социологические, психологические теории пола, методология и методика гендерного подхода в экономической социологии, теории социальной стратификации, социологии образования, семьи, средств массовой коммуникации, широко представлены зарубежная феминистская мысль, результаты отечественных гендерных исследований.

Учебное пособие по гендерной политологии раскрывает гендерные аспекты политической жизни на примере российского общества. Студенты смогут познакомиться со спецификой гендерных исследований в политической науке, овладеют навыками гендерного подхода при оценке и анализе политических процессов. В пособии подробно рассматриваются специфика гендерных отношений в Российской империи, СССР и постсоветской России, эволюция российской государственной политики в отношении женщин на протяжении XX столетия. Анализируются гендерные различия в политическом сознании и поведении российских граждан, уровень представительства женщин во властных структурах, специфика женского движения на каждом из этапов развития России. Представлен подробный научный обзор отражения проблемы «Женщина и политика» в зарубежной политической науке.

В учебном пособии для специальности «Социальная работа» рассматриваются основы гендерно чувствительного подхода к анализу социальной политики и к практике социальной работы, позволяющего дифференцированно решать проблемы, обусловленные различиями социального положения женщин и мужчин в обществе. Раскрываются определения гендера, социальной политики и социальной работы, объясняется взаимосвязь этих понятий и сущность гендерного подхода. Обсуждаются гендерные аспекты политики занятости и гендерные проблемы социальной работы.

В учебном пособии для преподавателей лингвистических дисциплин рассматриваются методологические основы лингвистической гендерологии, эволюция лингвистических гендерных исследований, категориальный статус гендера с позиций языкозна-

ния, его лингвокультурная обусловленность и особенности манифестации гендера в языке; излагаются принципы лингвистического анализа гендерного концепта; освещаются проблемы исследования гендерного аспекта межкультурной коммуникации; приводятся примеры исследовательских процедур.

Вместе с тем при всем многообразии проблематики предлагаемая Вашему вниманию серия учебных пособий имеет и общую цель – не только предложить студентам новые гуманитарные знания, но и способствовать формированию на их основе мировоззренческих установок XXI века, базирующихся на стратегии гендерного равенства и уважения прав и свобод каждой личности.

Надеемся на отклик преподавателей и студентов на эти важные для нашего общества темы.

Редакционный совет

Введение

Гендерные исследования – новое направление российского гуманитарного знания, находящееся сейчас в процессе становления и институционализации. В центре его внимания находятся социальные и культурные факторы, определяющие отношение общества к мужчинам и женщинам, поведение индивидов в связи с их принадлежностью к тому или иному полу, стереотипные представления о мужских и женских качествах, то есть все то, что переводит проблематику пола из области биологии в сферу социальной жизни и культуры. Мужественность и женственность рассматриваются, таким образом, не как имманентный природный фактор, а как концепт культуры и продукт развития общества.

Гендер (социальный или социокультурный пол) не является лингвистической категорией, но его содержание может быть раскрыто путем анализа структур языка, что объясняет востребованность лингвистической компетенции для изучения культурной репрезентации пола.

Всплеск интереса к гендерным аспектам языка и коммуникации связывается с развитием философии постмодернизма. Материал влиятельных европейских языков и американского английского весьма глубоко изучен в вопросе отражения в нем гендерного фактора, но соответствующее измерение русского и многих других языков изучено не столь детально. В разработке и уточнении нуждается понятийный аппарат и некоторые методологические вопросы формирующегося научного направления, не инвентаризованы еще гендерно релевантные выразительные возможности языка. Гендерные исследования имеют ярко выраженный междисциплинарный характер, однако вопросы лингвистической компетенции в применении к анализу социокультурного пола также требуют обоснования.

Несмотря на интенсивное развитие гендерных исследований в России в последние годы, изучение гендерных аспектов

языка и коммуникации остается самой малоразработанной областью в общей междисциплинарной сфере гендерных исследований. На сегодняшний день защищены лишь две докторские диссертации по общим вопросам гендерной проблематики в языкознании, число кандидатских работ также незначительно, если принять во внимание изучение аналогичной проблематики в других научных областях. Невелико количество научных трудов на материале русского языка, сопоставительных работ, исследований, посвященных культурно-символической составляющей гендера и ее отражению в языке, речи и языковом сознании. Единичны работы по реализации и анализу эффективности рекомендаций по политически корректному, гендерно нейтральному употреблению языка в официальных текстах. Нуждается в дальнейшем изучении гипотеза о неравной степени андроцентричности разных языков и культур и связанное с ней лингвокультурологическое исследование гендера. Все еще малодоступны для научной молодежи закрытые в советский период труды в области прикладных аспектов лингвистики гендера (криминалистическая экспертиза, идентификация устных и письменных текстов анонимного автора, лингвистическая диагностика).

Специфика состояния гендерных исследований в лингвистике заключается сегодня и в том, что признанные ученые, располагая обширным и ценным опытом в теории и практике лингвистических исследований, почти не имеют знаний о методологии гендерного подхода, онтологии гендера, сводя все эти вопросы к поверхностному знакомству с трудами ранней феминистской лингвистики. Молодые научно-педагогические кадры, напротив, имеют возможность получить общеметодологическую информацию о гендерном подходе в гуманитарных науках, но не освоили еще методологию и методики лингвистических исследований и нуждаются в руководстве со стороны более компетентных коллег. Таким образом, сложилась весьма противоречивая ситуация, требующая корректировки, в том числе и посредством создания учебных пособий по гендерной проблематике.

Нерешенной научной задачей является теоретическое осмысление соотношения междисциплинарности и частонаучности в гендерных исследованиях. Необходимость междисциплинарного подхода сегодня не подвергается сомнению, но нет пока и попыток подвергнуть рефлексии целый ряд проблем, возникающих из-за различных толкований одних и тех же понятий в разных дисциплинах, рассмотреть применение и содержание методов исследования в зависимости от специфики конкретной научной

области. Так, понятие, качественного и количественного анализа в социологии и теории коммуникации не вполне совпадает, что неизбежно сказывается на исследовательской практике, а также на интерпретации результатов. Другой пример – противоречивость интерпретации термина «концепт», неразработанность научной модели, связывающей концепт с другими ментальными структурами (например, фреймами).

Еще одно обстоятельство, несколько замедляющее развитие нового научного направления, – это профессиональная разнородность гендерного сообщества, что особенно заметно на конференциях, семинарах и других формах научного сотрудничества и приводит к некоторой поверхностности обсуждения.

Наконец, почти полностью отсутствуют разработки в области применения гендерного подхода в теоретических курсах научных дисциплин лингвистического и лингводидактического циклов. Необходимость учитывать гендерный фактор при решении проблем межкультурной коммуникации также становится все более очевидной в связи с интенсивным изучением языков и культур, ранее в аспекте гендера не исследовавшихся.

Все изложенные факты свидетельствуют о необходимости систематического осмысления принципов гендерного подхода в частнонаучных дисциплинах. Предлагаемое учебное пособие ставит цель сделать первый шаг в этом направлении.

Учебное пособие «Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации» предназначено для студентов, аспирантов и преподавателей лингвистических дисциплин, теории коммуникации, в том числе и межкультурной коммуникации, и ставит своей целью осветить общие принципы гендерного подхода к изучению названных научных областей, что создает основу для разработки спецкурсов по гендерной проблематике в филологических и лингвистических вузах и на соответствующих факультетах университетов.

Актуальность создания такого рода пособия подтверждается высоким интересом научного сообщества, особенно молодых ученых, к гендерным аспектам языка и коммуникации, в то время как методическая литература по данной проблематике практически отсутствует. Концепция монографии разработана с учетом научного опыта, полученного автором при работе над докторской диссертацией «Гендерные аспекты языка и коммуникации», участии в ряде научных проектов по гендерной проблематике и при разработке и чтении спецкурсов «Гендерные исследования в лингвистике» в Московском государственном лингвистическом университете.

Хотя сегодня в российской лингвистике отсутствует формально выраженный скепсис по отношению к гендерным исследованиям, нежелание известных лингвистов заниматься ими и явное преобладание молодежи среди исследователей говорят о том, что лингвистическая гендерология находится в стадии формирования новой научной парадигмы, то есть в той фазе развития, для которой свойственна неразработанность многих теоретических вопросов, отсутствие системного осмысления методологических основ научной дисциплины, недостаточная рефлексия о предмете, объекте, терминологическом аппарате, методах исследования, категориальном статусе гендера и его соотнесенности с общенаучными и лингвистическими категориями. Предлагаемая к изданию монография посвящена поэтому обсуждению названных вопросов, без разрешения которых невозможно дальнейшее движение вперед. Кроме того, в книге рассматриваются современный онтологический статус гендера, его культурная обусловленность и этнокультурные особенности. В конце издания предлагается глоссарий, содержащий толкование наиболее часто применяемых в лингвистике понятий гендерной теории. Автор считает глоссарий неотъемлемой частью книги, т. к. в нем принята попытка дать обзор различных пониманий и толкований ряда терминов и объяснить, как содержание понятия задает границы и направление исследования.

Особое место в учебном пособии занимает обсуждение вопросов, связанных с пониманием гендера как культурной репрезентации, что, на взгляд автора, наиболее четко проявляется именно при анализе структур языка (исходя из широко распространенной в языкознании идеи о теснейшей взаимосвязи языка и культуры) и позволяет на основе анализа языка выявить общее и особенное в концептуализации маскулинности и фемининности в различных культурах. Это, в свою очередь, вызвало необходимость осветить почти не разработанные гендерные аспекты межкультурной коммуникации и функционировании гендерной метафоры в различных типах дискурсов.

И, наконец, главной частью работы стало описание методов гендерных исследований. Соответствующая глава книги предвзается подробным описанием принципов выбора предмета, объекта и элементарных единиц исследования, причем основной акцент делается на центральном для учебного пособия понятии культурного концепта, что оправдано его культуроцентричной направленностью.

Методолого-методическая часть монографии демонстрирует возможности практической реализации разработанного в соци-

альной философии принципа деконструктивизма при помощи лингвистической компетенции – конкретных методов и приемов анализа. Описание методов исследования оправдано не только неразработанностью этого вопроса в самой лингвистике, но и тем фактом, что представители нелингвистических научных направлений, представляющие постструктуралистский подход к гуманитарному знанию, признают чрезвычайную значимость языка и в таких дисциплинах, как история, социология, психология, философия и т. д. Между тем в этих дисциплинах анализ языковой формы зачастую весьма поверхностен именно по той причине, что он проводится исследователями, не владеющими лингвистическим инструментарием, что часто приводит к ошибочным или поверхностным выводам. Для преодоления этого недостатка специальный раздел книги посвящен анализу исследовательских процедур.

Наконец, еще одной важной составляющей учебного пособия является описание соотношения между частнонаучностью и междисциплинарностью – вопросу, редко обсуждаемому не только в гендерных исследованиях, но и в гуманитарной науке в целом. В данном разделе автор представляет точку зрения, что междисциплинарность выражается в применении идей и результатов иных наук, в сопоставлении ряда фактов из разных научных областей, в анализе дискурса в духе французской школы, когда сопоставляется как языковой материал, так и факты и события имевшие место в период его создания, а также признаки «невывыказанного», т. е. подсознательного в тексте. При этом не игнорируются собственно частнонаучные методы, которые позволяют достичь необходимой глубины анализа и обеспечивают научную строгость описания.

В соответствии с концепцией учебное пособие состоит из пяти глав, содержание которых строится по принципу «от общего к частному». Каждая глава завершается заключением, обобщающим основные идеи раздела, вопросами для самоконтроля, призванными направить мысль обучаемых на содержательные доминанты главы, и списком литературы, позволяющей углубить знания по рассмотренным проблемам.

В первой главе излагаются современные научные взгляды на онтологический статус гендера, обсуждается понятийный аппарат гендерных исследований и соотносительность гендера с лингвистическими и общенаучными категориями.

Вторая глава пособия освещает историю развития гендерных исследований в лингвистике и методологические проблемы изучения гендера в языкознании. Рассматриваются основ-

ные направления современных гендерных исследований, особенности их развития в отечественном языкознании.

Третья глава посвящена рассмотрению гендера как объекта исследования в межкультурной коммуникации и представляет собой реализацию современного взгляда на гендер как конвенциональную сущность и продукт культуры. В ней также обсуждаются проблемы интерференции, возникающие при общении представителей различных культур, модели гендерно обусловленного поведения которых не совпадают или совпадают частично.

В четвертой главе описаны методы исследований, применение которых при изучении гендера в лингвистике позволяет получить валидные результаты и обеспечить научную строгость, а также проблемы, возникающие в связи с состоянием самой лингвистики, все более склоняющейся к междисциплинарности и утрачивающей четкие границы. Неотъемлемой частью этой главы являются предварительные замечания, посвященные определению элементарных единиц описания, предмету и объекту исследования, источникам эмпирического материала. Опыт чтения спецкурсов по лингвистической гендерологии привел автора к убеждению, что, несмотря на кажущуюся тривиальность, именно эти вопросы представляют наибольшую трудность не только для студентов-дипломников, но и для аспирантов и молодых ученых.

Глава пятая содержит подробное описание ряда исследований и их методологических и методических принципов, что обеспечивает наглядность и на конкретных образцах раскрывает некоторые возможности изучения гендера при помощи понятийного аппарата лингвистики.

Автор строит концепцию работы исходя из содержания Государственного образовательного стандарта по специальности «Лингвистика. Межкультурная коммуникация», который отличается от Госстандарта по специальности «Культурология» в первую очередь доминантой изложения: вопросы, связанные с изучением культуры, определением этого понятия, подходами и методами исследования рассматриваются в самых общих чертах. Основное же внимание уделяется лингвистической стороне вопроса и проблеме изучения межкультурной коммуникации. Вопросы культурной обусловленности гендерного концепта в общем виде рассматриваются в главе первой, при описании современных научных взглядов на гендер. В дальнейшем необходимая культурологическая информация включается в главу третью в том объеме, в котором ее наличие обеспечивает связность

изложения и позволяет раскрыть понятие «*межкультурная коммуникация*», а также продемонстрировать научную значимость исследования межкультурной коммуникации.

Приложение включает небольшой глоссарий, в котором определены ключевые для лингвистических гендерных исследований понятия.

Учебное пособие представляет собой первую в отечественной лингвистике попытку отразить и во многих случаях осмыслить методолого-методические принципы гендерного подхода в языкознании.

Глава 1

Понятие «гендер». Философские основы гендерных исследований в гуманитарных науках

1. Онтологический статус понятия «гендер»

Социально и культурно значимые различия в поведении, обычаях и социализации в целом мужчин и женщин спорадически фиксировались в научном описании, особенно в антропологии и этнографии. Однако идея о разграничении понятий биологического пола и пола социального (гендер) возникла лишь в период постмодернизма.

В работах М. Розальдо, Л. Ламфере, Р. Унгер, А. Рич, Г. Рабин¹ понятие «гендер» трактовалось как «набор соглашений, которыми общество трансформирует биологическую сексуальность в продукт человеческой активности».

В отличие от категории *sexus* гендерный статус и, соответственно, гендерная иерархия и гендерно обусловленные модели поведения задаются не природой, а «конструируются» обществом (*doing gender*), предписываются институтами социального контроля и культурными традициями². Гендерные отношения являются важным аспектом социальной организации. Они особым образом выражают ее системные характеристики и структурируют отношения между говорящими субъектами. Основные теоретико-методологические положения гендерного концепта основаны на четырех взаимосвязанных компонентах: это культурные

---

¹ Обзор см.: *Воронина О. А.* Введение в гендерные исследования // *Материалы Первой российской школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-97»*. М., 1997. С. 29–34; *Пушкарева Н. Л.* Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // *Женщина. Гендер. Культура*. М., 1999. С. 15–34.

² *Воронина О. А.* Указ. соч.

символы; нормативные утверждения, задающие направления для возможных интерпретаций этих символов и выражающиеся в религиозных, научных, правовых и политических доктринах; социальные институты и организации; а также самоидентификация личности. Гендерные отношения фиксируются в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на поведение, в том числе и речевое, личности и на процессы ее языковой социализации.

Категория «gender» была введена в понятийный аппарат науки в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века и использовалась сначала в истории, историографии, социологии и психологии, а затем была воспринята и в лингвистике, оказавшись плодотворной для прагматики и антропоориентированного описания в целом. Гендерный фактор, учитывающий природный пол человека и его социальные «последствия», является одной из существенных характеристик личности и на протяжении всей ее жизни определенным образом влияет на ее осознание своей идентичности, а также на идентификацию говорящего субъекта другими членами социума.

Термин «гендер», таким образом, использовался для описания социальных, культурных, психологических аспектов «женского» в сравнении с «мужским», то есть «при выделении всего, что формирует черты, нормы, стереотипы, роли, типичные и желаемые для тех, кого общество определяет как женщин и мужчин»³. В этот период речь шла преимущественно о женских исследованиях (women's studies).

В 80-е годы появилось более уравновешенное понимание гендера как проблемы не только экспликации женской истории, женской психологии и т. п., но и как проблемы всестороннего исследования женственности и мужественности и связанных с ними социальных и культурных ожиданий. В 90-е годы возникло направление, исследующее только мужественность и пришло осознание того, что маскулинность имеет разные проявления в любом обществе; главное из этих направлений получило название доминирующей (гегемонической) мужественности (hegemonic masculinity)⁴.

Вместе с тем в науке до сегодняшнего дня нет единого взгляда на природу гендера. Его относят, с одной стороны, к мыслительным конструктам, или моделям, разработанным с целью более четкого научного описания проблем пола и разграничения его

---

³ Цит. по: Пушкарева Н. Л. Указ. соч. С. 16.

⁴ Theory and society, 1993.

биологических и социокультурных функций. С другой стороны, гендер рассматривается как конструкт социальный, создаваемый обществом, в том числе и посредством языка.

Наибольшую известность получили концепция социального конструктивизма и теория интеракционизма.

1.1. Социальный конструктивизм и интеракционизм

Идея социального конструктивизма разработана Т. Парсонсом и несколько переосмыслена И. Гоффманом. Согласно концепции Парсонса, в трихотомии «общество–группа–индивид» доминирующим является общество. Вскрыв механизм социального действия, можно получить ключ к объяснению любого общественно значимого явления. Персонификация социальных отношений осуществляется через социальные роли, под которыми понимается нормативно регулируемое участие лица в процессе социального взаимодействия с определенными конкретными партнерами⁵. И. Гоффман также считал, что социальный мир, как и личность, – продукт ролевого взаимодействия между людьми, но взаимодействие совершается на основе обобщенных символов. Символическая интеракция между людьми акцентирует внимание на коммуникативных формах – информационных процессах, языке, средствах связи. Гоффман подчеркивал значимость не структуры, а процесса ролевого взаимодействия, отождествляя элементы сценического действия и социального взаимодействия.

Не отрицая биологической основы пола, И. Гоффман⁶ показал, что биологический пол является лишь отправным моментом для социально значимого разделения общества на 2 класса в зависимости от пола и для создания разных норм для членов того или иного класса. Для описания социальных аспектов пола Гоффман вводит термины «гендеризм» и «гендерный дисплей» (проявление), к которому он относит все культурные составляющие пола – гендерные стереотипы, полоролевые нормы и полоролевую идентичность.

И. Гоффман раскрыл также механизм создания клише и стереотипов, связанных с полом человека и навязывающих ему определенный образ поведения. Основными движущими силами гендеризма он назвал *институционализацию* и *ритуализацию пола*.

---

⁵ Parsons T. The structure and social action. New York, 1937.

⁶ Goffman E. Interaktion und Geschlecht. Frankfurt-a.-Main. 1994 (engl. 1977).

1.1.1. Институционализация пола

Общественный порядок, общественные установки проявляются в коммуникации. Представления о женственности и мужественности в межличностном общении «по умолчанию» включают и нормативные предписания индивидам того или иного типа поведения и места в обществе в зависимости от их пола. Доступ к общественно значимым позициям, рангам и функциям не является внешним фактором для коммуникации, а внутренне присущ социальным контактам и постоянно воспроизводится в процессе этих контактов. Таким образом гендер – проблема институциональная. Это означает, что социальный пол (гендер) входит в привычку, получает общепринятые формы выражения, приобретает узнаваемый вид, становится необходимой частью внешней формы, типичной для всех членов данного общества составляющей поведения и не зависит от воли и намерений индивида. Гендер развивает благодаря этому точные признаки мужского и женского, которые в то же время и создают обоснование различного отношения общества к мужчинам и женщинам. На взгляд Гоффмана, телесные различия полов как таковые не имеют решающего значения для навыков и умений, необходимых людям для решения большинства задач в повседневной жизни. Почему в таком случае общество делает относительно несущественные различия социально столь значимыми, что на них базируется все разделение труда? Хотя формы выражения мужественности и женственности мало связаны с биологией, именно биологическое (внешнее) отличие женщин от мужчин четко очерчивает диапазон явлений, служащих для обоснования патриархального порядка. Процессы закрепления полоролевых предписаний создаются обществом. Социализация – вхождение личности в общество, ее адаптация в нем – происходят через институты семьи, школы, религии, политики, средств массовой информации и рынка труда. В них закрепляются и воспроизводятся гендерные стереотипы.

Процесс гендерной социализации для индивида, по Гоффману, протекает следующим образом. При рождении ребенка устанавливается не только его биологический пол. Новорожденный, исходя из его пола, причисляется к одному из двух классов пола, с каждым из которых связываются определенные установки, классификации и признаки. Одно лишь физиологическое различие по полу само по себе не более значимо, чем цвет волос новорожденного. Однако пол ребенка является основанием для отнесения его к одной из двух социально значимых групп (классов

пола). Это и делает биологический пол столь значимым. Сегодня известно, что одни и те же новорожденные воспринимаются в зависимости от того, как их представили наблюдателю, – мальчиками или девочками. Так, крик новорожденного, представленного девочкой, воспринимался как просьба о помощи. Когда его представляли мальчиком, наблюдателям казалось, что криком ребенок выражает неудовольствие или требование⁷. В процессе роста человек в соответствии со своей принадлежностью к одному из двух классов пола усваивает тот тип поведения, который характерен в данном обществе для этого класса. Таким образом формируется гендерная идентичность человека, составляющая важный источник самоидентификации личности. Она, как считает И. Гоффман, воздействует на поведение человека сильнее, чем, например, его возрастная самоидентификация. Воспроизводимые в средствах массовой информации или иным образом гендерные клише способствуют дальнейшей гендерной типизации. Параллельная организация повседневной жизни – мужские и женские туалеты, отделы мужской и женской одежды, мужские и женские журналы, игрушки для мальчиков и для девочек – поддерживают гендеризм – пронизывающую всю жизнь и идеологизированную систему значимости пола.

Гендеризм, считает Гоффман, закрепляется в обществе также посредством ритуализации.

1.1.2. Ритуализация пола

Общение немислимо без соблюдения определенных ритуалов. Гендер является составляющей многих ритуалов. Ритуалы Гоффман трактует как подтверждения фундаментальных общественных отношений. Ритуалы многочисленны, совершаются при общении людей постоянно и воспроизводят принятые в обществе нормы и статусные отношения. Ритуалы облегчают общение, так как имеют сигнальную функцию. Так, стиль одежды мужчин и женщин ритуализован. Мужчины, как правило, одеты строго, просто и функционально; женщины – более пестро, игриво и менее функционально. Различные действия или их компоненты могут также быть ритуализованы: выбор лексики, стиль речи, жесты, само право говорить, положение говорящего в пространстве, интонация. Совершение ритуальных действий регламентируется обществом. Однако конкретный говорящий может отклониться от этого регламента. Такие отклонения в

---

⁷ *Condry S., Condry J. Sex differences: A study of the eye of the beholder // Child Development. 1976. № 47. P. 812-819.*

большей или меньшей степени ломают порядок общения и способствуют его изменению. В целом же ритуальные нормы, известные всем участникам коммуникации, формируют круг ожиданий людей и их готовность вести себя в соответствии с этими ожиданиями, которые символизируют и реконструируют общественный порядок.

Такие ожидания существуют в обществе и относительно мужского и женского поведения, внешности, одежды и т.п. Вся ритуальная жизнь общества пронизана дихотомией «мужское» – «женское». Имена, формы обращения, голоса, прически, самопрезентация ритуализуют гендерную идентичность.

При говорении голос и интонация образуют ту сферу, которая наиболее тесно связана с биологией тела. Но даже они могут носить ритуальный характер и символизировать положительные или отрицательные качества. Низкий, сильный, не слишком эмоциональный голос, свойственный мужчинам, олицетворяет авторитетность, деловитость и компетентность – все то, что составляет ритуал мужественности.

Высокий голос с эмоциональным интонированием произносимого считается женственным. Исследователи обнаружили, что женщины, занимающие высокие посты, стараются в своей речи подобного интонирования избежать⁸. Высокий голос и эмоциональное интонирование в мужском исполнении, по крайней мере, в европейских культурах ассоциируются с сексуальными отклонениями.

В связи с ритуализацией пола важное значение приобретают гендерные стереотипы – стандартные мнения о социальных группах или об отдельных лицах как представителях этих групп. «Стереотип – это суждение, в заостренно упрощающей и обобщающей форме, с эмоциональной окраской приписывающее определенному классу лиц некоторые свойства или, наоборот, отказывающее им в этих свойствах»⁹.

Естественно, что стереотипы очень упрощают реальную ситуацию, однако в коллективном общественном сознании они закрепились прочно и меняются медленно. В той или иной степени стереотипы-предрассудки воздействуют на каждого человека. Согласно укоренившимся представлениям, женщинам в обществе приписывается меньшая ценность, чем мужчинам.

---

⁸ Kothoff H. Geschlecht als Interaktionsritual? // Nachwort zu E. Goffman: Interaktion und Geschlecht / Hrg. von H.A. Knoblauch, 1994. S. 175.

⁹ Quasthoff U. Soziales Vorurteil und Kommunikation: eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps. Frankfurt-a.-Main. 1973.

Гоффман считает, что институционализация и ритуализация составляют основу гендерного дисплея – проявления каждым из индивидов своей принадлежности к определенному классу пола. Таким образом, Гоффман обращает внимание на тот факт, что любому обществу присуща определенная гендерная семиотика. Следовательно, гендерное измерение может применяться в дисциплинах, изучающих знаковые системы, в том числе и в лингвистике.

1.2. Создание гендерной идентичности: «doing gender»

Существуют и более категоричные точки зрения¹⁰, исходящие из того, что гендерные отношения конструируются в процессе коммуникативной интеракции (doing gender), то есть каждый индивид самостоятельно создает свою гендерную идентичность. Такая точка зрения выросла из критического прочтения работы Гоффмана. Гоффман предстает в интерпретации названных авторов как представитель социального конструктивизма, признающий роль институтов и антропологическую основу гендеризма. Зиммерман и Уэст считают, что в концепте гендерного дисплея существует фундаментальная неясность, так как он отделяется от реального взаимодействия. Тем самым «затушевывается воздействие гендера на широкий диапазон видов человеческой деятельности... Хотя вполне допустимо представление, что гендерные дисплеи – конструированные и конвенциональные выражения – могут быть выбраны исполнителями, однако то, как воспринимают нас (существами мужского или женского пола), лежит вне пределов нашего выбора»¹¹. Соглашаясь с Гоффманом в том, что каждое общество располагает набором ресурсов для создания гендера – к ним относятся физические характеристики социального окружения, стандартные социальные ситуации, практики формирования супружеских пар, – авторы в то же время считают: «Категория принадлежности по полу и гендер являются управляемыми свойствами поведения»¹². Таким образом, постулируется, что гендерная принадлежность личности не сводится к одному статическому аспекту, а является тем, что «человек *делает* и делает постоянно в процессе взаимодействия с другими»¹³.

¹⁰ Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера (doing gender) // Гендерные тетради. Вып. 1. СПб., 1997. С. 94–124; Butler, J. Körper von Gewicht. Die diskursiven Grenzen des Geschlechts. Frankfurt-a.-Main: Suhrkamp, 1995.

¹¹ Уэст К., Зиммерман Д. Указ. соч. С. 100–101.

¹² Там же. С. 112.

¹³ Там же.

В последние годы все четче подчеркивается системный характер гендера, синтетическое объединение интеракционистского и конструктивистского подходов. Под гендерной системой подразумеваются как идеи и институты, так и поведение индивидов и все виды коммуникативной интеракции. Такой подход позволяет проследить как статическую составляющую гендеризма, так и динамику гендера. Наиболее четко эта идея выражена в трудах Дж. Батлер: «Биологический пол» интерпретируется не как телесная данность, на которую искусственно накладывается конструкт социального пола, а как культурная норма, управляющая материализацией телесного... Процесс приписывания пола связывается с вопросом *идентификации* и дискурсивных средств, используемых для этого. Материализация данного биологического пола касается главным образом регулирования идентификационных практик»¹⁴.

В отечественных исследованиях гендер чаще всего определяется как «комплексный механизм» или «технология, которая определяет субъект в процессе нормативности и регулирования того, кем должен стать человек в соответствии с ожиданиями»¹⁵. Однако с этим определением соглашаются не все исследователи, считая, что оно представляет собой «терминологический импорт» и что «пол» не должен превращаться в «гендер» для того, чтобы стать предметом научного исследования»¹⁶. На наш взгляд, вполне возможно использование понятий *гендер* и *социальный пол* как синонимов (см. об этом ниже).

Обоснованной представляется точка зрения Н.Л. Пушкаревой: «Определение гендера как комплексного переплетения отношений и процессов и в то же время как фундаментальной составляющей отношений социальных, укорененной в культуре, содержащей элементы устойчивости и изменчивости, представляющей одну из основ стратификации общества по признаку пола и в то же время рассматриваемой в неразрывной связи с его биологическими функциями, можно считать вполне приемлемыми. В конечном счете гендер как переплетение отношений и процессов может быть и социальным и психологическим конструктом. Гендерный подход к исследованию – это учет многовариантного влияния фактора пола. Пол как категория состоит, таким

¹⁴ Butler J. Op. cit. S. 21–22 (перевод наш. – А.К.).

¹⁵ Пушкарева Н. Л. Указ. соч. С. 22.

¹⁶ Ушакин С. А. Поле пола: в центре и по краям // Вопросы философии. 1999. № 5. С. 71–85.

образом, как бы из двух важнейших компонентов: пола биологического (*sexus*) и пола социального (*gender*)»¹⁷.

1.3. Альтернативные теоретические модели гендера

Существуют также иные взгляды на развитие научных концепций, связанных с изучением пола. Так, С. А. Ушакин выделяет среди всего многообразия подходов к рассмотрению сущности пола и специфики его формирования три основные теории, или три типа «теоретического фундаментализма»¹⁸.

1.3.1. Три типа «теоретического фундаментализма»

1. **Биологический фундаментализм, традиционно связываемый с именем З. Фрейда.** Знаменитое изречение Фрейда «Анатомия – это судьба» относится прежде всего к биологическим основам пола и «сводит феномен пола до уровня половых практик, до уровня сексуальности»¹⁹. Убедительная критика фрейдистского подхода представлена в работах К. Поппера, К. Хорни, К. Г. Юнга и многих других. В нашу задачу не входит ее подробное рассмотрение.

2. **Структурный, или ролевой фундаментализм Т. Парсонса и М. Мид.** С позиции этой теории, определяющими являются понятия социальной структуры, порождаемой ею половых ролей и социализации как способа усвоения этих ролей. В рамках этой концепции «обретение пола есть процесс *обучения* традиционному сложившимся образцам поведения, каждое из которых трактуется либо как мужское, либо как женское»²⁰. Таким образом, структурный фундаментализм настаивает на производном характере пола, на его полной зависимости от социальных структур данной культуры. Пол также признается производной сложившегося разделения труда, которое влияет прежде всего на формирование семейных отношений и самой семьи, а следовательно, на полоролевую структуру²¹.

3. **Символический фундаментализм, представленный в трудах М. Фуко, Ж. Лакана, Ж. Дерриды и ставший частью постмодернистской философии.** В центре этой концепции находится тезис о недоступности реальности для человеческого понимания вне

¹⁷ Пушкарёва Н. Л. Указ. соч. С. 22.

¹⁸ Ушакин С. А. Поле пола // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. С. 35–45.

¹⁹ Ушакин С. А. Указ. соч. С. 39.

²⁰ Ушакин С. А. Указ. соч. С. 41.

²¹ Ср.: Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец 18 - 20 вв.). М., 1997.

структур языка. Таким образом, понимание реальности и всех ее составляющих, включая пол, опосредовано языком, навязывающим человеку определенные клише.

Однако роль М. Фуко не ограничивается лишь обоснованием символизма. Его вклад в разработку проблематики, связанной с полом, настолько велик, что необходимо хотя бы кратко изложить основные идеи исследователя.

1.3.2. Концепция М. Фуко

Прежде всего М. Фуко обосновал высокую значимость пола в западноевропейской культуре, на конкретном историческом материале показав, как формировалась эта значимость и как она связана с контролем общества над отдельными его представителями. Особую роль здесь, как показал Фуко²², играют дискурсивные практики, то есть способы говорения о чем-либо, включающие оценочность, имеющие иерархию. Конечной целью дискурсивных практик является максимально возможный контроль над индивидом, поэтому приписывание человеку пола не является лишь актом атрибуции. М. Фуко связывал характеристики дискурса с властными функциями, вводя понятие системы исключения²³ и системы контроля за производством дискурса. Как и И. Гоффман, Фуко обращает внимание на важнейшую роль ритуала. «Ритуал определяет квалификацию, которой должны обладать говорящие..., ритуал определяет жесты, поведение, обстоятельства и всю совокупность знаков, которые должны сопровождать дискурс; он, наконец, фиксирует предполагаемую или вменяемую действенность слов – их действие на тех, к кому они обращены, и границы их принудительной силы. Религиозные, юридические, терапевтические, а также частично – политические дискурсы совершенно неотделимы от такого выполнения ритуала, который определяет для говорящих субъектов одновременно их особые свойства и отведенные им роли»²⁴. Фуко считает, что все понятия, в том числе и пол, предстают перед индивидом не в некоем естественном виде, а как результат дискурса: «Мир – это не сообщник нашего познания, и не существует никакого пре-дискурсивного провидения, которое делало бы его благосклонным к нам. Дискурс, скорее, следует понимать как насилие, которое мы совершаем над вещами, – во всяком случае – как

---

²² Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.

²³ Фуко М. Указ. соч. С. 58–59.

²⁴ Там же. С. 71.

некую практику, которую мы им навязываем; и именно внутри этой практики события дискурса находят принцип своей регулярности»²⁵. Фуко показал, что пол личности на протяжении длительного периода истории человечества, особенно с середины XVII века, стал объектом контроля и подчинения. Вербализация пола и связанных с ним процессов ведет свое происхождение еще от христианского принципа исповеди, который в Новое время не только сохранился, но и развился во внецерковный «ритуал обязательной и исчерпывающей исповеди»²⁶. Фуко демонстрирует, что даже биологические аспекты пола приобретают социальный характер и на этом основании могут рассматриваться не как природные, а как социально и культурно обусловленные. По Фуко, гендерные отношения также должны рассматриваться как форма проявления власти, так как пол индивида является одним из элементов властных отношений. Контроль над любыми проявлениями пола возможен лишь при помощи упоминавшихся выше дискурсивных практик – способов интерпретации тех или иных проблем, приписывании им общественной значимости. Социальные институты (школа, право, церковь, медицина, искусство и т. д.) западноевропейского общества, считает Фуко, постоянно воспроизводят «истину» о сущности пола; следствием этого становится фиксация всех проявлений пола и приписывание им нормативности и оценочности. Фуко выделяет четыре типа дискурсивных практик, при помощи которых западноевропейское общество контролирует жизнь индивида и проявления его сексуальности²⁷: истеризация и медиализация женского организма; педагогизация пола ребенка; социализация производящего потомство поведения, то есть репродуктивной функции; психиатризация извращенного удовольствия (см. также работы М. Фуко «Рождение клиники» и «История безумия»). Столь пристальное внимание к проблеме пола, интерпретация его как одного из основных факторов жизни общества сделали пол и сексуальность социально значимыми категориями, «определяющими смысл и траекторию развития индивида»²⁸.

1.3.3. Психоаналитическая концепция гендера

В современной психоаналитической литературе обнаруживается критическое отношение к теории интеракционизма и со-

---

²⁵ Там же. С. 80.

²⁶ Там же. С. 68.

²⁷ Там же. С. 204.

²⁸ Ушакин С. А. Указ. соч. С. 43.

циальных ролей, подчеркивается их относительность. Цель психоаналитического подхода состоит в «деконструкции традиционных концептуализаций раннего развития ребенка»²⁹. Критике подвергается в первую очередь абсолютизация социальных факторов в процессе приобретения индивидом гендерной идентичности. Предлагается альтернативная модель, открывающая возможность нового подхода к психологии гендера: разграничение пола (*a core sex*), или *гендерной идентичности* как определяющего психологического субстрата, с одной стороны, и *идентификации индивида с определенной гендерной ролью* – с другой. Гендерная роль представляет собой в этом случае более пластичную смесь социально сконструированных прескрипций и вырабатываемых в семье (*parentally mediated*) гендерных ожиданий, существующих в динамическом взаимодействии с идеализацией и интернализацией ребенка его воспитателями в соответствии с их чувством гендерных различий. Психология гендера признает три фактора в качестве определяющих гендерный профиль индивида:

1) мощная бессознательная компонента, возникающая вследствие процессов семейного воспитания;

2) влияние моделей гендерной социализации, принятых в данном обществе;

3) биологические факторы.

На взгляд В. Поллака, «гендер – это не то, что мы видим и делаем, а то что мы *есть*. Гендерный опыт – это бессознательный клубок, состоящий из ранних воспоминаний, изменчивых аффектов, надежд, страхов, опасений, который никогда не может и не должен быть редуцирован до ограниченного набора осознанных функций, типов поведения или ролей»³⁰.

Если гендерная идентичность (пол) биологически детерминирован и дает возможность бинарного выбора между мужским и женским, то гендерная роль и ее идентификация является гораздо более сложным концептом или процессом, представляющим собой интериоризацию бессознательного, физических схем того, что для каждого индивида означает «быть мужчиной» или «быть женщиной». Такие схемы опосредуются контекстом соответствующего общества, культуры и семьи. Иными словами, уже на очень ранних этапах развития человек знает, что имеет

---

²⁹ Pollack W. S. Deconstructing dis-identification: Returning psychoanalytic concepts of Male Development // *Psychoanalysis and Psychotherapy*. 1995. № 12. P. 30 (перевод наш. – А.К.).

³⁰ Pollack W. S. Op. cit. P. 41.

пол: «У нас есть набор гормональных и биологических субстратов, обеспечивающих наше восприятие себя как существа, имеющего пол. Однако представление о том, что означает быть «женственной» или быть «мужественным», неразрывно связано с нашими ранними воспоминаниями (называемыми идентификацией) о других мужских или женских фигурах, так же как с социальными и культурными ожиданиями в связи с гендерной ролью»³¹.

Таким образом, теоретический пафос гендерного психоанализа сводится к следующему: идентификация себя как биологически мужского или женского существа представляет интерес, но рассматриваться это должно наряду и совместно с тем, что наша культура, общество и семья делают для вписывания этого биологического субстрата в формирование парадигмы ожиданий относительно гендерной роли. Следовательно, гендер – это сложная социальная и психическая конструкция, осознаваемая индивидами по-разному; она не может быть сведена к простому линейному соотношению с гендерной ролью по типу «один к одному».

В следующем разделе рассматриваются современная философская база гендерных исследований с позиции актуальных тенденций развития лингвистики, а также их основные направления в связи с концептуальными установками отдельных гендерологических школ. Эти вопросы обсуждаются здесь с позиции их решения в лингвистике.

2. Философия и методология гендерных исследований на современном этапе

Гендерные исследования (ГИ), включая и лингвистическую гендерологию, – новое направление гуманитарного знания, находящееся в нашей стране на этапе формирования. Этот факт вызывает необходимость начать данный раздел с описания как самого объекта и предмета ГИ, так и общепhilosophического контекста их возникновения. Известно, что ГИ начали интенсивно развиваться прежде всего в западной гуманитарной науке. Их возникновение и развитие связано с новым взглядом на проблему познания, философию науки и философию общества, с интенсивным развитием философской и психологической персонологии, социологии и этноантропологии.

---

³¹ Ibidem.

Само понятие «гендер» (gender) известно с шестидесятих годов нашего века, но широко применяться стало лишь в начале восьмидесятих годов. В научное описание оно введено для того, чтобы провести границу между понятием «биологический пол» («sexus») и социальными и культурными импликациями, вкладываемыми в концепты мужское – женское: разделение ролей, культурные традиции, отношения власти в связи с полом людей. Термин «гендер» призван исключить биологический детерминизм, заключенный в понятии «sexus» и приписывающий все социокультурные различия, связанные с полом, универсальным природным факторам.

Гендерная концепция приводит к заключению о том, что фемининность и маскулинность являются не только признаками конкретных биологических организмов, но и социально- и культурнообусловленными концептами, позволяющими рассматривать себя как бинарную оппозицию, включающую не только наличие/отсутствие определенного признака, но и категорию оценки.

Для того, чтобы понять, почему введение нового термина оказалось необходимым, надо рассмотреть время и условия возникновения и широкого распространения ГИ, то есть изложить философские и методологические предпосылки возникновения ГИ в эпоху постструктурализма и – шире – постмодернизма.

С этой точки зрения важно учитывать, что бурное развитие гендерных исследований на западе совпало по времени с формированием новой философии науки – в первую очередь благодаря идеологии постмодернизма, а также поиску новой эпистемы в самой лингвистике.

Как объяснить, почему гендерные исследования стали интенсивно проводиться в западных странах именно в период критики структурализма и формирования постмодернистской философии и какое значение имеет этот факт для российского языкознания, также переживающего в некотором роде «кризис жанра»? Для ответа на эти вопросы необходимо обобщить процессы, в результате которых сформировался постструктурализм и постмодернизм, определить, как они связаны с философией языка, и, наконец, установить, в чем же состоит лингвистическая компетенция в современной гендерологии.

Начнем с того, что принципиально нового внесли в теорию познания некоторые тенденции современной мысли, которые часто характеризуются как постмодернизм. Это постструктурализм, деконструктивизм, постмарксизм и некоторые течения

феминизма. Во многих отношениях различия между ними перевешивают сходства, но при этом их объединяют и общие черты, которые и могут быть определены как постмодернистские:

1. Все они отрицают устойчивые эпистемологические основы, неоспоримые теоретические предпосылки и закономерности. Их объединяет недоверие к абсолютным или универсальным нормам и всеобъемлющим теоретическим системам.

2. Все направления постмодернистской мысли признают языковую концепцию реальности, утверждая, что то, что мы воспринимаем как реальность, на самом деле социально и лингвистически сконструированный феномен, результат наследуемой нами лингвистической системы. Следовательно, мир познаваем только через языковые формы, значит, наши представления о мире не могут отразить реальность, которая существует за пределами языка; они могут быть соотнесены только с другими языковыми выражениями. Язык, таким образом, отделен от контактов с внешними обозначениями.

3. Эти направления мысли отвергают положение о социальной целостности, как и понятие о причинности, будучи приверженными разнообразию, плюрализму, фрагментарности и неопределенности.

4. Все они ставят под сомнение рациональный, единый субъект, который был основой западной мысли, начиная с эпохи Просвещения, предпочитая рассматривать его как социально и лингвистически фрагментированный³².

5. Собственно лингвистические и психологические исследования этого периода, в частности, новый взгляд на понятие *категория*, возникший под влиянием работ Э. Рош, также стимулировали пересмотр базовых философских понятий и отказ от большого числа традиционных представлений, свойственных картезианской логике, и, следовательно, новое осмысление лингвистических задач. На взгляд Дж. Лакоффа, приходится отказываться от значительного количества традиционных воззрений, в том числе от следующих:

- значение основывается на истинности и референции; оно касается отношения между символами и вещами в мире;
- биологические виды представляют собой естественные роды, определяемые общими сущностными свойствами;
- мышление отделено от тела и независимо от него;
- эмоции не имеют концептуального содержания;

---

³² См.ит С. Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 154–155.

- грамматика – выражение чистой формы;
- разум трансцендентален, в этом смысле он превосходит свойственный человеку способ мышления;
- существует истинный взгляд на мир (присущий богу) – это единственный, внешний по отношению к человеческому познанию способ понимания того, что есть объективная истина;
- в процессе мышления все люди используют одну и ту же концептуальную схему³³.

Эти постулаты «так или иначе связаны с классической интерпретацией понятия категории. Отказ от нее влечет за собой и отказ от других концептов. Они должны быть заменены представлениями, которые не только более точны, но и более человечны»³⁴. Несмотря на то, что не все лингвисты полностью разделяют эту радикальную точку зрения³⁵, постмодернистский подход находит широкое применение в языкознании.

Таким образом, доказываемая зависимость сознания индивида от стереотипов своего языка. Предполагается, что в сознании каждого запечатлена некоторая совокупность текстов, которые и определяют отношение человека к действительности и его поведение и опосредуются дискурсивной практикой. Вследствие этого языку придается исключительно важное значение, а лингвистика становится одной из центральных наук, так как сознание индивида уподоблено тексту: человек как субъект «растворяется в текстах-сознаниях, составляющих великий интертекст культурной традиции»³⁶.

Существенное место в идеологии постмодернизма занимают вопросы пола. Экзистенциальный статус личности базируется прежде всего на таких сущностных категориях, как возраст и пол. Так, согласно идее Дерриды, система ценностей и взгляд на мир производятся с позиции «европейских белых мужчин». Иными словами, все сознание современного человека, независимо от его пола, насквозь пропитано идеями и ценностями мужской идеологии с ее приоритетом мужского начала, логики, рациональности и объектностью женщины. Распространению этой идеи способствовала и известная книга Симоны де Бовуар «Второй пол» (1997), а также «Воля к знанию» Фуко, задуманная как первый

³³ Излагается по: *Лакофф Дж.* Когнитивная семантика (из книги «Женщины, огонь и опасные предметы») // Язык и интеллект. М., 1996. С. 148.

³⁴ *Лакофф Дж.* Указ. соч. С. 149.

³⁵ См., например: *Велбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1997.

³⁶ *Ильин И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. С. 225.

том «Истории сексуальности» и показавшая, как социальное доминирует над биологическим даже в такой «природно обусловленной» сфере, как отношения полов. Феминисты также выдвинули тезис о господстве в обществе патриархата и о том, что все тексты и дискурсивные практики навязывают индивидам именно патриархальные, то есть мужские ценности.

Исходя из приоритета языка, в зарубежной лингвистике оформилось гендерологическое направление, рассматривавшее, с одной стороны, зафиксированные в языке стереотипы феминности и маскулинности, а также гендерные асимметрии, а с другой – особенности речевого поведения мужчин и женщин.

Названные факты убеждают в том, что интерес к ГИ и их интенсивное развитие возникли не случайно, а являются одной из составляющих новой, постмодернистской концепции гуманитарной науки.

В настоящее время и внутри гендерных исследований выделяется ряд концептуальных направлений, связанных с идеологическими установками авторов и с историческим развитием самих гендерных исследований. В историческом ракурсе различают три этапа формирования ГИ³⁷:

1. «Алармистский» этап. Основное внимание уделялось андроцентрическому отклонению в общественных науках, критике интерпретационных возможностей социальной теории, изложенной с мужской точки зрения, акцентировалась дефектность традиционной патриархатной эпистемологии. Такая постановка вопроса получила свое развитие в первую очередь в постмодернистских трудах.

2. Этап «феминистской концептуализации». Его главной целью была разработка отчетливых ориентиров в феминистской теории и практике. В этот период создаются несколько направлений феминистски ориентированной науки (феминистский психоанализ, феминистская лингвистика), не скрывающих своей идеологической ангажированности. Активно осваивается постмодернистская теория для обоснования феминистского мировоззрения и исследований.

3. «Постфеминистский» этап характеризуется появлением «мужских исследований» и осмыслением проблем анализа того, как гендер присутствует, конституируется и воспроизводится в социальных процессах. В область гендерного анализа включают

---

³⁷ Подробнее см.: *Кандиоти Д.* Эволюция гендерных исследований: Обзор // Женщины и социальная политика (гендерный аспект). М.: ИСЭПН, 1992. С. 156-163.

ся оба пола, их отношения и взаимосвязи с социальными системами разного уровня.

Как справедливо отмечает А. А. Клецин, и в настоящее время исследования ведутся по всем трем направлениям, что связано «с одной стороны, с гетерохронностью освоения гендерной проблематики отдельными научными дисциплинами, с другой – региональными особенностями исследовательских интересов и приоритетов, с третьей – приверженностью отдельных исследователей той или иной модели теоретизирования и мета-теоретизирования»³⁸. Обращая внимание на слабую структурированность поля гендерных исследований в гуманитарных науках, А. А. Клецин предлагает различать все же три направления современных гендерных исследований: 1) гендер как инструмент социологического анализа; 2) понимание гендера как инструмента женских исследований; 3) гендер как культурологическая интерпретация³⁹. В России, на взгляд цитируемого автора, наибольшее распространение получило социологическое направление. Мы согласны с этой точкой зрения, но считаем, что и в поле лингвистических исследований в настоящий момент представляется возможным сделать ряд обобщений и выявить определенные тенденции развития ГИ. В главе 2 рассматриваются особенности формирования ГИ в отечественной лингвистике как с точки зрения их методологических особенностей, так и с позиции тематической организации.

3. Заключение

1. В научное описание понятие «гендер» введено для того, чтобы провести границу между понятием «биологический пол» («sexus») и социальными и культурными импликациями, вкладываемыми в концепты мужское – женское: разделение ролей, культурные традиции, отношения власти в связи с полом людей. Термин «гендер» призван исключить биологический детерминизм, заключенный в понятии «sexus» и приписывающий все социокультурные различия, связанные с полом, универсальным природным факторам.

2. В отличие от категории «sexus» гендерный статус и, соответственно, гендерная иерархия и гендерно обусловленные

³⁸ Клецин А. А. Предисловие редактора // Гендерные тетради. Выпуск 1. СПб., 1997. С. 5–11.

³⁹ См. также: Воронина О. А. Введение в гендерные исследования // Материалы первой Российской школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-97». М., 1997. С. 29–34.

модели поведения задаются не природой, а «конструируются» обществом (*doing gender*), предписываются институтами социального контроля и культурными традициями. Гендерные отношения являются важным аспектом социальной организации. Они особым образом выражают ее системные характеристики и структурируют отношения между говорящими субъектами.

3. Основные теоретико-методологические положения гендерного концепта основаны на четырех взаимосвязанных компонентах: это культурные *символы*; *нормативные утверждения*, задающие направления для возможных интерпретаций этих символов и выражающиеся в религиозных, научных, правовых и политических доктринах; *социальные институты и организации*, а также *самоидентификация личности*. Гендерные отношения фиксируются в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на поведение, в том числе и речевое, личности и на процессы ее языковой социализации.

4. Хотя гендерная концепция была в определенной степени подготовлена предыдущим накоплением фактов и их осмыслением, она оформилась в самостоятельное научное направление лишь в период постмодернизма. Это стало возможным благодаря отказу от постулата о том, что существует некоторая внешняя по отношению к человеческому познанию истина. Признание множественности истины, ее субъективности способствовало развитию антропоморфного взгляда на сознание и мышление и, следовательно, усилению внимания ученых к различным параметрам человеческой личности. Одним из таких параметров был признан пол, представляющий собой не только биологическую субстанцию, но и культурно обусловленный мыслительный конструкт. Это означает, что гендерная самоидентификация входит в число когнитивных ресурсов как отдельной личности, так и общества. В соответствии с этим гендер может быть рассмотрен как измерение, как параметр исследования во многих общественных науках, в том числе и в лингвистике.

5. Гендер не является лингвистической категорией, но в значительной мере его содержание может быть раскрыто путем анализа структур языка. Именно внелингвистический статус гендера обусловил некоторое своеобразие его изучения. Во-первых, гендер сам может служить объектом исследования как в отдельных науках, так и в междисциплинарной парадигме. Во-вторых, отдельные области науки, в частности, лингвистики, могут изучаться в аспекте гендера. Объектом в данном случае является лингвистическая категория, например синтаксис, лексикон, праг-

матика и т. д. Предметом же становится гендерное измерение соответствующей сущности.

6. Именно из-за того, что гендер является компонентом как коллективного, так и индивидуального сознания, его необходимо изучать как когнитивный феномен, проявляющийся как в стереотипах, фиксируемых языком, так и в речевом поведении индивидов, с одной стороны, осознающих себя лицами определенного пола, с другой – испытывающих определенное давление аксиологически не нейтральных структур языка, отражающих коллективное видение гендера.

7. Как показывают изложенные в главе концепции (в особенности идеи М. Фуко), пристальное внимание к вопросам пола свойственно западноевропейской культурной традиции. В какой степени гендерный фактор значим в других культурах, можно заключить, в числе прочих исследований, посредством лингвистического анализа.

Литература

- Кирилина А. В.* Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999. Глава 1.
- Клецин А. А.* Предисловие редактора // Гендерные тетради. Выпуск 1. СПб., 1997. С. 5–11.
- Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций / Под ред. О. А. Ворониной. М.: МЦГИ-МВШСЭН-МФФ, 2001. Глава 1.
- Репина Л. П.* Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002. Часть 1.
- Рябов О. В.* «Матужка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2002. Глава 1.
- Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. М., 2002.
- Ушакин С. А.* Поле пола: в центре и по краям // Вопросы философии. 1999. № 5. С. 71–85.

Вопросы для самостоятельной работы

1. Опишите процесс формирования нового научного взгляда на категориальный статус гендера.
2. Сформулируйте основные положения гендерного подхода в общественных науках.
3. Сравните взгляды Т. Парсонса, И. Гоффмана, М. Фуко и концепцию Уэст и Циммерман. На чем основаны расхождения в их взглядах?
4. Охарактеризуйте альтернативные модели гендера.
5. Определите, на каких принципах строится современная методология гендерных исследований и свяжите их с концепцией постмодернистской философии.

Глава 2

Эволюция гендерных исследований в лингвистике

В данной главе рассматриваются вопросы исторического развития гендерных исследований, выделяются их основные направления, освещаются особенности отечественных гендерных исследований, а также анализируются методологические проблемы, связанные с повышением обоснованности и валидности изучения гендера в лингвистике.

1. Освещение связи языка и пола в истории лингвистики

Возросший во всех областях гуманитарной науки интерес к антропоцентричности знания и индивидуальным параметрам личности позволяет предположить, что вопросы взаимосвязи пола и языка в недалеком будущем утратят разрозненный и фрагментарный характер и консолидируются. В российской лингвистике наблюдается процесс формирования самостоятельной научной дисциплины – лингвистической гендерологии¹.

---

¹ Халева И. И. Задачи Московского лингвистического университета в междисциплинарном проекте «Феминология и гендерные исследования в России: перспективные стратегии и технологии» // Женщина в российском обществе. 1998. № 3. С. 8–11; Кириллина А. В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филологические науки. 1998. № 2. С. 51–58; она же. Перспективные направления развития гендерных исследований в российской лингвистике // Женщины России на рубеже XX–XXI веков: Материалы международной научной конференции. Иваново, 23–24 апреля 1998. С. 16–20; она же. Философская база и методология гендерных исследований в применении к российской лингвистике // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999. С. 10–14; она же. Предисловие // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации: Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002. С. 7–12.

Именно поэтому необходим краткий обзор концепций и направлений изучения проблемы пола в языке, предшествовавших возникновению категории «gender» и связанной с ней новой точки зрения на соотношение понятий «пол» и «язык».

В тексте этой главы для удобства изложения термин «гендерный» используется для обозначения полового диморфизма в языке по отношению ко всем этапам изучения этого феномена. Однако само понятие «gender», как показано в главе 1, вошло в лингвистическую терминологию значительно позже, и в языкознании не всегда четко разграничиваются категории «genus», «sexus» и «gender», что объясняется исторической спецификой исследования проблем пола в языке.

Проблематика ГИ в лингвистике может быть рассмотрена в диахронном и синхронном аспектах, тесно друг с другом связанных.

Изучение взаимосвязи языка и пола его носителей принято разделять на два периода², рубежом которых являются 60-е годы XX века:

1) биологический детерминизм – нерегулярные (и не связанные со смежными науками) исследования, основанные главным образом на наблюдениях разрозненных фактов;

2) собственно гендерные исследования – широкомасштабные исследования, идущие с 60-х годов и обусловленные ростом интереса к прагматическому аспекту языкознания, развитием социолингвистики и существенными изменениями в традиционном распределении мужских и женских ролей в обществе, позволившими увидеть лингвистические факты в новом свете и по-новому интерпретировать их.

Сегодня нам представляется более правильным назвать три фазы развития ГИ: между первым и вторым этапами находится небольшой промежуточный период, продолжавшийся с начала примерно до середины XX века и послуживший подготовительной базой современных ГИ. В это время началось накопление фактов, позволивших усомниться в исключительно биологическом характере полового диморфизма. Этот период мы назовем переходным.

---

² Günthner S., Kotthoff H. (Hrsg.). Von fremden Stimmen: Weibliches und männliches Sprechen im Kulturvergleich. Frankfurt-a.-Main, 1991; Samel J. Einführung in die feministische Sprachwissenschaft. Berlin, 1995; Кирилина А. В. Категория «gender» в языкознании // Женщина в российском обществе. 1997. № 2. С. 15–20; она же. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филологические науки. 1998. № 2. С. 51–58; Tafel K. Die Frau im Spiegel der russischen Sprache. Wiesbaden, 1997.

1.1. Биологический детерминизм

Впервые фактор биологического пола в языке возник в античности при осмыслении категории грамматического рода. Древнейшей и долгое время единственной гипотезой о причинах появления и функционирования в языке категории рода стала символично-семантическая, базировавшаяся на соотношении природной биологической категории «sexus» с грамматической категорией «genus». Сторонники символично-семантической гипотезы считали, что грамматический род возник под влиянием природной данности – наличия людей разного пола³. Хотя точки зрения на детерминированность категории рода биологической реальностью в ряде аспектов не совпадали, единым было мнение о несомненной связи природного пола и грамматического рода. Гипотеза основывалась на двух особенностях мифологического мышления – анимизме и антропоморфизме. Символично-семантическую гипотезу представляли ученые, оказавшие огромное влияние на лингвистику (Гердер, Grimm, Гумбольдт и др.), что предопределило ее длительное господство в лингвистическом описании. При этом обращает на себя внимание обстоятельство, что для объяснения экстралингвистической мотивированности категории рода исследователи использовали свой неязыковой опыт. Это привело к появлению оценочности в интерпретации категории рода: мужской род оказывался первостепенным из-за приписывания именам, относящимся к нему, семантики силы, активности, энергии. Имена женского рода, напротив, характеризовались пассивностью, подчиненностью. Таким образом условия социальной реальности экстраполировались на законы развития языка, что подтверждается данными Э. Борнемана⁴, создавшего один из наиболее фундаментальных трудов о роли гендерного фактора в развитии общества, где анализ ведется с позиций междисциплинарного подхода. Удар по символично-семантической гипотезе нанесло открытие языков, в которых категория рода отсутствует. Тем не менее в рамках критики этой гипотезы и постепенного вытеснения ее морфологическим и синтаксическим объяснением категории рода неизменным остава-

---

³ Подробнее см.: *Royen P.* Die nominalen Klassifikationssysteme in den Sprachen der Erde. Modling bei Wien, 1925; *Jarnatowśkaja V. E.* Die Kategorie des Genus der Substantive im System der deutschen Gegenwartssprache Deutsch als Fremdsprache. 1968. Bd 5. Heft 4. S. 213–219; *Шахмайкин А. М.* Проблема лингвистического статуса категории рода // Актуальные проблемы современной русистики: Дiachрония и синхрония. М.: МГУ. 1996. С. 226–273.

⁴ *Borneman E.* Das Patriarchat: Ursprung und Zukunft unseres Gesellschaftssystems. Frankfurt-a.-Main, 1991 (zuerst 1971).

лось признание того, что категория рода сама способна влиять на человеческое восприятие соответствующих слов и понятий. Так, персонификация приписывает объектам, обозначаемым словами женского рода, свойства лиц женского пола, а объектам среднего и мужского рода – свойства лиц мужского пола. По данным Р. Якобсона, русские представляют себе дни недели в соответствии с родом слова. Грех в немецком сознании ассоциируется с женщиной (*die Sünde*)⁵. При этом обыденное сознание не задумывается о том, что обусловило род слова – семантика, синтаксис или морфология. Все это позволяет предположить, что грамматический род имени оказывает влияние на восприятие действительности и активизирует в сознании фреймы, связанные с концептом биологического пола, и – что существенно – участвует в формировании положительных или отрицательных коннотаций.

Следующим стимулом исследования гендерного фактора в языке стало открытие в XVII веке «экзотических» первобытных языков, где имело место разделение на мужской и женский варианты или даже обособленные мужские и женские языки. Сообщения о таких языках спорадически появлялись с 1664 года, но систематических исследований по ним не проводилось. Общим для всех немногочисленных описаний гендерной вариативности было то, что мужской вариант рассматривался как собственно язык, а женский – как отклонение от него. Строго говоря, речь шла не о мужском и женском языках, а только о женском. Примечательно, что даже в 1990 г. в Лингвистическом энциклопедическом словаре (ЛЭС) (статья «*Женский язык*») представлена подобная точка зрения.

Особенностью этого периода были преимущественно описательный характер научного дискурса и сугубо биологический подход к материалу. Как правило, исходной позицией исследователей были как бы предопределенные природой различия в когнитивных и в целом в интеллектуальных способностях мужчин и женщин. Соотношение пола, образования, культуры, возраста не рассматривалось; выводы делались на нерепрезентативном материале. Считалось, что все различия между мужской и женской речью определяются биологическим полом. Исходным пунктом интерпретации признаков полового диморфизма в языке и речи была их *природная обусловленность*: «...принятое в культуре представление о гендере рассматривает мужчину и женщину как определенные естественно и недвусмысленно категории бытия с очевидно различающимися психологическими и поведенческими предпочтениями, которые возможно предсказать, исходя из

---

⁵ См.: Шахмайкин А. М. Указ. соч. С. 231.

репродуктивных функций. Компетентные взрослые члены этих обществ рассматривают различия между мужчиной и женщиной как фундаментальные и устойчивые... Вещи таковы, какие они есть, благодаря тому факту, что мужчины – это мужчины, а женщины – это женщины: такое разделение рассматривается как естественное и укорененное в биологии»⁶.

1.2. Переходный период (первая половина XX века)

В начале прошлого века интерес к гендерным аспектам языка и коммуникации несколько возрос благодаря трудам Э. Сепира, О. Есперсена, Ф. Маутнера, хотя самостоятельного направления еще не сформировалось.

Накопившаяся к этому времени информация о различиях в языке в связи с полом его носителей у народов, находящихся в стадии первобытного развития, и в ряде языков Юго-Восточной Азии навела лингвистов и философов на мысль о возможности гендерных различий в «цивилизованных» языках Европы. В 1913 году вышел посвященный критике языка труд Маутнера⁷, в котором он признает гендерные различия в языке, обосновывая их социальными и историческими причинами. Возникновение «женского» языка Маутнер связывает с историческими традициями античного театра, где первоначально женские роли исполняли мужчины. Лишь с появлением на сцене женщин в технике драматургии произошли изменения, давшие возможность «звучать» и женскому варианту языка. Исторический подход привел автора к выводу о том, что общество восприняло «женский» язык тогда, когда женщинам позволено было выступать, что свидетельствует о влиянии неравноправного положения полов на языковую социализацию. Ранее социальные аспекты гендерной вариативности языка не учитывались, однако идея Маутнера долгое время не находила дальнейшего развития и оставалась невостребованной.

Э. Сепир⁸ сосредоточил внимание на различиях, имплицитных социальную идентичность (person implications) в индейских языках нутка и коасати. Пол и статус Сепир относит к тем

---

⁶ Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера (doing gender) // Гендерные тетради. Вып. 1. СПб., 1997. С. 97.

⁷ Mauthner F. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Band 1 (Zur Sprache und Psychologie), 3. Auflage. Stuttgart: Berlin, 1921 (zuerst 1913).

⁸ Sapir E. Abnormal types of speech in Nootka // Canada. Ottawa. Geological Survey. Memoir 62. Anthropological Series. № 5; Idem. Male and female forms of speech in Yana // Donum natalicium schrignen / Ed. by St. W. J. Teeuwen. Nijmegen; Utrecht, 1929. P. 79–85.

измерениям социальной идентичности, цель которых – сигнализировать посредством лингвистической формы «отклоняющуюся от нормы» речь. Так, мужчины, говорящие на языке коасати, для выражения своей принадлежности к мужскому полу прибавляют суффикс – s к глаголу в каждом высказывании, причем это касается не только глаголов в первом лице, указывающих на самого говорящего, но всех глагольных форм.

Сепир рассмотрел также фонологические различия в рамках одной морфемы, интерпретируя их как индикатор половой принадлежности. Сепир пришел к выводу, что пол маркируется индексально и облигаторно в морфологии многих языков. Этот факт подтвердился дальнейшими исследованиями индейских, а затем и на материале других языков. Было установлено, что этот тип различия является главным и наиболее частотным способом гендерной дифференциации, зафиксированным в лингвистической литературе.

В 1922 году Отто Есперсен посвятил целую главу фундаментального труда о происхождении и развитии языка особенностям женской языковой компетенции⁹. Есперсен дал более широкий, чем Сепир, обзор дистинктивных признаков пола в языке. Его также считают одним из первых лингвистов, обративших внимание на существование мужских и женских предпочтений в пользовании лексиконом. По Есперсену, женщины употребляют иную, нежели мужчины, лексику, более склонны к эвфемизмам и менее к ругательствам. Женщины, считает автор, консервативны в употреблении языка, что иллюстрируется на примере сообществ эмигрантов и иных изолированных групп, где сохраняется родной язык и одновременно усваивается новый. При этом женщины чаще остаются монолингвальными, а мужчины быстрее усваивают новый язык. На синтаксическом уровне женщины предпочитают эллиптические конструкции и паратаксис, тогда как в речи мужчин чаще встречаются периоды и гипотаксис, чему Есперсен дает более высокую оценку и на этом основании делает вывод об умственном превосходстве мужчин. Хотя Есперсен наиболее полно для своего времени интерпретировал вопрос о влиянии гендерного фактора, его воззрения в последующий период подвергались критике в связи с тем, что свои выводы он сделал, основываясь лишь на личных наблюдениях, многие из которых не были достаточно обоснованы¹⁰.

---

⁹ *Jespersen O. The Woman // The feminist critique of language / Ed. by D. Cameron. L., 1998. P. 225–241.*

¹⁰ *Günthner S., Kotthoff H. (Hrsg). Von fremden Stimmen: Weibliches und männliches Sprechen im Kulturvergleich. Frankfurt-a.-Main, 1991.*

В целом первый и второй периоды изучения гендерного фактора в языке характеризуются двумя особенностями: а) исследования носили нерегулярный характер и находились на периферии лингвистики; б) в ходе описания особенностей мужской и женской языковой компетенции сформировалась концепция «дефицитности» «женского» языка по отношению к «мужскому». Нормой признавался «мужской» язык, а отклонением от нормы – «женский». Однако на втором этапе появились новые данные, а также тема заинтересовала крупных лингвистов, что способствовало большему распространению ГИ и повышению их авторитета.

1.3. Собственно гендерные исследования (вторая половина XX века)

С конца 60-х – начала 70-х годов XX века произошел коренной поворот в подходе к ГИ. Он был вызван как сменой научной парадигмы (уход от структурализма), так и социальными изменениями.

Большую роль сыграли развитие социолингвистики, формирование постмодернистской теории познания и подъем феминистского движения. Именно в этот период сформировались несколько лингвистических направлений, различающихся по концептуальным установкам, методам исследования и характеру изучаемого материала. Эти направления имеют много точек соприкосновения, поэтому их разграничение носит в известной мере условный характер:

1. Социолингвистические ГИ.
2. Феминистская лингвистика.
3. Собственно гендерные исследования, изучающие оба пола.
4. Исследование маскулинности (men's studies)¹¹ – наиболее новое направление, возникшее в начале 90-х годов.
5. Психолингвистическое изучение пола, смыкающееся в последнее время с нейролингвистикой. Сюда же мы относим биодетерминистское направление, исходящее из природной заданности когнитивных различий мужчин и женщин, обусловленной неодинаковым гормональным балансом¹², а также исследование детской речи.

---

¹¹ См. например: *Theorie and Society*, 1993. Masculinities. Special issue: *Theorie and society*, 1993. № 22. P. 597–623; *Erhart W., Hermann B.* (Hrsg). *Wann ist der Mann ein Mann? Zur Geschichte der Männlichkeit*. Stuttgart; Weimar, 1997.

¹² См.: *Philips S. U.* Introduction: The interaction of social and biological processes in women's and men's speech // *Language, gender and sex in comparative perspective* / Ed. S.U. Philips, S. Steel, Ch. Tanz. N. Y., 1987. P. 1–11.

6. Кросскультурные, лингвокультурологические исследования, в том числе гипотеза гендерных субкультур¹³.

Названные направления под разным углом зрения изучают следующие группы проблем:

1. Язык и отражение в нем пола: номинативную систему, лексикон, синтаксис, категорию рода и ряд сходных объектов. Цель такого подхода состоит в описании и объяснении того, как манифестируется в языке наличие людей разного пола, какие оценки приписываются мужчинам и женщинам и в каких семантических областях они наиболее распространены. Это могут быть как исследования одного языка, так и сопоставительные труды.

2. Речевое поведение мужчин и женщин, где выделяются типичные стратегии и тактики, гендерно специфический выбор единиц лексикона, способы достижения успеха в коммуникации (достижение статуса эксперта, гендерные предпочтения в выборе синтаксических конструкций и т. д.) – то есть специфика мужского и женского говорения. В этой области, в свою очередь, можно выделить несколько концептуальных подходов, прежде всего теорию социокультурного детерминизма и теорию биоде-терминизма.

Многие из направлений развиваются в междисциплинарной парадигме, что вообще является отличительной чертой ГИ. Другая их особенность – прикладной характер, ряд успешных попыток реформирования языка, что, видимо, можно объяснить значительной политической активностью феминизма.

Следует отметить, что названные направления не сменяли друг друга, а «вырастали» одно из другого, и в настоящее время продолжают сосуществовать, в ряде случаев конкурируя друг с другом.

Кроме того, гендерный аспект языкознания характеризуется тем, что практически любая область лингвистики (проблемы референции, когнитии, морфологии, грамматики, синтаксиса, лексикологии и фразеологии, семантики и прагматики, лингвистики текста и т. д.) могут быть рассмотрены с точки зрения отражения в них гендерных отношений.

Рассмотрим каждое из названных течений.

---

¹³ *Maltz D. N., Borker R. A. Mißverständnisse zwischen Männern und Frauen – kulturell betrachtet // G. Kotthoff (Hrsg.) Von fremden Stimmen. Weibliches und männliches Sprechen im Kulturvergleich. Frankfurt-a.-Main, 1991. S. 52–74; Tannen D. Du kannst mich einfach nicht verstehen. Warum Männer und Frauen aneinander vorbeireden. Hamburg, 1991; Idem. Tannen. Das habe ich nicht gesagt! Kommunikationsprobleme im Alltag. Hamburg, 1992.*

1.3.1. Вклад социолингвистики в изучение гендера

Стимулом для более интенсивных и систематических гендерных исследований в 60-е годы прошлого века послужило развитие социолингвистики, предоставившей в распоряжение ученых обширный статистический материал о функционировании языка в группах людей, объединенных по признаку профессии, пола, возраста, городского или сельского образа жизни и т. д. Так, квантитативные исследования¹⁴ показали, что пол носителей языка определенным образом влияет на употребление языка. В частности, было установлено, что женщинам свойственно употребление более престижных вариантов произношения. Исследуя записи устных интервью, Лабов установил, что женщины проявляют стремление использовать предпочтительные, нестигматизированные фонологические варианты. Это стремление сближает их со стилевой манерой среднего класса и удаляет от стиля общения в рабочих кругах. Аналогичные результаты были получены при исследовании гендерных аспектов коммуникации на материале ряда других европейских языков.

Модель гендерных различий Лабова отличалась от предыдущих концепций следующим:

1. В фокусе исследования находилась фонология, а не морфология.

2. Анализ проводился на базе актуального говорения представительной группы людей, а не на данных одного или нескольких информантов. Интроспективный метод не применялся.

3. Результат своего исследования Лабов рассматривал как вероятностный, допуская возможность вариативности. Таким образом, Лабов доказал, что любой говорящий варьирует использование языка и не произносит один и тот же фонологический вариант слова во всех случаях его употребления. Этот вывод имел существенное научное значение, так как более ранние труды по гендерной проблематике, как правило, имплицитно или эксплицитно содержали вывод об имманентном характере различий мужского и женского говорения как фактора биологически обусловленного.

4. Данные Лабова позволяли провести квантитативное исследование, в то время как материал предыдущих исследований

---

¹⁴ *Labov W. Variation in language // The learning of language. national council of teachers of English. Carrol E. Reed (Ed.) / N. Y., 1971. P. 187-221; Trudgill P. Sex, covert prestige, and linguistic change in the urban British English of Norwich // Language in society. 1972. P. 179-195.*

не только не подвергался статистическим процедурам, но и не мог быть им подвергнут в силу метода (или его отсутствия), при помощи которого собирались данные. Все фонологические варианты, изученные Лабовым, были предметом сознательной оценки говорящими, произносившими и осмыслявшими их как правильные или неправильные формы произношения. Методом количественного анализа Лабова пользовались в дальнейшем и другие его последователи. Успешно применяется он и в настоящее время¹⁵.

По данным Траджилла, полученным в ходе исследования произносительных вариантов в Норвиче (Англия), женщины чаще употребляют более престижное носовое «ng», а мужчины – стигматизированное «п». Исследования социолектов подтвердили необходимость более тщательного учета экстралингвистических факторов при объяснении полового диморфизма в языке. Именно типично женские профессии: учительница, парикмахер, медсестра – предполагают коммуникативную интеракцию с самыми разными социальными группами, что сказывается на употреблении языка представительницами этих профессий¹⁶.

В социолингвистике также встречается гипотеза о большей консервативности «женского» языка, однако ее обоснованность вызывает у ряда исследователей сомнения¹⁷.

Еще один стимул для осмысления гендерной специфики языка и речи был дан этнографическими и этнологическими работами, где рассматривался более широкий круг явлений, в которых могут проявляться гендерные различия: лексикон, фонология, морфология, синтаксис. В работах, проведенных на материале неевропейских языков, особое внимание уделялось именно гендерной специфике синтаксиса, так как этот материал был наименьшим образом задокументирован в лингвистической литературе, за исключением английского языка. Вместе с тем «вариационисты», как и «морфологисты», подчеркивали лишь одну функцию гендерных различий в языке – индикативную.

---

¹⁵ Labov W. The intersection of sex and social class in the cause of linguistic change // *The Sociolinguistics reader. Volume 2. Gender and discourse* / Ed. by J. Cheshire, P. Trudgill. London, 1998. P. 7–52.

¹⁶ Nicols P. Linguistic options and choices for black in the rural South // *Language, gender and society* / B. Thorn, Ch. Kramarae, N. Henley (eds). Rowley, P. 54–69; Coats J. *Women, men and language: A sociolinguistic account of sex differences in language*. N. Y., 1986.

¹⁷ Nabrings K. *Sprachliche Varietäten*. Tübingen, 1981.

1.3.2. Феминистская лингвистика

В конце 60-х – начале 70-х годов XX в. гендерные исследования в языке получили еще один мощнейший импульс благодаря так называемому Новому женскому движению в США и Германии, в результате чего в языкознании возникло своеобразное направление, названное феминистской лингвистикой (ФЛ), или феминистской критикой языка. Главная цель феминистской лингвистики состоит в разоблачении патриархата – мужского доминирования в системе языка и в изменении языка.

Основополагающей в области лингвистики стала работа Р. Лакофф «Язык и место женщины»¹⁸, обосновавшая андроцентричность языка и ущербность образа женщины в картине мира, воспроизводимой в языке¹⁹.

К специфике феминистской критики языка можно отнести ее ярко выраженный полемический характер, попытки разработать собственную лингвистическую методологию²⁰, привлечение к лингвистическому описанию результатов всего спектра наук о человеке (психологии, социологии, этнографии, антропологии, истории и т. д.), а также ряд успешных попыток влиять на языковую политику. Зародившись в США, наибольшее распространение в Европе ФЛ получила в Германии с появлением работ С. Тремель-Плетц²¹ и Л. Пуш²².

Идеология феминизма часто рассматривается как одна из составляющих постмодернистской философии²³. Отсюда – ее повышенный интерес к феноменам языка. ФЛ, а также ведущие постмодернистские теоретики (Деррида) обратили внимание на неравномерную представленность в языке лиц разного пола.

¹⁸ Lakoff R. Language and women's place // *Language in Society*. 1973. № 2. P. 45–79.

¹⁹ Подробнее работы американских исследовательниц см. в: *The feminist critique of language* / Ed. by D. Cameron. 2nd ed., L., 1998; *Parsons A. Women changing language*. N. Y., 1998, а также в: *Калосова О. Н. Когнитивные основания языковых категорий: (На материале современного английского языка)*. Дис... д-ра филол. наук. М., 1996.

²⁰ См., например: *Mandele N., Rundle L. Feminist qualitative research methods: A handbook for researchers*. York University, 1998.

²¹ *Tromel-Platz S. Linguistik und Frauensprache* // *Linguistische Berichte*. 1978. 57. S. 49–68.

²² *Pusch L. Das Deutsche als Männersprache* // *Linguistische Berichte*. 1981. 69. S. 59–74.

²³ См. об этом: *Смит С. Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы* // *Вопросы истории*. 1997. № 8. С. 154–161; *Ильин И. II. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм*. М., 1996.

Язык фиксирует картину мира с мужской точки зрения, поэтому он не только антропоцентричен (ориентирован на человека), но и андроцентричен (ориентирован на мужчину): язык создает картину мира, основанную на мужской точке зрения, от лица мужского субъекта, с точки зрения мужской перспективы, где женское предстает главным образом в роли объекта, в роли «Другого», «Чужого» или вообще игнорируется, в чем и состоит феминистский «упрек».

ФЛ выделяет следующие *признаки андроцентризма*.

1. Отождествление понятий «человек» и «мужчина». Во многих языках Европы они обозначаются одним словом: *man* в английском, *homme* во французском, *Mann* в немецком. В немецком языке есть и еще одно обозначение – *Mensch*, но и оно этимологически восходит к древневерхненемецкому *mannisco* – «мужской», «относящийся к мужчине». Слово «*der Mensch*» мужского рода, но иронически может употребляться по отношению к женщинам с артиклем среднего рода – *das Mensch*.

2. Имена существительные женского рода являются, как правило, производными от мужских, а не наоборот. Им часто сопутствует негативная оценочность. Применение мужского обозначения к рефренту-женщине допустимо и повышает ее статус. Наоборот, номинация мужчины женским обозначением несет в себе негативную оценку.

3. Существительные мужского рода могут употребляться неспецифицированно, то есть для обозначения лиц любого пола. Действует механизм «включенности» в грамматический мужской род. Язык предпочитает мужские формы для обозначения лиц любого пола или группы лиц разного пола. Так, если имеются в виду учитель и учительница, достаточно сказать «учителя». Таким образом, считает ФЛ, в массе случаев женщины вообще игнорируются языком.

4. Согласование на синтаксическом уровне происходит по форме грамматического рода соответствующей части речи, а не по реальному полу референта:

Нем.: *Wer hat hier seinen Lippenstift vergessen?* (Букв.: *Кто забыл здесь его помаду?*) – хотя речь идет о женщине.

5. Фемининность и маскулинность разграничены резко – как полюса – и противопоставлены друг другу в качественном (положительная и отрицательная оценка) и в количественном (доминирование мужского как общечеловеческого) отношении, что ведет к образованию гендерных асимметрий.

Эта тематика особенно подробно разработана на материале английского и немецкого языков.

В ФЛ просматриваются два течения: первое относится к исследованию языка с целью выявления «асимметрий в системе языка, направленных против женщин»²⁴. Эти асимметрии получили название языкового сексизма (*sprachlicher Sexismus*). Речь идет о патриархальных стереотипах, зафиксированных в языке и навязывающих его носителям определенную картину мира, в которой женщинам отводится второстепенная роль и приписываются в основном негативные качества. В рамках этого направления исследуется, какие образы женщин фиксируются в языке, в каких семантических полях представлены женщины и какие коннотации сопутствуют этому представлению. Анализируется также языковой механизм «включенности» в грамматический мужской род: язык предпочитает мужские формы, если имеются ввиду лица обоего пола. На взгляд представителей этого направления, механизм «включенности» способствует игнорированию женщин в картине мира. Исследования языка и сексистских асимметрий в нем основываются на гипотезе Сепира-Уорфа: язык не только продукт общества, но и средство формирования его мышления и ментальности. Это позволяет представителям ФЛ утверждать, что все языки, функционирующие в патриархальных и постпатриархальных культурах, суть мужские языки и строятся на основе мужской картины мира. Исходя из этого, ФЛ настаивает на переосмыслении и изменении языковых норм, считая сознательное нормирование языка и языковую политику целью своих исследований.

Именно к этому периоду относится возникновение понятия *gender* как концепта, альтернативного названным двум категориям (*genus* и *sexus*), призванного подчеркнуть социальный характер отношений между полами и исключить биологический детерминизм, имплицитно присутствующий в понятии *sexus*, которое связывает социальное предназначение и ожидания в отношении поведения индивида с его биологическими свойствами.

Вторым направлением ФЛ стало исследование особенностей коммуникации в однополых и смешанных группах. Эти исследования характеризуются широким охватом: анализируются самые разные аспекты ведения аргументативных диалогов – телевизионные ток-шоу, диалоги врачей и пациентов, речевое общение в семье и т. д. В основе исследований лежит предположение о том, что на базе патриархальных стереотипов, зафиксированных в языке, развиваются разные стратегии речевого поведения муж-

---

²⁴ Trömel-Plötz S. *Frauensprache: Sprache der Veränderung*. Frankfurt-a.-Main, 1982. S. 137 (перевод наш. – А. К.).

чин и женщин. ФЛ дополняет теорию речевых актов Остина-Серля данными, существенными для интерпретации высказываний: выражением в речевых актах власти и доминантности, поновому формулирует условия соблюдения принципа кооперации Грайса, расширяет представления о коммуникативных неудачах, относя к ним прерывание говорящего, невозможность завершить высказывание, утрату контроля над тематикой дискурса, молчание и ряд других параметров. Все это можно считать ценным вкладом в анализ дискурса.

Были установлены, например, некоторые отличительные черты женского речевого поведения²⁵:

- женщины чаще прибегают к уменьшительным суффиксам;
- для женщин более типичны косвенные речевые акты; в их речи больше форм вежливости и смягчения, например, утверждений в форме вопросов,
- в речевом поведении женщин отсутствует доминантность, они лучше умеют слушать и сосредоточиться на проблемах собеседника;
- в целом речевое поведение женщин характеризуется как более «гуманное».

Однако именно этот факт, на взгляд представителей феминистской лингвистики, имеет при общении в смешанных группах отрицательные последствия для женщин. Их предупредительное, неагрессивное и вежливое речевое поведение укрепляет сложившееся в обществе пресуппозиции и ожидания того, что женщины слабее, неувереннее и вообще менее компетентны.

Таким образом, женская коммуникация, по сравнению с мужской, оказывается «дефицитной».

ФЛ подвергла сомнению гипотезу «дефицитности» женской коммуникативной интеракции, выдвинув на ее место гипотезу «дифференции». В этой связи критически были осмыслены выводы Р. Лакофф (в указанной выше работе) о ситуации «двойной связанности» (*double bind*), в которую попадают женщины при коммуникации в смешанных группах: типично женские тактики речевого поведения (уступчивость, кооперативность, более редкое по сравнению с мужчинами употребление перформативов, высказывание утверждений в форме вопросов и т. д.) не способствуют восприятию содержания сообщений, создавая впечатлени неуверенности и некомпетентности. Если же женщины пользуются мужскими тактиками, которые по Лакофф характеризу-

---

²⁵ *Homburger D. Männersprache – Frauensprache: Ein Problem der Sprachkultur? // Muttersprache. 1993. № 193. S. 89–112.*

ются наступательностью, меньшей кооперативностью, частым использованием директивных речевых актов, то они воспринимаются как неженственные и агрессивные, что, в интерпретации ФЛ, вызвано несоответствием такого коммуникативного поведения стереотипам распределения ролей в обществе. В этой связи были разработаны специальные тактики, помогающие женщинам быть «услышанными».

В лингвистике не прекращается полемика вокруг теоретических положений ФЛ и их практической реализации²⁶. Однако следует признать, что в области языковой политики ФЛ добилась серьезных успехов²⁷. Особенно серьезной критике подверглись ранние presupпозиции феминистского подхода к изучению коммуникативной интеракции мужчин и женщин²⁸.

Первоначально феминистская лингвистика исходила из того, что женское речевое поведение способствует поддержанию зависящего статуса и является наглядным примером традирования патриархальных отношений. Как считает Х. Коттхофф, при этом был допущен ряд методологических ошибок, обнаружить которые удалось посредством эмпирических исследований гендерных аспектов коммуникации. К числу таких заблуждений Х. Коттхофф относит: интенционализм, приписывание фактору пола чрезмерной значимости, игнорирование роли контекста, недооценку качественных методов исследования и гиперболизацию

---

²⁶ Glück H. Der Mythos von den Frauensprachen. In: OBST (Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie), 1979. Beiheft 3. S. 60–95; Gutte R. Mannomann – Ist das Deutsche eine Männersprache? // Diskussion Deutsch, 1985. № 86. S. 671–681. Pusch L. Alle Menschen werden Schwestern. Frankfurt-a.-Main, 1990; Muttersprache frauenlos? / Hrsg von H. Bikes, M. Brunner. Wiesbaden, 1992; Добровольский Д. О., Кирилина А. В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // Гендер как интрига познания. М., 2000. С. 19–35.

²⁷ Подробнее см.: Samel I. Einführung in die feministische Sprachwissenschaft. Berlin, 1995; Guentherodt I., Hellinger M., Pusch L., Tjemel-Platz S. Richtlinien zur Vermeidung sexistischen Sprachgebrauchs // Linguistische Berichte. 1981. № 69. S. 15–21, 71; Кирилина А. В. Феминистское движение в лингвистике Германии. Теория и практика изучения языков: Межвузовский сборник. Сургут, 1997. С. 57–62.

²⁸ Gal S. Between speech and silence: The problematics of research on language and gender // Papers in Pragmatics. 1989. Vol. 1. № 3. P. 1–38; Hirschauer St. Dekonstruktion und Rekonstruktion. Plädoyer für die Erforschung des Bekannten // Feministische Studien. 1993. № 2. S. 55–68; Kotthoff H. Die Geschlechter in der Gesprächsforschung. Hierarchien, Theorien, Ideologien // Der Deutschunterricht, 1996. № 1. S. 9–15; Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / Под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. М., 1993. С. 90–136.

роли гендерно специфичных стратегий и тактик общения в детском и подростковом возрасте.

Интенционализм

Доминирование маскулинности осмысливалось представителями ФЛ в несколько упрощенном виде: вследствие господства патриархата мужская самооценка выше, мужчины в большей мере, чем женщины, обладают социальным престижем и властью. Мужское доминирование реализуется в числе прочего в определенном речевом поведении, описать которое можно на уровне ряда микрофеноменов – длины речевых отрезков, частоты перебиваний, наложений речевых отрезков друг на друга, контроля за тематикой дискурса, предоставлении/непредоставлении слова и т. д. Все это, как утверждала ФЛ, является интенциональным и осознанным проявлением борьбы за власть со стороны мужчин²⁹. Методологически эта точка зрения основана на теории интеракционизма³⁰. На взгляд С. Хиршауера³¹, перманентная интенциональность для поддержания гендерного статуса не требуется, что объясняется с позиций социального конструктивизма. Сторонники интенционализма не учитывают высокой значимости социальных структур, обеспечивающих институционализацию, ритуализацию и в целом хабитуализацию гендера. Мужественность и женственность, как показал И. Гоффман, институционализируются, входят в привычку, приобретают ритуальный характер. Таким образом, социальные институты (школа, церковь, армия и т. д.) принимают на себя поддержание гендерной иерархии, в том числе сохранение мужского доминирования. Следовательно, у индивида нет необходимости постоянно воспроизводить его во всех ситуациях.

Гиперболизация значимости категории «пол»

Ранние феминистские исследования исходят из того, что пол – это определяющий (омнирелевантный) фактор самоидентификации личности. Согласно Уэст и Зиммерман, конструирование индивидом своей гендерной идентичности – *doing gender* – перманентный процесс, пронизывающий все действия индивида

²⁹ Trömel-Plötz S. Die Konstruktion konversationeller Unterschiede in der Sprache von Frauen und Männern // Trömel-Plötz, S. (Hrsg.): Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen. Frankfurt-a.-Main, 1982. S. 288-319; West C. Against our will: male interruptions of females in cross-sex conversation // *Annals of the New York Academy of Science*. 1979. Vol. 327. P. 81-97.

³⁰ Goffman E. *Интеракция и Geschlecht*. Frankfurt-a.-Main, 1994 (engl. 1977).

³¹ Hirschauer St. *Деконструкция и Реконструкция: Plädoyer für die Erforschung des Bekannten* // *Feministische Studien*, 1993. № 2. S. 55-68.

дов. Напротив, Хиршауер показал, что весьма распространены ситуации и контексты, когда пол нерелевантен для общения, и предложил учитывать фактор «гендерной нейтральности» (Geschlechtsneutralität), так как: 1) нет оснований придавать гендеру больше значимости, чем фактору возраста, этнической и социальной принадлежности, уровню образования, профессии и т. д. Все эти факторы также входят в число идентификационных категорий, которые в определенных типах ситуаций выступают на первый план. Автор предлагает наряду с термином *doing gender* также термин *undoing gender* для ситуаций, где пол коммуникантов не значим. Кроме того, ряд исследований показывает, что названные параметры в большинстве случаев взаимодействуют, поэтому определить, где заканчивается влияние одного и начинается воздействие другого, весьма затруднительно. Так, Х. Коттхофф³² установила, что вежливый, нацеленный на сотрудничество и в целом корректный стиль характерен как для женского общения, так и для общения среди лиц с высоким социальным статусом; 2) эмпирически сложно установить, как происходит гендерная самопрезентация (*Selbstdarstellung*), в каких случаях она выступает на передний план, а когда не играет роли.

С. Хиршауер настаивает на дискретном характере процесса конструирования гендерной идентичности (*doing gender*), исключая его имманентное присутствие в качестве постоянной. Х. Коттхофф предлагает для обозначения этого процесса термин «градуированная релевантность» (*Relevanzgraduierung*)³³.

Недооценка роли контекста

Пресуппозиция имманентного проявления гендера в речевом поведении независимо от контекста не подтвердилась. Убедительно удалось доказать для западноевропейских стран лишь стабильность интонационного рисунка: мужчины стремятся избегать выраженной эмфазы, так как в западноевропейской культуре она считается признаком женственности и экзальтированности. При этом гомосексуальные мужчины широко используют такую интонационную модель в качестве сигнала своей нетрадиционной ориентации³⁴.

³² *Kotthoff H. Unruhe im Tabellenbild? Zur Interpretation weiblichen Sprechens in der Soziolinguistik // Die Geschlechter im Gespräch. Kommunikation in Institutionen / S. Günthner, H. Kotthoff (Hrsg). Stuttgart, 1992.*

³³ *Kotthoff H. Die Geschlechter in der Gesprächsforschung: Hierarchien, Theorien, Ideologien // Der Deutschunterricht, 1996. № 1. S. 9–15.*

³⁴ *Kotthoff H. Geschlecht als Interaktionsritual? // Nachwort zu E. Goffman: Interaktion und Geschlecht / Hrsg. von H.A. Knoblauch. 1994. S. 159–194.*

На взгляд Х. Коттхофф³⁵, вопрос состоит сегодня не в том, как говорят мужчины или женщины, а в том, каким образом, при помощи каких речевых средств, тактик и стратегий они создают определенные контексты. Далее необходимо исследовать параметры этих контекстов и их влияние на успешность коммуникации. Продуктивно здесь изучение жанров (Gattungen), предложенное С. Гюнтер и Х. Knoblauchом³⁶. Работы, проведенные с применением этой методики, дают обоснованные результаты и в целом направлены на выявление особенностей гендерно значимой коммуникации в четко очерченных рамках определенного жанра и контекста³⁷.

Гиперболизация усвоения в детском и подростковом возрасте гендерно специфических стратегий и тактик общения (гипотеза «гендерных субкультур»)

В конце 80-х – начале 90-х годов возникла гипотеза «гендерных субкультур», восходящая к работе Гамперца³⁸ по исследованию межкультурной коммуникации, а также к более ранним работам по этнологии, этнографии, истории культуры³⁹. В трудах Мальца и Боркер⁴⁰, Таннен⁴¹ принцип межкультурной коммуникации распространен на гендерные отношения. Согласно их предположению, в лингвистическом аспекте женщины и мужчины переживают языковую социализацию по-разному, так как в детстве находятся большей частью в разнополых группах, где приняты разные правила речевого поведения. Различие состоит в усвоении типичных для таких групп гендерных конвенций и стратегий коммуникации. Из-за различия культурно обусловлен-

³⁵ Kothhoff H. Die Geschlechter in der Gesprächsforschung: Hierarchien, Theorien, Ideologien // Der Deutschunterricht. 1996. № 1. S. 1.

³⁶ Günthner S., Knoblauch H. A. «Forms are the food of faith»: Gattungen als Muster kommunikativen Handelns // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1996. № 4. S. 693–723.

³⁷ См., например: Baron B. Die Inszenierung des Geschlechterverhältnisses im akademischen Streitgespräch: Zur Kontextabhängigkeit der Dissensformatierung // Jahrbuch Arbeit. Bildung, Kultur, 1996. Bd. 14. S. 69–80; Baron B. «Geschlossene Gesellschaft». Gibt es geschlechtsspezifische Unterschiede im universitären Fachgespräch? // Gender Studies an der Universität Konstanz. Vortragsreihe in Sommersemester 1996. Konstanz, 1996. S. 114–129.

³⁸ Gumperz J. J. Discours Strategies. Cambridge, 1982.

³⁹ Mead M. Male and female: a study of sexes in a changing world. N. Y., 1949.

⁴⁰ Maltz D. N., Borcker R. A. Mi verständnisse zwischen Männern und Frauen – kulturell betrachtet // Von fremden Stimmen. Weibliches und männliches Sprechen im Kulturvergleich / Günthner, Kothhoff (Hrsg). Frankfurt-a.-Main, 1991. S. 52–74.

⁴¹ Tannen D. You just don't understand: Women and men in conversation. L, 1992.

ных интерпретационных конвенций нарушается понимание высказываний, что при вербальном общении мужчин и женщин провоцирует неадекватную реакцию и ведет к коммуникативным неудачам.

В этом случае ученые отказались от принципа интенционализма, поставив в центр изучение процессов социализации индивидов мужского и женского пола. Социализация индивида рассматривалась как присвоение им определенной субкультуры, которой свойственны особые речевые практики, разные в мужской и женской среде. Мужчины и женщины в детском и подростковом возрасте вращаются преимущественно в однополых группах, образуя субкультуры и усваивая свойственный им речевой этикет, стратегии и тактики. В дальнейшем это ведет к непониманию и речевым конфликтам, которые приравниваются к межкультурным.

Исследования мужской и женской коммуникации обусловили появление понятия «гендерлект» – постоянного набора признаков мужской и женской речи. Однако работы последних лет все четче показывают, что говорить о гендерлекте неправомерно⁴². Роль культурного фактора в этом случае сильно преувеличена. Различия в мужской и женской речи не столь значительны, не проявляют себя облигаторно в любом речевом акте и в целом не свидетельствуют, что пол является определяющим фактором коммуникации, как это предполагалось на начальном этапе развития феминистской лингвистики. Х. Коттхофф⁴³ предлагает говорить о некоторых стилистических особенностях, мужской и женской речи, подчеркивая, что эти особенности носят вероятностный характер и зависят от ситуации общения.

Преобладание количественных методов исследования

По данным Х. Коттхофф, при исследовании гендерных аспектов коммуникации в ФЛ в настоящее время преобладают количественные методы, наиболее популярным из которых является подсчет длительности речевых отрезков, количества перебиваний и смен тем диалога. Однако сами по себе эти характеристики не могут считаться показательными, так как зависят от контекста и приобретают значимость лишь во взаимодействии с иными феноменами, зависящими от культурных тради-

---

⁴² Samel I. Einführung in die feministische Sprachwissenschaft. Berlin, 1995; Kotthoff H. Die Geschlechter in der Gesprächsforschung: Hierarchien, Theorien, Ideologien // Der Deutschunterricht, 1996. № 1. S. 9–15.

⁴³ Kotthoff H. Op. cit.

ций данного общества. Поэтому больше внимания должно быть уделено качественным методам эмпирического изучения культуры и общества.

1.3.3. Исследование маскулинности

Уже в период изучения только женственности исследования не могли не касаться и мужской гендерной идентичности и ее отражения в языке⁴⁴. Однако с конца восьмидесятых годов интерес к проблемам мужественности существенно возрос, о чем свидетельствует большое число научных конференций и публикаций. В 1993 г. журнал «Theory and Society» вышел в виде специального выпуска, посвященного проблемам маскулинности в современном обществе. Наиболее значимым выводом авторов стало разграничение разных типов мужественности, имеющих место в реальности, и определение среди них стереотипа *доминирующей (гегемонической) мужественности* (hegemonic masculinity)⁴⁵. Именно доминирующая мужественность наиболее часто отражается в языке в качестве своего рода образца для подражания. Развивая эту идею, С. Поллак⁴⁶, сравнивает этот концепт с названием ритуализованного достижения статуса мужчины у индейцев – «Великое Невозможное» (the Big Impossible).

Английский язык обнаруживает, согласно Поллаку⁴⁷, четыре стереотипных идеала, посредством которых происходит (или должна происходить) социализация мужчины:

- 1) «Sturdy Oak» (крепкий дуб (*здесь и далее перевод наш. – А. К.*)) – апеллирует к мужскому стоицизму и научению маленького мальчика не делиться своей болью или открыто горевать;
- 2) «Give 'em Hell» (покажи им, где раки зимуют) – создает ложную «самость» из отваги, бравяды, любви к насилию;
- 3) «Big Wheel» (крутой парень) – подчеркивает потребность достичь высокого статуса и власти, влияния любой ценой;
- 4) «No Sissy Stuff» (без соплей) – наиболее травматичный для ребенка стереотип, по мнению С. Поллака, – осуждение выражения мальчиком любых сильных или теплых чувств, привязанности, зависимости и всего, что считается «женственным» и, следовательно, неприемлемым или табуированным.

⁴⁴ Chodorow N. The reproduction of mothering. California, 1978; Tolson A. The Limits of Masculinity. L., 1977.

⁴⁵ Connell R. W. The big picture: Masculinities in recent world history // Theorie & Society. 1993. № 22. P. 597–623.

⁴⁶ Pollack W. S. Deconstructing dis-identification: Returning psychoanalytic concepts of male development // Psychoanalysis and Psychotherapy. 1995. № 12. P. 30–45.

⁴⁷ Ibidem. P. 37.

Приведенные выше стереотипы могут носить в той или иной степени универсальный характер. Вместе с тем установлено, что доминирующая мужественность, с одной стороны, меняется от культуры к культуре, с другой – как мужественность, так и женственность – динамические, исторически изменчивые концепты. Б. Коннелл вводит понятие *культурной репрезентации* в силу многослойности и изменчивости мужественности и женственности, возможна манипуляция этими понятиями. Их отдельные составляющие могут в определенные периоды подчеркиваться в СМИ и иных видах общественного дискурса⁴⁸. По Коннеллу, мужественность, как и женственность – многомерный концепт, состоящий из большого количества бинарных оппозиций, что и позволяет манипулировать им.

Исследуя лингвистический материал с целью обнаружения культурной специфики доминирующей (гегемонической) маскулинности (или фемининности), наука может в качестве результата получить, скорее, реконструкцию гендера на основании данных языка. Это замечание относится также и к кросскультурным исследованиям, так как «традиционный компаративистский метод базируется на допущении целостных «сепаратных» культур, в то время как такое допущение сегодня не является более состоятельным. Европейский империализм, глобальный капитализм при гегемонии США, а также современные средства коммуникации привели все культуры в тесное взаимодействие, расширили сферу действия некоторых культур и маргинализовали большинство»⁴⁹. Проблемы этноцентризма и глобальной истории, разумеется, актуальны не только для гендерных исследований, но и для них также. Вместе с тем, монография Х. Боссе⁵⁰ доказывает возможность направленного изучения стереотипов мужественности в отдельных культурах.

В ряде работ⁵¹ показано, как доминирующая мужественность изменяется в ходе истории и какую роль играют в этом выразительные средства языка.

⁴⁸ Connell R. W. The big picture... P. 600.

⁴⁹ Ibidem. P. 601 (*перевод наш.* – А. К.).

⁵⁰ Bosse H. Der fremde Mann. Jugend, Männlichkeit, Macht. Eine Ethnoanalyse Unter Mitarbet von W. Knauss. Frankfurt-a.-Main, 1994.

⁵¹ Connell R. W. Op. cit. Rogoff J., Leer D. van. Afterthoughts... A dossier on masculinities// Theorie and Society. 1993. № 22. P. 739–762; Hurton A. «Kultobjekt: Mann». Frankfurt-a.-Main, 1995; Pollack W. S. Deconstructing dis-identification: Returning psychoanalytic concepts of male development // Psychoanalysis and Psychotherapy. 1995. № 12. P. 30–45; Wann ist der Mann ein Mann? Zur Geschichte der Männlichkeit // Erhart W., Hermann B. (Hrsg). Stuttgart; Weimar, 1997.

В отношении мужского речевого поведения также высказываются новые точки зрения. Так, Р. Левант⁵² показывает, что у юных мужчин довольно часто наблюдается алекситимия – неспособность связать слова с эмоциями, то есть недостаток умения идентифицировать, выразить и описать свои собственные эмоциональные состояния, в частности, теплоту, заботу, печаль или боль. Автор относит этот факт к последствиям воспитания в детстве, где от мальчика не требуется проявление эмоций, скорее даже, является нежелательным. В результате мужчины tendируют к четкому проявлению и умению вербализовать лишь одну эмоцию – гнев.

1.3.4. Кросскультурные, этно- и лингвокультурологические исследования

Главной их особенностью является малая, по сравнению с другими направлениями, разработанность проблемы. Практически все авторы, работающие в области ГИ, отмечают, что основной массив данных получен на материале американского варианта английского языка и ряда других влиятельных европейских языков, в первую очередь, немецкого и французского. Этот факт вызывает обоснованные сомнения в применении результатов исследований к материалу других языков⁵³. Номинативная система языков неодинаковым образом манифестирует концепты «мужественность» и «женственность» и придает им неодинаковое значение. Речевое поведение мужчин и женщин может различаться в зависимости от норм соответствующей культуры. Так, принцип «этикетности»⁵⁴ выведен, скорее, для среднего класса американцев. В других культурах возможны иные закономерности общения, как показано во многих трудах последних лет⁵⁵. Для контрастивной лингвокультурологии существенно сопоставление культурных «этикетов» и их интерпретация. Таким образом, задачей здесь является описание культурных концептов «женственность» и «му-

---

Levant R. Masculinity reconstructed. N. Y.: Dutton, 1995.

Халева И. И. Задачи Московского лингвистического университета в междисциплинарном проекте «Феминология и гендерные исследования в России: спективные стратегии и технологии» // Женщина в российском обществе. В. № 3. С. 8–11; она же. Гендер как интрига познания // Гендерный фактор в культуре и коммуникации. Иваново, 1999. С. 5–9.

Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some universales in language usage. N. Y., 1988.

См., например: *Николаева Т. М. О принципе «некооперации» и/или о категорическом лингвистическом воздействии // Противоречивость и аномальность текста. М., 1990. С. 225–235; Rathmayr R. Pragmatik der Entschuldigungen: eine forschende Untersuchung am Beispiel der russischen Sprache und Kultur. Köln, 1996.*

жественность», выявление их ингерентных составляющих. Для этого применим метод определения культурной коннотации, т. е. «интерпретации денотативного или образно мотивированного.. аспектов значения в категориях культуры»⁵⁶. Вместе с тем меняется и «интерпретация языковых знаков в зависимости от установок ментальности»⁵⁷, что повышает значимость доказательств научности избранного метода.

В рамках этого подхода постулируется описание наивной картины мира, где в неявном, требующем научной экспликации виде представлены взаимодействие и взаимопроникновение культуры и языка, а также формы фиксации в языке культурно значимой информации.

Наименьшим образом разработана гендерная составляющая неевропейских языков, а труды по сопоставительной лингвокультурологии немногочисленны. Вместе с тем фрагментарно гендерные аспекты языка в межкультурном сравнении представлены в трудах лингвистов, не причисляющих себя к гендерологам⁵⁸.

2. Дискуссионные вопросы лингвистической гендерологии: био- и социодетерминизм

Важнейшей дискуссионной проблемой ГИ остается вопрос о том, в какой степени соотносятся биологические и культурные факторы, влияющие на гендерные различия в языке и речи. Социодетерминисты, к которым относится в первую очередь феминистская лингвистика и представители этнолингвистики, настаивают на доминирующем воздействии общества и культуры, что доказывалось результатами изучения коммуникации в разных культурах и исследованием процессов социализации человека. Такого рода исследования убедительно доказывают пластичность человеческой психики и ее высокую зависимость от культурной среды.

Биодетерминисты исходят из наличия когнитивных различий у мужчин и женщин, доказывая их экспериментальным путем. Экспериментальные данные рассматриваются как свидетельство врожденных биологических различий в языковой когниции. Биодетерминистская теория основана на влиянии различий гормональных систем мужчин и женщин на их речевое поведение. Пред-

---

⁵⁶ Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. С. 214.

⁵⁷ Там же. С. 217.

⁵⁸ См., например Телия В. Н. Указ. соч.; Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

лагается различать когнитивные, эмоциональные и физические последствия гормональной дифференциации. Утверждения о когнитивных различиях допускают возможные расхождения в ментальных способностях мужчин и женщин. Тезис об эмоциональных различиях выводит в фокус рассуждений мужскую агрессивность и женскую заботливость, но может и основываться на предположении, что женщины более эмоциональны и чувствительны. Наиболее распространено мнение, что физические различия – репродуктивная функция у женщин и более крупные размеры и сила у мужчин – оказывают влияние на полоролевую дифференциацию⁵⁹. Очень распространено также мнение, что языковая способность женщин врожденно выше, чем у мужчин. Мужчины же от рождения имеют лучшие визуально-пространственные навыки.

Аргументы сторонников биодетерминистского подхода базируются на признании межполушарной асимметрии мозга у мужчин и женщин. Впервые данные об этом были получены в процессе наблюдений за пациентами с нарушением мозговой деятельности в результате травм⁶⁰. Доказывалось, что при повреждении одного и того же участка мозга нарушения речи у мужчин и женщин носили разный характер. На этом основании было выдвинуто предположение, что различия в нейроанатомических характеристиках полушарий мозга человека могут детерминировать их специфические особенности в осуществлении когнитивных процессов. Решение когнитивной задачи, с одной стороны, требует формирований соответствующей системы кодов, с другой – опирается на системы кодирования, уже имеющиеся в индивидуальном опыте⁶¹, поэтому можно предположить, что биологические различия в организации и функционировании полушарий мозга создают предпосылки для указанной дихотомии в развертывании когнитивной деятельности. Особенности нейронной организации левого полушария сравнительно с правым могут объяснить его большую способность к быстрому поиску ранее накопленной информации. Левое полушарие играет ведущую роль в лингвистическом кодировании, но и в целом более широко участвует в обеспечении когнитивных процессов,

---

⁵⁹ *Sherzer J.* A diversity of voices: men's and women's speech in ethnographic perspective // *Language, gender and sex in comparative perspective* / Eds. S. U. Philips, Steele, Ch. Tanz. N. Y., 1987. P. 95–120.

⁶⁰ *McGlone J.* Sex differences in human brain asymmetry: A critical survey // *Behavioral and Brain Sciences*. 1980. Vol. 3. P. 215–263.

⁶¹ *Гальдберг Э., Коста Л. Д.* Нейроанатомическая асимметрия полушарий мозга и способы переработки информации // *Нейропсихология сегодня* / Под ред. Д. Хомской. М., 1995. С. 8–14.

опирающихся на хорошо закрепленные дескриптивные системы. На взгляд названных авторов, правое полушарие доминирует в тех ситуациях, когда ни одна из имеющихся в индивидуальном репертуаре дескриптивных систем не соответствует поставленной задаче. Вместе с тем, ряд исследователей мозга настаивает на том, что функциональная специфика мозговых структур и латеральная асимметрия левых и правых блоков в значительной степени формируется прижизненно: «В настоящее время пока нет достаточно четких критериев, позволяющих разграничивать врожденные, генотипически обусловленные и динамические, формируемые прижизненно особенности асимметрии блоков»⁶².

Предположительно, у женщин для речевых процессов более, чем у мужчин, задействовано правое полушарие. Женщины также обнаруживали меньшую степень нарушения речи, чем мужчины, во всех случаях, когда травмировано было левое полушарие, что позволило исследователям предположить совместность в работе полушарий в процессе речепорождения и меньшую, по сравнению с мужской, специализацию полушарий. Аналогичным образом интерпретируется и большая успешность девочек в освоении языка и чтения. Опыты по дихотическому прослушиванию⁶³, измеряющему скорость и точность декодирования слов для каждого уха и связанное с этим доминирование одного из полушарий, привели автора к выводу о том, что женский мозг, вероятно, для осуществления вербальных функций задействует оба полушария сразу, а в мужском они более четко локализованы в левом полушарии. Результаты эксперимента расцениваются лингвистами как неоднозначные. Так, С. Филипс⁶⁴ не считает возможным распространять их на лингвистическую компетенцию в форме знания грамматики и лексикона. Аналогичные возражения возникли и при обсуждении в научной литературе результатов измерения электрической активности полушарий мозга при прослушивании музыки и речевых сообщений мужчинами и женщинами⁶⁵. Высказываются также сомнения в надежности и

---

⁶² Хомская Е. Д. Об асимметрии блоков мозга // Нейропсихология сегодня. С. 27

⁶³ McKeever W. F., Deventer A. D. van Visual and auditory language processing asymmetries: Influences of handedness, familiar sinistrality, and sex // Cortex, 1977 Vol. 13. P. 225-241.

⁶⁴ Philips S. U. Introduction: The interaction of social and biological processes in women's and men's speech // Language, gender and sex in comparative perspective. Eds. S.U. Philips, S. Steel, Ch. Tanz. N. Y., 1987. P. 1-11.

⁶⁵ Shucard D. W., Shucard J. L., Thomas D. G. Sex differences in the patterns of scalp-recorded electrophysiological activity in infancy: possible implications for language development // Language, gender and sex in comparative perspective. P. 278-296.

сти самого метода в связи с тем, что многочисленные экспеты такого рода дают весьма противоречивые результаты, и, к сожалению, в их выводах отсутствует один из важных признаков – повторяемость результатов. Результаты экспериментов, проводившихся в нашей стране, также не однозначны. Кроме того, у каждого человека имеет или не имеет места индивидуальное доминирование левого или правого полушария. С. Филипс считает, что если даже и существуют различия в типологии и локализации речевых функций у детей, то науке не известны четкие поведенческие манифестации таких различий. В экспериментальном измерении речевой «продукции». «Не очевидны и не однозначны различия во владении грамматикой и лексиконом для любой нормальной популяции любого возраста»⁶⁸. Наконец, ряд работ показывает множественность пола⁶⁹. Так, Джилл установил, что уровень образования находится в прямой пропорциональной связи с гендерными различиями в языке. Швиталла показал, что социальная среда и уровень образования приводят к большой вариативности речевого поведения в рамках одного пола (изучалась речь фабричных работниц и преподавательниц академической среды).

Результаты исследований⁷⁰ показывают, что социальная деятельность часто представляет собой создание, распространение и поддержание идеологий, включающих структуры и модели, интенирующие природу мужчин и женщин. На этом основывается утверждение, что такого рода идеологии играют главную роль в формировании гендерно специфического поведения. Основная идея такого рода исследований состоит в том, что разделение источников и сфер влияния должны быть рассмотрены в отдельности и разграничены. Показано также, что приращивание большой силы к легитимному авторитету является интригующим, так как сила/власть, которую в Западной Европе считают авторитетом, в других культурах может быть не столь велика. Кроме того, то, что в западноевропейской

Филипс О. П. Многократное дихотическое тестирование лиц с разными типами доминирования полушарий // *Нейропсихология сегодня*. С. 184–198.

Филипс Е. Д. Указ. соч. С. 14–27.

Филипс С. U. Introduction: The interaction of social and biological processes in language and men's speech. P. 6.

Филипс Джилл P. Sex, covert prestige, and linguistic change in the urban British English // *Language in Society*, 1972. P. 179–195; Швиталла J. *Kommunikative Unterschiede zweier sozialer Welten in Mannheim-Vogelstang*. Berlin; New York, 1995.

Филипс С. U. Introduction: The interaction of social and biological processes in language and men's speech. P. 1–11.

культурной традиции концептуализируется как вежливость, не всегда рассматривается как таковая в неевропейских культурах.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что, объясняя поведенческие и речевые различия между полами, современное состояние гендерологии не позволяет отдать явное предпочтение ни причинам биологического порядка, ни социокультурным доминантам. В научном дискурсе присутствуют в большей или меньшей степени обоснованные доказательства воздействия как первых, так и вторых причин. Поэтому сегодня можно говорить о биосоциальном характере полового диморфизма.

3. Гендерные исследования и отечественное языкознание

3.1. Особенности развития гендерных исследований в российской лингвистике

Изучение взаимосвязи языка и пола в нашей стране имеет ряд особенностей: «в лингвистике играет роль то, где развивается та или иная концепция: как история самих концепций, так и системы их противопоставлений другим концепциям не одни и те же повсюду, они зависят от страны или, точнее, от той или иной культурной традиции»⁷¹.

В новейших работах по истории ГИ доминирует мнение, что российская гендерология находится на стадии формирования. На наш взгляд, это верно только отчасти. Действительно, в советский период отсутствовала важнейшая составляющая ГИ – феминистская лингвистика. В настоящее время это направление ГИ также представлено весьма слабо, в основном в работах зарубежных русистов и немногих отечественных исследователей, принявших феминистскую идеологию (и стимулируемых – что немаловажно – зарубежными фондами). Российская лингвистика критикуется за невнимание к вопросам гендера, нежелание разработать предложения по «политически корректному», или несексистскому употреблению языка. Зарубежные лингвисты, особенно представители ФЛ, нередко критикуют российских русистов за не

---

⁷¹ Цит. по: Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей под ред. Ю. С. Степанова М., 1995. С. 168.

достаточное внимание к гендерным вопросам или патриархальный подход к их тематизации⁷².

Нам представляется не случайным отсутствие в отечественной лингвистике ярко выраженного феминистского направления. Впервые, после 1917 года женщины получили в России равные с мужчинами гражданские права, имели возможность получать высшее образование, в советские годы (особенно в период стахановского движения) целью государственной политики было привлечение женщин к освоению мужских профессий. Знаковыми фигурами становились П. Ангелина, ткачихи Виноградовы, женщины-тетчицы и многие другие. Государственная политика способствовала (наряду с отсутствием эротизированной рекламы, против которой приходилось также бороться западным феминисткам) осуществлению восприятия женщин лишь с точки зрения их репродуктивной функции или сексуальной привлекательности. Большое количество женщин-врачей, учителей, профессоров также не подкрепляло стереотип домашней хозяйки, ограниченной лишь сферой частной жизни. Для сравнения отметим, что в Швейцарии женщины получили избирательное право лишь в 1971 г. В семидесятые годы нашего века журналисткам ФРГ приходилось бороться за право читать политические новости. Список примеров может быть продолжен. Мы привели его с целью проиллюстрировать, почему феминизм на западе развивался в послевоенный период столь мощно. В России он такого размаха не достиг. Разумеется, сыграла свою роль и идеологизация советского общества.

Второй причиной, на наш взгляд, является меньшая значимость проблемы пола в русской культуре по сравнению с западной, однако этот вопрос требует более тщательного изучения.

Вместе с тем ряд вопросов, например, соотношение категории драматического рода и экстралингвистической категории «пол», рассматривались в российской лингвистике в рамках других дисциплин, – в частности, морфологии, грамматики, лексикологии – еще до того, как на западе сформировалась феминистская концепция языка⁷³. Многие из того, что требовали феминисты – изменения в официальном письме форм обращения, применение маркированных лексических единиц и т. п. – по умолчанию присутствовало в русском узусе: *тетрадь ученика (цы); родился (лась)* и т. д.

⁷² Doleschal U., Schmid S. Doing gender in Russian. Structure and perspective // Gender across languages: The linguistic representation of women and men / M. Helger, H. Bußmann (eds). Vol. 1. John Benjamins Publishing Company, Amsterdam; Philadelphia, 2001. P. 253–282.

⁷³ Подробнее см.: *Tafel K. Die Frau im Spiegel der russischen Sprache. Wiesbaden, 1997.*

Важно при этом отметить, что феминистский и – шире – постмодернистский дискурс в российской лингвистике отсутствовал. Подчеркнем, что этот факт не означает отсутствие внимания к феноменам языка, непосредственно или опосредованно связанным с полом. Именно поэтому корректнее было бы говорить не об отсутствии интереса к проблематике, а об отсутствии соответствующей дискурсивной практики. Выделение пола в качестве специального предмета обсуждения, действительно, менее свойственно русской научной и культурной традиции, нежели западной. Как убедительно показал М. Фуко, проблематизация пола имеет в западной культуре глубокие корни и предстает как историческая совокупность различных знаний, институций и соответствующих практик, которые устанавливают обязательные для всех правила, границы и пределы⁷⁴. Таким образом, в основе изучения всех проявлений пола лежит исторически своеобразная форма опыта – как в отношении конкретной личности, так и в отношении научного дискурса. Да и сами понятия «мужественность» и «женственность» – при всей их общечеловеческой универсальности – имеют определенную культурную специфику⁷⁵. Обнаружение и описание этой специфики – одна из актуальных задач гендерной лингвистики.

Еще одна особенность российских исследований состоит в том, что они не выросли из феминистской идеологии, как это произошло в США и Западной Европе. Не вызывает сомнений, что феминизм обратился к проблемам естественного языка с целью доказать в нем наличие следов патриархата, вскрыть дискриминирующие структуры языка, продемонстрировать его сексистский характер. Исходя из идеи отражения в языке властных отношений, коммуникация, особенно в начальный период феминистской лингвистики, исследовалась прежде всего с целью выявления мужской доминантности в коммуникативной интеракции. Первые исследовательницы проблемы⁷⁶ исходили из допущения (или убеждения), что пол является главным, определяющим успешность коммуникации фактором. Исследование речи мужчин и женщин преследовало цель вскрыть этот факт, обнаружить механизмы речевой дис-

⁷⁴ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет. М., 1996. С. 425.

⁷⁵ Кириллина А. В. «Мужественность» и «женственность» с точки зрения лингвиста // Женщина в российском обществе. 1998. № 2. С. 21–27.

⁷⁶ Lakoff R. Language and women's place // Language in Society. 1973. № 2. P. 45–79
Trömel-Plötz S. Frauensprache: Sprache der Veränderung. Frankfurt-a.-Main, 1982
Trömel-Plötz S. Die Konstruktion konversioneller Unterschiede in der Sprache von Frauen und Männern // Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen. Trömel-Plötz, Senta (Hrsg.) / Frankfurt-a.-Main, 1982. S. 288–319.

криминации (перебивания, управление тематикой диалога, употребление директивных речевых актов и т. п.). Хотя в дальнейшем эти выводы не подтвердились или подтвердились лишь частично, резкая постановка вопроса, а также реальная экстралингвистическая ситуация, в которой оказались западные женщины после второй мировой войны, способствовали формированию широкого лингвистического направления, переросшего в дальнейшем в более взвешенные гендерные исследования, которые все же в ряде случаев тесно связаны с феминистской лингвистикой.

Исходя из сказанного выше, можно объяснить особенности развития исследовательских эвристик и направлений научного поиска в отечественной научной практике.

Не вполне верен тезис о том, что гендерные исследования возникли лишь в постсоветский период. Корректнее было бы говорить об отсутствии ярко выраженного феминистского дискурса, как это было в западной гуманитарной науке. В России на протяжении длительного периода времени фактор пола рассматривался в лингвистическом описании наряду с иными прагматическими категориями описания. Теория власти Фуко и ярко выраженные феминистский дискурс и проблематика в российской лингвистике отсутствовали по причинам как политического, так и социального характера. Отсутствие полемики накала можно отнести к экстралингвистическим факторам, повлиявшим на ход гендерных исследований в лингвистике СССР, а затем России: они не сложились в отдельное научное лингвистическое, а затем междисциплинарное направление. Этот процесс начался позднее, в постсоветский период, под несомненным идеологическим влиянием Запада.

3.2. Первые отечественные исследования фактора пола в лингвистике

Вместе с тем, анализ имеющихся на данный момент работ позволяет определить ряд направлений, по которым велась весьма интенсивная исследовательская работа:

3.2.1. Психолингвистические и социолингвистические исследования

Одной из первых работ в этой области было исследование Т. Б. Крючковой⁷⁷. Изучались особенности письменных текстов, порожденных мужчинами и женщинами. В текстах художествен-

⁷⁷ Крючкова Т. Б. Некоторые экспериментальные исследования особенности использования русского языка мужчинами и женщинами // Проблемы психолингвистики / Под ред. Ю. А. Сорокина и А. М. Шахнаровича. М., 1975. С. 186–199.

ной прозы анализировалось и статистически фиксировалось употребление частей речи. Автор обнаружил, что в женских текстах количественно выше употребление местоимений и частиц, а в мужских более частотно употребление имен существительных.

А. А. Вейлерт⁷⁸, исследуя неподготовленные устные высказывания, обнаружил в женской речи большую частотность употребления глаголов и союзов. Обнаружилось также, что женщины имеют более развитый лексикон. В речи мужчин автор установил большую встречаемость прилагательных и наречий, более частое употребление абстрактных существительных.

О. А. Рыжкина и Л. И. Реснянская⁷⁹ выяснили, что одни и те же лексемы воспринимаются мужчинами и женщинами как имеющие разную степень положительной или отрицательной оценки.

Влияние половозрастных особенностей говорящего на процесс вербальной коммуникации доказывается в работе Л. Р. Мошинской⁸⁰; Ю. Н. Караулов⁸¹ обсуждает воздействие фактора пола на поведение информантов в ассоциативном эксперименте

В работе Е. А. Земской и др.⁸² установлено, что женское ассоциативное поле выглядит более обобщенным и «гуманистическим» (природа, животные, повседневная жизнь), в то время как мужчины ассоциируют себя со спортом, охотой, профессиональной и военной сферами; большинство слов с суффиксами женского рода, обозначающих род занятий, оцениваются как обладающие «меньшим достоинством», чем соответствующие имена мужского рода; женщины чаще употребляют междометия типа «ой».

Со ссылкой на экспериментальную работу Н. Ф. Верховланцевой⁸³ Е. И. Горошко утверждает, что «в образе современной жен-

---

⁷⁸ Вейлерт А. А. О зависимости количественных показателей языка от пола говорящего лица // Вопросы языкознания. 1976. № 5. С. 138–143.

⁷⁹ Рыжкина О. А., Реснянская Л. И. Психо- и социолингвистический анализ языкового портрета горожанина // Живая речь уральского города. Свердловск, 1988. С. 39–47.

⁸⁰ Мошинская Л. Р. Влияние половозрастных особенностей субъекта на процесс вербальной коммуникации // Тезисы VI всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1978. С. 44–46.

⁸¹ Караулов Ю. Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента // Этнокультурная специфика языкового сознания / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 1996. С. 67–96.

⁸² Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / Под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. М., 1993. С. 90–136.

⁸³ Верховланцева Н. Ф. Из наблюдений над использованием просторечной лексики мужчинами/женщинами – носителями русского литературного языка // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1989. С. 83–89.

щины для мужчин основными оказываются черты, так или иначе связанные с ее отношением к мужчинам, для женщин же наиболее актуальными являются ее деловые качества. Различия касаются также эмоционально-оценочной стороны: мужчины относятся к современным женщинам сверхкритично, наделяя их в основном негативными характеристиками, женщины, напротив, чаще указывают слова, выражающие положительную эмоциональную оценку»⁸⁴. Этот вопрос нуждается, на наш взгляд, в дальнейшем исследовании. Так, проведенный нами ассоциативный эксперимент⁸⁵ показал противоположные результаты: женщины более высоко оценивались мужчинами, чем сами мужчины.

На Украине в 1994 г. был создан Международный исследовательский центр «Человек: язык, культура, познание», выпустивший ряд сборников по гендерной проблематике. В них представлен в основном психолингвистический подход к проблеме. Такая направленность ставит во главу угла асимметрию мозговых полушарий у мужчин и женщин и связанные с ней различия в речемыслительной деятельности. Ассоциативной мужской и женской картине мира посвящен ряд работ А. М. Холода⁸⁶.

Отличительной чертой советской, а затем российской лингвистики можно также назвать выраженную практическую направленность исследования мужской и женской речи, прежде всего – криминалистическую экспертизу, с потребностями которой связано появление большого количества трудов⁸⁷. В силу своей специфики

⁸⁴ *Горошко Е. И.* Особенности мужского и женского речевого поведения (психолингвистический анализ). Дис... канд. филол. наук. М., 1996. С. 25.

⁸⁵ *Кириллина А. В.* Гендерные компоненты этнических представлений (по результатам пилотажного эксперимента) // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999. С. 46–53.

⁸⁶ *Холод А. М.* Мужская и женская картина мира в русском языке // Вербальные и невербальные дейксисы маскулинности и фемининности. Кривой Рог, 1997. С. 101–121; *он же.* Речевые картины мира мужчин и женщин. Днепрпетровск, 1997.

⁸⁷ *Вул С. М., Мартынюк А. П.* Теоретические предпосылки диагностирования половой принадлежности автора документа // Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистической экспертизы. М., 1987. С. 105–112; *Вул С. М., Горошко Е. И.* Судебно-автороведческая классификационная диагностика: установление половой принадлежности автора документа // Современные достижения науки и техники в борьбе с преступностью: Материалы научно-практической конференции. Минск, 1992. С. 139–141; *Вул С. М.* Использование нецензурной лексики и половая принадлежность адресанта (по материалам исследования текстов анонимных писем) // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «языковое сознание», Москва, 30 мая – 2 июня 1988 г. М., 1988. С. 34–36; *Горошко Е. И.* Особенности восприятия и порождения текста, обусловленные половой принадлежно-

они сосредоточены на диагностике и установлении идентификационных признаков мужской и женской речи. При этом характер причин, порождающих данные различия, не рассматривается как нерелевантный. Наиболее значимы для этого вида исследований – разработка методик установления имитации речи лица противоположного пола. Выясняется, каким образом можно установить сам факт имитации, какие признаки текста эксплицируют фальсификацию. Очевидно, что для решения этой задачи необходимо иметь четко верифицируемый набор признаков мужской и женской речи. Так, Т. В. Гомон считает: «Чтобы прийти к выводу о факте имитации речи лица другого пола, нужно установить, какой комплекс классификационных признаков (идентификационных характеристик) женской и мужской речи является броским, часто встречающимся и легко поддающимся имитации, а каким признакам подражать сложнее, что обусловлено глубинными процессами порождения речи и не может быть спрятано, замаскировано»⁸⁸. Посредством многоуровневого отбора материала, выделения ряда признаков и их статистической обработки автор разрабатывает комплекс поверхностных и глубинных признаков мужской и женской речи. К поверхностным относится компетентное описание фрагментов действительности, где традиционно главенствуют женщины: приготовление пищи, ориентация в проблемах моды, воспитания, домашнего хозяйства (подчеркнем, что причины такого разделения труда не рассматриваются как нерелевантные), – или мужчины: ремонт техники, домашний труд при помощи слесарных и подобных инструментов, знание спортивных команд и т. п. Такие признаки могут быть относительно легко сфальсифицированы. Общим же глубинным признаком имитации автор считает «наличие в тексте, составленном от лица женщины (мужчины) характеристик, в большей мере отражающих психолингвистические навыки мужской (женской) письменной речи»⁸⁹. К ним автор относит:

стью индивида // Антропоцентризм и прагматика. Москва: Кривой Рог, 1995. С. 82–91; *Горошко Е. И.* Особенности восприятия текста, обусловленные половой дифференциацией личности // Тезисы I Международного симпозиума «Человек: язык, культура, познание». Кривой Рог, 1995. С. 67–68; *Горошко Е. И.* Особенности мужского и женского речевого поведения (психолингвистический анализ). Дис... канд. филол. наук. М., 1996; *Мартынюк А. П., Землянский П. Н.* Речевое поведение мужчин и женщин в малых группах // Язык. Сознание. Этнос. Культура. М., 1994. С. 134–135; *Гомон Т. В.* Исследование документов с деформированной внутренней структурой. Дис... канд. юридических наук. М., 1990. ряд закрытых изданий.

⁸⁸ Гомон Т. В. Указ. соч. С. 96.

⁸⁹ Там же.

Мужская письменная речь	Женская письменная речь
<p>использование армейского и тюремного жаргона;</p> <p>частое употребление вводных слов, особенно имеющих значение констатации: <i>очевидно, несомненно, конечно</i>;</p> <p>употребление большого количества абстрактных существительных;</p> <p>употребление при передаче эмоционального состояния или оценки предмета или явления слов с наименьшей эмоциональной индексацией; однообразие лексических приемов при передаче эмоций;</p> <p>сочетания официально и эмоционально маркированной лексики при обращении к родным и близким людям;</p> <p>использование газетно-публицистических клише;</p> <p>употребление нецензурных слов как вводных (<i>Любовь, бла..дь, нашел</i>) и однообразие используемых нецензурных слов, а также преобладание нецензурных инвектив и конструкций, обозначающих действия и процессы, а также преобладание глаголов активного залога и переходных;</p> <p>несоответствие знаков препинания эмоциональному накалу речи.</p>	<p>наличие множества вводных слов, определений, обстоятельств, местоименных подлежащих и дополнений, а также модальных конструкций, выражающих различную степень неуверенности, предположительности, неопределенности (<i>может быть, по-видимому, по-моему</i>);</p> <p>склонность к употреблению престижных, стилистически повышенных форм, клише, книжной лексики (<i>испытывал чувство гадливости и брезгливости; резкий разговор; силуэты подростков</i>);</p> <p>использование коннотативно нейтральных слов и выражений, эвфемизмов (<i>нецензурно выражался</i> вместо <i>матерился</i>; <i>в нетрезвом виде</i> вместо <i>пьяный</i>);</p> <p>употребление оценочных высказываний (слов и словосочетаний) с дейктическими лексемами вместо названия лица по имени (<i>эта свалочка; эти подонки</i>);</p> <p>большая образность речи при описании чувств, многообразие инвектив и их акцентуация при помощи усилительных частиц, наречий и прилагательных (<i>и какая же ты б...; пое..ли как положено; горячая е..ля</i>). Эти особенности употребления оценочной лексики говорят, по мнению автора, о том, что каждой из них придается буквальный смысл, отсутствует стертость значения, свойственная мужской речи. Инвективы, как правило задевают биофизиологические характеристики женщины: внешность, возраст, сексуальность;</p> <p>в инвективах высокую частотность обнаруживают зоонимы (<i>пестеря глухая, баран малахольный</i>); преобладают ругательства-существительные и глаголы в пассивном залоге (<i>его напоят самогонем; забирают ее с работы каждый день на точке</i>);</p> <p>высокочастотным является также использование конструкций наречие+наречие (<i>слишком безжалостно; очень хорошо</i>), простых и сложносочиненных предложений, синтаксических оборотов с двойным отрицанием; частое использование знаков пунктуации, высокая эмоциональная окраска речи в целом.</p>

Для верификации названных признаков автор использовал два метода: статистический анализ (исчислялось отношение коэффициента внутригрупповой корреляции к коэффициенту внегрупповой корреляции) и анализ экспертных оценок путем анкетирования экспертов.

Вместе с тем ряд авторов, исследовавших вопрос, отмечает отсутствие данных об эффективности использования модели идентификации, изложенной выше⁹⁰. В любом случае, речь идет о первой попытке создания комплексной теоретической модели описания мужской и женской речи для носителей русского языка.

Серия экспериментов Е. И. Горошко⁹¹ – применялись методика моделирования и методика наблюдения; анализ письменных текстов сочетался с изучением свободных ассоциаций, в том числе у испытуемых, находящихся в длительной изоляции от общества (тюремное заключение, монастырь) – показала, что наименьшие различия обнаруживаются у лиц с высшим образованием, занятых интеллектуальной деятельностью. Вместе с тем эксперименты не обнаружили полной повторяемости результатов. Результаты анализа ассоциаций не вполне совпали с предыдущими выводами, особенно в части гендерно обусловленных предпочтений в употреблении частей речи. Противоположные данные были получены, по сравнению с предшествующими экспериментами, и по структуре ассоциативного поля. Обнаружились также некоторые совпадающие результаты: «Мужские ассоциативные поля более стереотипны и упорядочены, мужская стратегия ассоциативного поведения (больше пояснительных и функциональных характеристик, приписываемых стимулу) значительно отличается от «женской» (ситуационной и атрибутивной) стратегии»⁹². Автор отмечает, что на данные различия не повлияли ни стрессовое состояние, ни длительная изоляция от общества. В ряде случаев было также обнаружено однотипное ассоциативное поведение, не связанное с социальными и психофизиологическими характеристиками респондентов, в том числе с их полом.

---

⁹⁰ Горошко Е. И. Особенности мужского и женского речевого поведения (психолингвистический анализ). Дисс... канд. филол. наук. М., 1996.

⁹¹ Горошко Е. И. Специфика ассоциативного сознания некоторых групп русскоязычного населения Украины // Языковое сознание: формирование и функционирование / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 1998. С. 186–199.

⁹² Там же. С. 198.

В исследовании Е. А. Земской, М. М. Китайгородской и Н. Н. Розановой⁹³ получены данные о фонетических и лексических особенностях женской и мужской речи. В области лексики авторы сосредоточились на активном словарном запасе, различиях в осмыслении слов, средствах экспрессии и оценки, употреблении «заполнителей». Изучалось непринужденное неофициальное общение в смешанных и однополых группах. Авторы пришли к следующим выводам (подчеркнув, что они являются результатом отдельных, первоначальных наблюдений, требующих дальнейшей разработки):

1. Женщинам более свойственны фатические речевые акты; они легче переключаются, «меняют» роли в акте коммуникации⁹⁴. Мужчины переключаются тяжелее, проявляя некоторую «психологическую глухоту» – увлекаясь обсуждаемой темой, не реагируют на реплики, с ней не связанные.

2. В качестве аргументов женщины чаще ссылаются и приводят примеры конкретных случаев из личного опыта или ближайшего окружения.

3. Анализ перебиваний дал противоречивую картину. Авторы отмечают так называемую полифонию разговора, с одной стороны, и более частое перебивание женщин мужчинами, с другой. При этом перебивания мужчин мужчинами в большей степени мешали коммуникации.

4. В мужской речи отмечаются также терминологичность, стремление к точности номинаций, более сильное влияние фактора «профессия», большая, по сравнению с женской, тенденция к использованию экспрессивных, особенно стилистически сниженных средств, намеренное огрубление речи. Ненормативную лексику, как утверждают авторы, используют в однополых группах и мужчины, и женщины. Однако, произносить ее в смешанных группах не принято.

5. К типичным чертам женской речи авторы относят гиперблизованную экспрессивность (*жутко обидно; колоссальная труппа; масса ассистентов*⁹⁵) и более частое использование междометий типа «ой!».

6. Ассоциативные поля в мужской и женской речи соотнесены с разными фрагментами картины мира: спорт, охота, профессио-

---

⁹³ Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / Под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. М., 1993. С. 90–136.

⁹⁴ Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Указ. соч. С. 112.

⁹⁵ Там же. С. 122.

нальная, военная сфера (для мужчин) и природа, животные, окружающий обыденный мир (для женщин). Заметим, что этот довод нуждается в очень серьезной проверке на большом количестве материала. Так, наш длительный личный опыт общения с коллегами показывает, что в неофициальной обстановке в женском коллективе речь идет почти исключительно о профессиональных вопросах.

7. Женская речь обнаруживает большую концентрацию эмоционально оценочной лексики, а в мужской оценочная лексика чаще стилистически нейтральна. Женщины тендируют к интенсификации прежде всего положительной оценки. Мужчины более выразительно используют отрицательную оценку, включают стилистически сниженную, бранную лексику и инвективы.

В качестве главного вывода авторы указывают на отсутствие резких «непроходимых» границ между мужской и женской речью в русском языке. Отмеченные ими особенности мужской и женской речи определяются как тенденции употребления. «Нередки случаи, когда те или иные явления, обнаруженные в речи мужчин и женщин, связаны с особенностями их психического склада, характера, профессии, роли в социуме, но не с различием по полу»⁹⁶.

Представленный краткий обзор показывает высокий уровень противоречивости данных. Возможно, это объясняется относительно небольшим количеством работ и экспериментов. Следует, на наш взгляд, обратить внимание на результаты, полученные путем осуществления крупных проектов, охватывающих большие группы людей и учитывающие не только пол, но и иные личностные параметры. Анализ этих работ показывает, что данные также противоречивы, не носят абсолютного характера и убедительно доказывают лишь множественность пола. Поэтому наличие так называемого *гендерлекта*, обсуждавшегося в ряде теоретических трудов (см. раздел о критике ФЛ), не подтвердилось и на материале русского языка. Тем не менее, правомерно говорить об определенных особенностях речевого стиля мужчин и женщин, который проявляется на двух уровнях, которые с известной долей условности мы назвали *симптомами первого и второго порядка*. К симптомам первого порядка относятся признаки, обнаруживаемые более четко. Они могут быть замечены непосредственно в период речевого общения: перебивания, длительность речевого периода, категоричность высказывания и связанные с ней предпочтения в выборе типа речевого акта, управление тематикой диалога и т. д. К симптомам второго порядка относятся особенности речи, для

⁹⁶ Там же. С. 132.

выявления которых требуется специальная статистическая процедура: частотность употребления определенных частей речи, частиц, синтаксических конструкций и т. п.

В связи с тем, что данные, получаемые в различных исследованиях, весьма противоречивы, можно говорить о совершенствовании исследовательских методик, с одной стороны, и о наложении ряда параметров, что и является причиной различного речевого поведения мужчин и женщин. К таким параметрам относятся: возраст, уровень образования, социальный статус и ситуация общения.

В любом случае известное нам количество работ по определению типических черт мужской и женской речи не дает возможности сделать твердые выводы о неотъемлемых атрибутах мужской и женской речи.

Следует заметить, что ряд зарубежных авторов, обобщая без преувеличения огромное количество исследований на материале влиятельных европейских языков, например английского и немецкого, пришел к аналогичным выводам. Так, Е. Маккоби и К. Джеклин⁹⁷ обращают внимание на большую неясность и высокую степень противоречивости полученных результатов. Помимо этого отмечается фактор множественности пола и его зависимости от ряда социальных факторов. Б. Барон⁹⁸, исследовавшая речевой стиль мужчин и женщин в академических кругах, пришла к выводу о том, что женщинам свойственна меньшая уверенность в ведении полемики, большая уступчивость. Мужской полемический стиль был признан более агрессивным и наступательным, мужчины чаще ссылались на авторитетные мнения для подкрепления своей точки зрения. Исследуя выражения юмора и иронии, Х. Коттхофф⁹⁹ установила, что женщинам – носительницам немецкого языка более, чем мужчинам, свойственны шутки, направленные на себя. Однако в русской языковой среде такая тенденция была отмечена у мужчин¹⁰⁰.

---

⁹⁷ Maccoby E., Jacklin C. The Psychology of sex differences. Stanford, 1974.

⁹⁸ Baron B. Die Inszenierung des Geschlechterverhältnisses im akademischen Streitgespräch: Zur Kontextabhängigkeit der Dissensformatierung // Jahrbuch Arbeit, Bildung, Kultur, 1996. Bd. 14. S. 69–80; *Idem.* «Geschlossene Gesellschaft»: Gibt es geschlechtsspezifische Unterschiede im universitären Fachgespräch? // Gender Studies an der Universität Konstanz. Vortragsreihe in Sommersemester 1996. Konstanz, 1996. S. 114–129.

⁹⁹ Kothoff H. Witzige Darbietung auf eigene Kosten: Über Komplexitäten weiblicher Imagepolitik in der Scherzkommunikation // Germanistische Linguistik, 1998. Vol. 139–140. S. 253–277; Kothoff H. Erzählstile von mündlichen Witzen // <http://www.ling.uni-konstanz.de/publ/ap68.htm> (Stand am 04.07.98).

¹⁰⁰ Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Указ. соч.

Обобщая рассмотрение мужского и женского речевого поведения, необходимо отметить, что любая говорящая личность испытывает влияние ряда факторов. На наш взгляд, наиболее важными являются следующие.

1. Гендерная принадлежность говорящего. Причем под гендерной принадлежностью понимается, как уже говорилось, не биологический пол, а скорее, социальная роль (быть мужчиной/женщиной и совершать в связи с этим соответствующие данной культуре действия, в том числе и речевые). В этой связи важно учитывать особенности стереотипов мужественности и женственности, принятых в изучаемой культуре и находящихся свое отражение в языке.

Следует также обратить внимание на тот факт, что, если авторы, исследующие мужскую и женскую речь, пользуются словами *мужчины* и *женщины*, то приписываемые лицам того или иного пола речевые особенности воспринимаются как природно обусловленные, на что обратили внимание Е. А. Земская, М. А. Китайгородская и Н. Н. Розанова¹⁰¹: «Типическая черта построения текста, свойственная женщинам, – включение в ход разговора, беседы, диалога на какую-либо не связанную с конституацией ему той тематики, которую порождает конституация (обстановка речи, действия, которые производят говорящие и т. п.). Можно думать, что такое переключение тематики... не является особенностью женщин как людей определенного пола, но связано, скорее, с их социальными, семейными и т.п. ролями», например, с ролью хозяйки дома. Мужчинам, вынужденным совмещать два вида деятельности, также свойственно переключаться, как отмечают указанные авторы, но в силу социальных причин это происходит несколько реже.

2. Характерологические особенности языка, на котором осуществляется письменное или устное общение. Этот вопрос до сих пор не рассматривался в лингвистической литературе в связи с проблемой гендера. Между тем важность особенностей языка, его выразительных средств в целом и выразительных средств для концепта пола и связанных с ним семантических областей чрезвычайно важна. Так, в англоязычных странах было установлено, что женщины склонны чаще употреблять уменьшительно-ласкательные номинации. Эту особенность относят к характерным чертам женского речевого стиля. Другой особенностью ряда авторов считается более частое употребление женщинами неагентивных конструкций (страдательного залога и т.п.) Известно, однако, что в русском языке неагентивные формы весьма продуктив-

¹⁰¹ Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Указ. соч. С. 113.

отребляются всеми носителями языка. То же касается уменьшительных форм, по крайней мере, уменьшительных нарицательных продуктов. Этот факт, несомненно, должен учитываться при исследовании гендерных аспектов коммуникации в языковой среде. В нашем распоряжении имеется большое количество примеров употребления мужчинами уменьшительных форм (*Алло, это Владимир Анатольевич. Мы вам машинок показали уже*). Е. А. Земская, М. М. Китайгородская, М. М. Занова также отмечают нерелевантность пола в случае употребления диминутивов, по крайней мере в некоторых коммуникативных ситуациях – в формулах угощения, при покупке лекарств, в медицинском общении врача с больными¹⁰². В то же время женщины отмечают преимущественное употребление диминутивов при общении с детьми.

С лингвистической важно также разграничение факторов, опосредованных гендерными особенностями говорящих, то есть их социальными ролями мужчин и женщин, и факторов, вызванных биологическими, психическими и иными имманентными особенностями мужчин и женщин.

Симптомы первого порядка, о которых говорилось выше, в значительной степени отражают социальные роли мужчин и женщин, а симптомы второго порядка – их генетические характеристики. Степень выраженности гормональных, генетических и т. п. признаков может быть неодинакова у всех представителей того или иного пола. Поэтому симптомы будут проявляться с разной степенью интенсивности. Кроме того, четкое разграничение симптомов первого и второго порядка на сегодняшний день не представляется возможным.

Изучение наименований лиц женского и мужского пола в категориях рода и связанных с ней проблем лингвистики

Одним из важнейших объектов ГИ является лексикон естественного языка, его номинативная система. Как показано выше, интерес к способам номинации лиц разного пола и к категории рода в лингвистике имеет глубокие корни. Феминистская лингвистика нашла свою аргументацию также в значительной мере на критике андроцентричной системы языка, доказывая ее андроцентричность.

В советской лингвистике отсутствовал феминистский па- раметр. Мы обнаружили очень большое количество работ, посвященных наименованиям лиц, так и наименованиям лиц женского и

102.

мужского пола. Как совершенно справедливо отмечает К. Тафель¹⁰³, эта проблематика обсуждалась в российской лингвистике значительно раньше, нежели возникла феминистская лингвистика.

Прежде всего следует назвать работу М. Я. Немировского¹⁰⁴, где автор рассматривает способы обозначения пола в различных языках мира, связывая процесс номинации с социальными факторами. Е. Д. Поливанов, рассматривая причины языковой эволюции, отмечал: «... та группа, которая является наиболее активной и в экономическом (производственном) отношении, и в смысле активного участия в языковой эволюции, состоит обычно из мужчин»¹⁰⁵.

Поток исследований этой проблематики так велик, что мы можем привести ссылки лишь на наиболее значительные труды¹⁰⁶.

¹⁰³ Tafel K. Die Frau im Spiegel der russischen Sprache. Wiesbaden, 1997.

¹⁰⁴ Немировский М. Я. Способы обозначения пола в языках мира // Памяти академика Н. Я. Марра. М.: Л., 1938.

¹⁰⁵ Поливанов Е. Д. Где лежат причины языковой эволюции? // Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 75–90.

¹⁰⁶ Протченко И. Ф. Об образовании и употреблении имен существительных женского рода – названий лиц в современном русском языке. Дис... канд. филол. наук. М., 1953; Протченко И. Ф. Образование и употребление существительных женского рода – названий лиц в современном русском языке // Статьи и исследования по русскому языку: Ученые записки МГПУ, 1960. Т. 158. С. 41–138; Протченко И. Ф. Формы глагола и прилагательного в сочетании с названиями лиц пола // Вопросы культуры речи. 1961. № 3. С. 116–126; Протченко И. Ф. О родовой соотносительности названий лиц: Из наблюдений над лексикой в современную эпоху // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. С. 106–138; Аверьянова А. П. Личные существительные женского рода с суффиксами -ш(а) // Филологические науки. 1960. № 1. С. 129–131; Залыгина А. А. К вопросу о грамматических категориях рода и одушевленности в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1964. № 4. С. 25–40; Шанская Т. В. Родовая принадлежность имен существительных в современном русском языке. М., 1964; Панфилов А. К. Уважаемый товарищ или уважаемая товарищ? // Вопросы культуры речи. 1965. № 6. С. 189–195; Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30–90 гг. XIX века. М.: Л., 1965; Янко-Тришакская Н. А. Наименования лиц женского пола существительными женского и мужского рода // Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966. С. 153–167; она же. И уважаемый... и уважаемая... // Вопросы культуры речи. 1967. № 8. С. 240–244; Дашленко В. П. Основные тенденции и способы наименования лица в русском языке советской эпохи // Русский язык в школе. 1967. № 4. С. 85–91; Демидова Г. И. О словообразовании имен существительных женского рода с суффиксом -к(а) в древнерусском языке (по материалам письменности XIV–XV веков // Труды по русскому языку. Л., 1969. С. 156–201; Васильева Л. И. Суффиксальное словообразование наименований лиц по профессии в русском и украинском языках. Дис... канд. филол. наук. М., 1971; Китайгородская М. В. Вариативность в выражении рода существительных при обозначении женщин по профессии // Социально-лингвистические исследования / Под ред. Л. П. Крысина, Д. Н. Шмелева. М., 1976. С. 144–155; Борисова Е. Н. Пробле-

последнее время повысился интерес к историческим аспектам релевантных наименований лиц, что вызвало появление двух весьма обстоятельных и убедительно аргументированных работ по развитию наименований лиц женского пола в I¹⁰⁷ и XIX¹⁰⁸ веках.

вторно отметим, что это лишь небольшая часть работ, данных по рассматриваемой проблематике. Полемический характер имеют лишь некоторые из них (Панфилов, отчасти Янкошицкая). В целом же приводятся материалы об именах существительных мужского и женского пола, рассматривается их происхождение и время возникновения в системе языка, в связи с явлениями синонимии и дублетности¹⁰⁹; процессы метафоризации в связи с категорией рода¹¹⁰; влияние экстралингвистических факторов на развитие системы наименований лиц женского пола; история развития таких наименований; проблема маркированности. Рассмотрение названных вопросов отличалось от феминистской постановки вопроса большей политической нейтральностью, более существенным учетом интралингвистических факторов (аналоги, фонетических закономерностей и т. д.). Вместе с тем они не игнорируют и экстралингвистическую обусловленность возникновения ряда номинаций, особенно для обозначения лиц женского пола.

завления и развития словарного состава русского языка конца XVII – начала XVIII веков. Дис... доктора филол. наук. Смоленск, 1978; *Брагина А. А.* Названия над категорией рода в русском языке // Вопросы языкознания. 1981. С. 68–78; *Моисеев А. И.* Наименование лиц по профессии в современном русском языке. Авторефер. ... доктора филол. наук. Л., 1985; *Бабушкин А. П., Попов Д.* Динамика социальных компонентов семантики слова (на примере имени человека в современном русском языке) // Семантика слова в диахронии. Ленинград. 1987. С. 96–135; *Улуханов И. С.* Грамматический род и словозначение // Вопросы языкознания. 1988. № 5. С. 107–121; *Дубовик И. Н.* Имена существительных с суффиксами, содержащими элемент -ш. Дис... филол. наук. М., 1989; *Кронгауз М. А.* Sexus, или Проблема пола в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. М., 1996. С. 510–525; *Шахан А. М.* Проблема лингвистического статуса категории рода // Актуальные проблемы современной русистики: Диахрония и синхрония. М., 1996. С. 226–многие другие.

Слишчева В. В. Наименования лиц женского пола в русском литературном языке XVIII–XIX веков. Дис... канд. филол. наук. Воронеж, 1996.

Ременко О. И. Наименования лиц женского пола в русском литературном языке XIX–XX веков. Дис... канд. филол. наук. Воронеж, 1998.

Орисова Е. Н. Указ. соч.

Копов Л. С. Лексико-семантический способ образования имен существительных со значением лица (на основе метафоризации). Дис... канд. филол. наук. М., 1985.

Категория рода подверглась в русском языке также психолингвистическому анализу, что позволило автору сделать следующие выводы:

– родовые формы русских имен прилагательных и имен существительных различно воспринимаются реципиентами, что детерминировано половыми характеристиками носителей языка;

– грамматическая экспликация антропоцентрических показателей посредством родовых форм базируется на функционировании в речи психологического механизма половой дихотомии (процессор половой дихотомии – это, по А. М. Холоду, один из элементов универсального предметного кода, обеспечивающий формирование символических схем и кодов на речевом этапе в соответствии с принадлежностью индивида к одному из полов в дихотомии *мужской- женский*);

– степень актуализации родовых форм зависима от наличия партнера по речевому акту определенного пола;

– диапазон актуализированных родовых форм продиктован тремя условиями: полом носителя языка, формальным грамматическим показателем рода, степенью соотношенности родовых форм с полом носителя языка¹¹¹.

На наш взгляд, ход экспериментального исследования А. А. Холода нуждается в верификации посредством повторного проведения и сравнения результатов. На настоящий момент данных о проведении такого рода экспериментов у нас не имеется. Не вызывает сомнений факт психической обусловленности грамматических явлений, однако нам представляется, что обусловленность носит не столь простой характер. Кроме того, следует учитывать такие внутрilingвистические закономерности, как аналогия, безусловно, влияющая на процессы словообразования и, следовательно, на функционирование в языке категории рода.

3.2.3. Новая гендерная проблематика и формирование системного подхода к изучению гендерных аспектов языка и коммуникации

Примерно с середины 90-х годов XX века в отечественном языкознании отмечается рост интереса к гендерной проблематике, постепенно начинает формироваться научное направление.

---

¹¹¹ Холод А. М. Прагматические характеристики родовых форм русских имен существительных и прилагательных. Дис... канд. филол. наук. Киев, 1994. С. 61 след.

ино изучающее гендерные аспекты языка и коммуникации. в любой другой научной дисциплине, период становления характеризуется нерешенностью многих вопросов, полемикой, разнородностью подходов.

Сначала происходило осмысление онтологического а гендера, появлялись обзорные труды по результатам научных исследований¹¹², высказывались идеи, представляющие реакцию на выводы феминистской лингвистики, обсуждались возможности применения ряда зарубежных методов и техник на материале русского языка¹¹³, усиливался интерес к материнской лексике и ее употреблению с позиции гендера¹¹⁴.

Также число исследований, посвященных особенностям мужского и женского речевого общения, появился ряд информативных диахронических исследований по формированию в русском языке обозначений лиц женского пола, а также антропоцентричности семантики названий животных в связи с их полом¹¹⁵,

---

Горошко Е. И. Особенности мужского и женского речевого поведения (психолингвистический анализ). Дис... канд. филол. наук. М., 1996; *Горошко Е. И.* Психологические проблемы половой дихотомии в вербальном поведении. Вербальные и невербальные дейксисы маскулинности и фемининности. Харьков, 1997. С. 24–100; *Кирилина А. В.* Категория «gender» в языкознании. Женщины в российском обществе. 1997. № 2. С. 15–20; *она же.* Развитие научных исследований в лингвистике // Филологические науки. 1998. № 2. С. 8; *Горошко Е. И., Кирилина А. В.* Гендерные исследования в лингвистике // Гендерные исследования. Харьков, 1999. № 2. С. 234–241; *Ольшан Г.* Гендерные исследования как одно из направлений социолингвистики. Проблемы социолингвистики и многоязычия / Под ред. А.-К. С. Балама и В. А. Татарина. М., 1997. Вып. 1. С. 22–34.

Рыжова А. П. О реализации принципа вежливости в речи мужчин и женщин // Вестник Харьковского университета. Харьков, 1989. № 339. С. 89–92; *И. И.* Задачи московского лингвистического университета в междисциплинарном проекте «Феминология и гендерные исследования в России: перспективы и технологии» // Женщины в российском обществе. 1998. № 3; *Кирилина А. В.* Перспективные направления развития гендерных исследований в российской лингвистике // Женщины России на рубеже XX–XXI веков. Материалы международной научной конференции. Иваново, 23–24 апреля. С. 16–20.

С. М. Использование нецензурной лексики и половая принадлежность текста (по материалам исследования текстов анонимных писем) // Тезисы союзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Сознание», Москва, 30 мая – 2 июня 1988 г. М., 1988. С. 34–36; *Жельман Г.* Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М., 1997; *Кирилина А. В.* Еще один аспект значения обцененной лексики // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 1998. № 4. С. 13–16.

Ведчикова Т. В. Способы выражения пола в наименованиях животных в русском языке. Дис... канд. филол. н. М., 1998.

рассматривались культурно обусловленная языковая объективация концепта *любовь*¹¹⁶, особенности отражения русским языком понятий «женственность» и «мужественность»¹¹⁷, специфика русских стереотипов фемининности и маскулинности¹¹⁸.

Во многих случаях исследования проводились на материале не русского, а иностранных языков, что объясняется тем, что первыми с гендерной проблематикой ознакомились ученые-германисты, англисты и т.д. Рассматривался материал европейских языков: О. Н. Колосова¹¹⁹ на материале английского языка исследовала три когнитивных акта категоризации, позволяющих выразить «инакость» женщин в патриархальной картине мира: установление дистанции отчуждения, приписывание атрибутов референту и пространственно-временное представление о референте. Е. М. Бакушева¹²⁰ рассматривает на материале французского языка особенности мужской и женской речи. Практически неразработанной проблематике – гендерным аспектам перевода – посвящена работа

---

¹¹⁶ *Вильмс Л. Е.* Лингвокультурологическая специфика понятия «любовь» (на материале немецкого и русского языков). Волгоград, 1997; *Кашианова Е. Е.* Лингвокультурологические основания русского концепта «любовь» (аспективный анализ). Дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.

¹¹⁷ *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. С. 263 и след.; *Кирилина А. В.* Женский голос в русской паремии // Женщина в российском обществе. 1997. № 3. С. 23–26; *она же.* Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания: Сб. статей / Сост. А. В. Кирилина. М., 2000. С. 47–80.

¹¹⁸ *Kirilina A. V.* Die phraseologisierte Weiblichkeit: ein deutsch-russischer Vergleich // Thesen der Internationalen Germanisten- und Deutschlehrerkonferenz «Sprachenpolitik Russlands im europäischen Kontext» (am Beispiel DaF) 1–2. Februar 1999. S. 26–27; *Кирилина А. В.* Гендерные компоненты этнических представлений (по результатам пилотажного эксперимента) // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999. С. 46–53; *она же.* Русская фразеология с точки зрения гендерной лингвистики // Гендерные отношения в России: история, современное состояние, перспективы: Материалы международной научной конференции. Иваново, 27–28 мая 1999. С. 70–73; *Городникова М. Д.* Гендерный фактор и распределение социальных ролей в современном обществе // Гендерный фактор в языке и коммуникации: Сб. научных трудов. Иваново, 1999. С. 23–27; *Халева И. И.* Гендер как интрига познания // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999. С. 5–9; *Малишевская Д. Ч.* Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции Мужчина / Женщина) // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 180–184.

¹¹⁹ *Колосова О. Н.* Когнитивные основания языковых категорий: (На материале современного английского языка). Дис... доктора филол. наук. М., 1996.

¹²⁰ *Бакушева Е. М.* Социолингвистический анализ речевого поведения мужчин и женщин: (На материале французского языка). Дис... канд. филол. наук. М., 1995.

С.Ф. Гончаренко¹²¹. Гендерные особенности речи депутатов бундестага исследованы С. К. Табуровой¹²², М. Е. Федотовой исследованы закономерности наименования лиц женского пола по профессии в современном немецком языке¹²³.

Новое научное направление развивается в основном силами молодых исследователей. Академическая среда на начальном этапе освоения гендерной проблематики не проявляла к ней большого интереса. Труды, в которых применяется гендерный подход, на материале русского языка появились несколько позднее. Часто материал русского языка исследовался в сопоставлении с другими языками¹²⁴.

Обсуждаются также вопросы лексикографической проблематики гендера¹²⁵.

С конца 90-х годов в отечественной лингвистике наметился поворот к системному исследованию гендерного концепта и к институционализации гендерного направления в языкознании. Наиболее существенную роль в этом процессе играют три фактора:

1) подготовка диссертационных исследований;

---

¹²¹ *Гончаренко С. Ф.* Гендерный фактор в концептуально-метафорической картине мира оригинального поэта и поэта-переводчика: интрига и драма перевоплощения // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: Сборник научн. трудов МГЛУ. Вып. 444. М., 1999. С. 38–41.

¹²² *Табурова С. К.* Механизмы создания экспрессивности в репликах мужчин и женщин – депутатов бундестага // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999. С. 63–71; *Табурова С. К.* Реплики депутатов бундестага как речевые акты // Там же. С. 72–86; *она же.* Эмоции в речи депутатов бундестага: мужские и женские предпочтения // Гендер как интрига познания: Сб. статей / Сост. А. В. Кирилина. М., 2000. С. 168–191.

¹²³ *Федотова М. Е.* Наименования лиц женского пола по профессии в современном немецком языке. М., 1999.

¹²⁴ См., например: *Кирилина А. В.* Гендерные аспекты языка и коммуникации. Дис... доктора филол. наук. М., 2000.

¹²⁵ *Попов А. А.* К проблеме отражения гендерного аспекта в лексикографии // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999. С. 60–62; *Колесникова М. С.* Гендерные асимметрии и стереотипы в лингвострановедческих словарях // Доклады Первой международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация» Москва, МГЛУ, 25–26 ноября 1999. М., 2001. С. 212–221; *она же.* Лексикографические аспекты современных гендерных исследований // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации: Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002. С. 28–36; *Маланова Е. В., Колесникова М. С.* Гендерные стереотипы в лексикографии и проблема их лингводидактической интерпретации в межкультурном диалоге // Лингвистические и лингводидактические исследования в контексте межкультурной коммуникации: Материалы конференции факультета иностранных языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Ярославль, 2001. С. 93–96.

2) организация научных контактов – проведение конференций, долгосрочных семинаров, реализация совместных проектов, разработка научных программ;

3) выпуск специальных периодических изданий.

С середины до конца 90-х годов гендерные исследования развивались главным образом недифференцированно: центром изучения гендерной проблематики стал Ивановский государственный университет, инициировавший ряд межвузовских программ по гендерным исследованиям, в частности программу «Социальная феминология и гендерные исследования в России: перспективные стратегии и технологии», поддержанную в 1998 году Министерством образования РФ. Концепция программы предусматривала и лингвистические исследования, к осуществлению которых приступили ученые Московского государственного лингвистического университета. С этого момента гендерные исследования в лингвистике приобретают системный характер и сосредотачиваются в Московском государственном лингвистическом университете, где открывается лаборатория гендерных исследований и проводятся необходимые для становления новой дисциплины научные и научно-организационные мероприятия, позволившие превратить МГЛУ в наиболее значительный центр лингвистического изучения гендерной проблематики. Кроме того, роль организационных мероприятий крайне важна для становления новой научной дисциплины, так как научные семинары, конференции, контакты ученых, выпуск научных сборников и периодических изданий способствуют институционализации лингвистических ГИ и их дальнейшему развитию и формированию профессионального научного сообщества, исследующего гендерную проблематику при помощи понятийного аппарата лингвистики.

В 1999, 2001 и 2003 годах в МГЛУ проведены три международные конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация», по материалам которых опубликованы тезисы и сборники докладов. Ученые-лингвисты МГЛУ выпустили ряд монографий, статей и сборников научных трудов по гендерной проблематике¹²⁶.

С начала 2002 года проходит годовой семинар «Фундаментальная и прикладная лингвистическая гендерология. Вопросы

---

¹²⁶ См., например: Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999. Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999; Гендер как интрига познания: Сб. статей / Сост. А.В. Кирилина. М., 2000; Доклады Первой международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация», МГЛУ, 1999. М., 2001 и др.

методологии и преподавания», в рамках которого преследуется цель создания профессионального сообщества исследователей гендера в лингвистике и теории коммуникации.

Начат выпуск периодического издания – альманаха «Гендер как интрига познания: Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации».

Сегодня названная школа занимает лидирующие позиции в отечественной лингвистической гендерологии. Осуществлен ряд проектов, разработаны методологические основы исследования гендера в лингвистике. Ученые МГЛУ выдвинули и верифицировали ряд гипотез, позволивших переосмыслить ранние положения гендерной теории, что стало возможным благодаря исследованию русского и некоторых других славянских языков, ранее в аспекте гендера не изучавшихся или изучавшихся несистемно. В частности, был сформулирован постулат о неодинаковой степени андроцентризма разных языков, то есть о различном соотношении гендерного и метагендерного уровней; теоретически обосновано и подтверждено экспериментально наличие гендерных компонентов этнических представлений. Продолжается исследование гендерных аспектов межкультурной коммуникации – тема совершенно новая не только для отечественной, но и для зарубежной лингвистики.

Основные теоретические положения, выдвинутые в Московской школе, сводятся к следующему.

1. Новейшие концепции, сформировавшиеся в лингвистике в результате привлечения к лингвистическому описанию данных психологии, биологии познания, культурологии, философии и ряда других антропоориентированных наук изменили точку зрения на традиционный когнитивный подход, при котором познание – это формирование новых ментальных репрезентаций, отображающих реальность. Согласно концепциям, возникшим под влиянием трудов У. Матураны, Дж. Лакоффа и нового осмысления идей Гуссерля и Хайдеггера, основная функция языка состоит не столько в передаче информации и осуществлении референции к независимой от него реальности, сколько в ориентации личности в ее собственной когнитивной области; язык, таким образом, рассматривается как система ориентирующего поведения, где коннотация играет решающую роль. Значимость индивидуальных параметров говорящего субъекта в связи с этим существенно возрастает. Пол человека – одна из его важнейших как экзистенциальных, так и общественно значимых характеристик, во многом определяющая социальную, культурную и когнитивную ориентацию личности в мире, в том числе посредством языка.

Хотя гендерная концепция была в определенной степени подготовлена предыдущим накоплением фактов и их осмыслением, она оформилась в самостоятельное научное направление лишь в период постмодернизма. Это стало возможным благодаря отказу от постулата о том, что существует некоторая внешняя по отношению к человеческому познанию истина. Признание множественности истины, ее субъективности способствовало развитию антропоморфного взгляда на сознание и мышление и, следовательно, усилению внимания ученых к различным параметрам человеческой личности. Гендерная самоидентификация входит в число когнитивных ресурсов как отдельного индивида, так и общества. В соответствии с этим гендер может быть рассмотрен как измерение, как параметр исследования во многих общественных науках, в том числе и в лингвистике.

2. Общий для многих лингвистических направлений принцип «человек в языке», установление и описание механизмов антропоориентированности языка вполне согласуются с учетом гендерного фактора. Более того, гендерный подход позволяет сделать еще один шаг вперед и описать, не только антропоцентричную систему языка, но и изучить возможности и границы ее подсистем, связанных с мужественностью и женственностью как двумя ипостасями человеческого бытия. Антропоориентированный подход к исследованию языка и коммуникации тесно связан с когнитивной научной парадигмой и позволяет приписать мужественности и женственности статус концептов. Третьим важным фактором изучения маскулинности и феминности является признание их не только когнитивно, но и культурно обусловленными сущностями и перенесение их изучения в область лингвокультурологии и других наук, связанных с исследованием культуры и общества (напомним, что гендерный подход предполагает концентрацию внимания исследователя именно на способах социального конструирования пола и на культурных факторах, воздействующих на этот процесс).

3. На начальном этапе научного освоения гендерной проблематики в языкознании в центре внимания исследователей находились общеметодологические вопросы: онтологический статус гендера, его осмысление как конструируемой социокультурной сущности в контексте постмодернистской философии. Систематизировались также концепции зарубежных ученых, предпринимались попытки верификации результатов их исследований на материале русского и некоторых других языков; собирался и обобщался материал отечественных исследований, относящихся к гендерной проблематике.

Были сформулированы общие принципы гендерных исследований, важнейший из которых – релятивизация пола, признание его социально и культурно конструируемым феноменом – институциональным и ритуализованным, – что ведет и к признанию его конвенциональности, неодинаково проявляющейся в различных культурных и языковых сообществах на различных этапах их развития. Признание гендера феноменом культуры, конвенциональной сущностью, относительно автономной от биологического пола, влечет за собой и приписывание маскулинности и фемининности статуса концептов и делает правомерным изучение их манифестации в языке и особенностей проявления в коммуникации.

Сегодня в области гендерных исследований создана научная основа для углубленного изучения проблемы «человек в языке». Принятый в лингвистике антропоцентричный подход к языку предполагает усиленное внимание ко всем параметрам человеческой личности, отражающимся в языке – основном средстве конструирования идентичности. Гендер, понимаемый как культурно обусловленный и социально воспроизводимый феномен, представляет собой один из таких параметров. На современном этапе развития гуманитарного знания недостаточно признания только лишь «нерасчлененной» антропности языка, что делает необходимым создание такой модели описания человека в языке, которая позволила бы описать как общечеловеческий (метагендерный) уровень, так и уровень маскулинности и фемининности (собственно гендерный), а также исследовать их корреляцию. Последнее тем более важно, так как в разных языках и культурах эти уровни соотносятся неодинаково.

На основной вопрос лингвистической гендерологии – «Что меняет в лингвистическом описании применение гендерного подхода?» – московская гендерологическая школа отвечает так:

Гендерный подход представляет собой дальнейшее развитие антропоориентированного изучения языка и позволяет точнее и четче учитывать человеческий фактор в языке, в результате чего может быть получено приращение знания как собственно лингвистического, так и междисциплинарного.

Гендерный подход позволяет построить для антропоориентированного изучения языка двухъярусную модель, состоящую из метагендерного (общечеловеческого) уровня и гендерного (то есть относящегося к тому или иному полу). Взаимоотношения между названными ярусами довольно сложны и зависят от того, употребляются ли соответствующие языковые единицы в прямом или метафорическом значении, от общего контекста, культуры данного языкового сообщества, от струк-

туры данного языка, его характерологических особенностей и многих других факторов.

4. Как отмечает И. И. Халеева, «подход к гендеризму как к реальности, опосредуемой знаками, символами и текстами (т. е. с позиции герменевтики), позволяет определить гендер в качестве своего рода *междисциплинарной интриги*, в основе которой сплетается множество наук о человеке, о его не только биологической, но и социально и культурно обусловленной специфике, интриге как совокупности обстоятельств, событий и действий. в центре которых находится человек, личность»¹²⁷. Вместе с тем междисциплинарный подход не исключает, а – напротив – требует одновременного усиления внимания к частнонаучным методам изучения гендера. Учитывая, что в гуманитарных науках в последние десятилетия наметился так называемый лингвистический поворот, а также высокую значимость языка в процессе конструирования гендера и передаче гендерного концепта во времени, ведущая роль в гендерных исследованиях отводится науке о языке и ее новой области – лингвистической гендерологии (называемой иногда также гендерной лингвистикой).

Исследования последних лет позволяют сделать вывод, что от общей теории гендера, проблем его онтологического статуса, преодоления некоторой односторонности подхода и гиперболизации значимости гендерного фактора в общении, гендерные исследования постепенно переходят к состоянию, которое прежде всего характеризуется более глубокой, нежели ранее, сосредоточенностью на установлении возможностей гендерного подхода в конкретных частнонаучных областях, «вписывании» его в ту или иную методологию.

Двигаясь в указанном направлении, московская школа разрабатывает широкий подход к гендерным аспектам языка и коммуникации: гендер рассматривается не только как категория социолингвистики и не столько как таковая. Именно такой взгляд позволяет избежать эссенциализма и преодолеть биодетерминистский подход. В сферу исследований входит гендер как культурный феномен, его отражение в языке и конструирование в коммуникативном взаимодействии индивидов. Все это позволяет привлечь к изучению широкий круг лингвистических вопросов – семантику, прагматику, лингвокультурологию, когнитивную лингвистику, анализ дискурса и т. д. Сегодня вопрос состоит не в том, какой пол «доминирует» в языке, а в том, ка-

---

¹²⁷ Халеева И. И. Гендер как интрига познания // Гендерный фактор в языке и коммуникации. М., 1999. С. 10.

кие средства для его выражения содержит язык, в каком прагматическом и коммуникативном контексте происходит конструирование гендера, как влияют на этот процесс экстра- и интралингвистические факторы.

Важно подчеркнуть, что названная школа отрицает перманентное присутствие категории *гендер* в языке и речи (коммуникации). При изучении коммуникации, речевого поведения и других феноменов, связанных с говорением, московская школа признает гендер «плавающим» параметром, то есть фактором, проявляющимся с неодинаковой интенсивностью, вплоть до полного его исчезновения в ряде коммуникативных ситуаций. Такая постановка вопроса является наиболее современной и соответствует данным, полученным в новейших исследованиях по социальной психологии и социологии. Современные теории социальной идентичности рассматривают гендер как «разыгрываемый» или конструируемый в ходе коммуникативного взаимодействия феномен¹²⁸. Теория коммуникативной адаптации¹²⁹ предполагает варьирование индивидами выбора языкового регистра в зависимости от их социальных целей. Так, говорящий может акцентировать или «затушевать» некоторые параметры своей личности в целях солидаризации с собеседником или дистанцирования от него. Следовательно, коммуникативная ситуация может оказывать глубокое воздействие на дискурс, что подтверждает интерактивную природу конструирования идентичности. В любом случае, однако, рассмотрение гендерных аспектов языка и коммуникации вне культурного контекста нельзя считать научным. Особенности гендерного концепта в разных языках и культурах, их несовпадение, а также последствия этого несовпадения в межкультурной коммуникации также представляют большой интерес для ученых.

Как показывает исследовательский опыт, новые данные и продвижение вперед в области методологии и теории гендерных исследований прямо связаны с привлечением к анализу языков, ранее в аспекте гендера не изучавшихся, включение в сферу

---

¹²⁸ Collier M. J., Thomas M. Cultural identity: An interpretive perspective // *Theories in intercultural communication* / Y.Y. Kim, W.B.Gudykunst (Eds.). Newbury Park, 1988. P. 99–122; Coupland J. Dating advertisements: Discourses of the commodified self // *Discourse and Society*. 1996. № 7. P. 187–207.

¹²⁹ Giles H., Coupland N., Coupland J. Accomodation theory: Communication, context, and consequence // *Contexts of accommodation: Developments in applied sociolinguistics* / H. Giles, J. Coupland, N.Coupland (Eds.). Cambridge, UK, 1991. P. 1–68; Burgoon J. K., Stern L. A., Dillman L. Interpersonal adaptation: Diadic interaction patterns. N. Y., 1995.

исследования новых языков и культур. Методологическая база гендерных исследований в лингвистике разработана недостаточно еще и по тому, что в поле зрения ученых до недавнего времени находились лишь преимущественно американский вариант английского языка. В последние годы получены новые данные на материале русского и некоторых других славянских языков, что позволило модифицировать некоторые положения гендерной теории, в частности, выдвинуть гипотезу неравной андроцентричности языков и культур.

Особенно значима эта проблема для языков и культур в постсоветском пространстве. Многообразие и индивидуальность культур стран СНГ позволяют предположить и особое своеобразие концептуализации гендера и гендерных отношений. Между тем гендерные аспекты языков стран СНГ и культурно обусловленные особенности гендерных отношений к настоящему моменту почти не исследованы. При этом даже немногие имеющиеся труды показывают, что отражение в языке гендерного концепта обнаруживает очень высокую специфичность¹³⁰.

Таким образом, сегодня наметился новый этап исследований: отечественные ученые перешли к решению специфических задач, решение которых требует применения лингвистических методов. Наиболее актуальными на новом этапе развития мы считаем следующие вопросы, связанные с названной выше проблематикой:

А. Лингвистическая значимость гендерного подхода в языкознании.

1. Что нового вносит в лингвистическое описание гендерный подход, какие новые данные о языке и его функционировании он позволяет получить?

2. Какие средства языка используются для конструирования гендерной идентичности? В каких типах текста и дискурса это происходит с наибольшей степенью интенсивности. Какие факторы влияют на степень интенсивности такого конструирования?

3. Какие ограничения накладывает гендерный фактор на употребление языковых единиц; как эти ограничения фиксируются в

---

¹³⁰ Kikvidze Z. On the sex-preferential order of the components in some dvandva compounds in Georgian // Доклады Первой международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация» 25–26 ноября 1999 г. М., 2001. Р. 209–212. *Idem.* Mother's language and mother tongue // «Гендер: язык, культура, коммуникация»: Тезисы докладов Второй международной конференции 22–23 ноября 2001 г. М., 2001. Р. 63–64; Тамская М. В. Гендерная специфика терминов родства в якутском языке // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: Материалы международной научной конференции. Иваново, 2002. Ч. 2 С. 271–273.

лексикографических и иных нормативных трудах? Как меняется описание семантики в связи с получением новых данных? Носят ли ограничения абсолютный характер?

4. В какой степени можно считать гендер социолингвистической категорией и какие изменения в исследовательских процедурах влечет за собой переход от приписывания гендеру статуса социолингвистической категории к рассмотрению его как параметра переменной интенсивности?

5. Как характерологические особенности языка взаимодействуют с конструированием гендерной идентичности (способствуют ее акцентуации или подавляют ее)?

6. Какие семиотические системы, наряду с языком, участвуют в создании гендерной идентичности и как они взаимодействуют?

7. Как соотносятся метагендерный и гендерный уровни в рамках одного языка и в сопоставлении с другими языками? Как различается содержание концептов *фемининность* и *маскулинность* в разных языках и культурах?

8. Что в языковом конструировании гендерной идентичности наиболее стабильно, а что подвержено более быстрым изменениям?

9. Какова роль гендерной метафоры в различных видах дискурса, непосредственно с полом не связанных?

Б. Роль экстралингвистической реальности в процессах языкового конструирования гендера и их динамике.

1. Как влияет научная традиция и социальная реальность на подходы к изучению гендерных аспектов языка и коммуникации?

2. Как экстралингвистические факторы влияют на интенсивность конструирования гендера?

3. Как меняется конструирование гендера в диахронии; какие данные для исследования ментальности данной культуры и ее отражения в языке дает гендерный подход?

4. Как воздействует межкультурная коммуникация на конструирование гендерной идентичности; какие изменения возможны в этой области и какова динамика этих изменений, какую роль играют в этом процессе гендерные компоненты этнических представлений?

5. Как отражаются культурная экспансия и процессы глобализации на гендерном параметре личности?

6. Какие языковые изменения происходят под влиянием новых достижений науки в области клонирования, репродукции и общей тенденции к экстракорпоральному деторождению?

7. Какова степень психической взаимозависимости между лингвистической категорией рода и экстралингвистической категорией пола в разных языках и культурах?

По некоторым из названных проблем уже получены первые результаты. Так, учеными лаборатории гендерных исследований МГЛУ теоретически обосновано и экспериментально подтверждено наличие гендерных компонентов этнических представлений; рассмотрена гендерная метафора; исследован ряд фрагментов лексикосемантической системы языка и установлено неодинаковое соотношение метагендерного и гендерного уровня в русском и немецком языках; проведены первые исследования по выявлению динамики отражения гендера в языке в диахронии¹³¹. Однако большая часть проблем пока не решена и находится лишь в стадии постановки вопроса (что не менее важно, т. к. формулировка проблемы уже есть шаг к ее решению).

Дискуссионные вопросы

В главе первой мы отмечали гетерохронность освоения гендерной проблематики в России. В лингвистике она выражается в одновременном сосуществовании различных подходов к анализу гендерного фактора в языке и коммуникации. В частности, растет количество трудов на базе феминистской идеологии, в которых заметно влияние зарубежных аналогов¹³². Как правило, такие работы посвящены разоблачению дискриминирующих структур русского языка, анализу патриархальных стереотипов. Они оперируют понятием «сексизм» и носят во многих случаях отчетливый полемический характер. На наш взгляд, наряду с взвешенным подходом к вопросу и обоснованными выводами, как например, в работе С. Н. Щегловой, внутри этого направления встречаются труды, в которых идеологический компонент столь силен, что это сказывается на качестве выводов. Так, в названной выше работе И. Сандомирской доказывается, что отмена твердого знака имела фатальные последствия для гендерного самосознания советских граждан. Не отрицая некоторой «бесполости» советского общественного дискурса, следует все же заметить, что роль твердого знака как маркера маскулинности несколько переоценивается. Об этом сви-

¹³¹ См., например, пилотный выпуск альманаха «Гендер как интрига познания: Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации». М., 2002.

¹³² *Sandomirshaya I. Around the Ъ. Power and the magic of wrighting // Heresies. 1992. Vol. 7. № 2. Issue 26. P. 44–60; Барчунова Т. В. Сексизм в букваре // ЭКО. 1995. № 3. С. 133–154; Габриэлян Н. М. Ева – это значит «жизнь»: (Проблема пространства в современной русской женской прозе) // Вопросы литературы. 1996. № 4. С. 31–71. Щеглова С. Н. Гендерные модели поведения: анализ школьных учебников // Женщины России на рубеже XX–XXI веков: Материалы международной научной конференции. Иваново, 23–24 апреля 1998. Иваново, 1998. С. 206–209.*

детельствует обстоятельное исследование И. Г. Камыниной¹³³, посвященное истории обозначения твердости и мягкости согласных в русской орфографии. На весьма репрезентативном материале автор показывает, что длительное время Ъ не являлся графически значимым дистинктивным признаком¹³⁴.

Мы остановились на этом, на первый взгляд, малозначимом примере, чтобы показать, что многие из острополемиических утверждений исследователей, критикующих языковую «дискриминацию», не выдерживают более тщательного лингвистического анализа. В целом о работах последней из названных групп можно сказать, что они имеют главным образом фрагментарный характер, доказывают андроцентричность русского языка, то есть наличие в нем гендерной асимметрии в пользу мужчин. В связи с этим выдвигается требование пересмотра норм русского языка в сторону устранения этой асимметрии¹³⁵. Попытки реформировать русский язык следуют за аналогичными реформами в ряде стран Запада, в первую очередь США и ФРГ. При этом нам не известны работы, где проводился бы комплексный анализ выразительных средств русского языка в области манифестации фемининности и маскулинности. Как правило, названные авторы ограничиваются рядом примеров, иллюстрирующих гендерную асимметрию. Противоположные тенденции не рассматриваются, сопоставление с другими языками не проводится.

Итак, под влиянием феминизма, развивается критическое направление, цель которого – выявление и преодоление так называемого сексизма языка. Однако в научной среде этот подход не встречает серьезной поддержки, что объясняется как скептическим отношением к феминизму, так и нежеланием отечественных исследователей снова занимать идеологизированную позицию. Феминизм рассматривается ими как идеология. И, как любая идеология, воспринимается как препятствие для подлинно научного поиска¹³⁶. Так, указанные авторы обращают внимание на то, что «для многих феминистских исследований характерно пренебрежение... требованиями научности, в частности, запретом на имплицитные экстраполяции. Часто наблюдается

---

¹³³ Камынина И. Г. История твердости и мягкости согласных в русской орфографии 17–18 вв. Дис... канд. филол. наук. Омск, 1998.

¹³⁴ Камынина И. Г. Указ. соч. С. 10.

¹³⁵ Воронина О. А. Гендерная экспертиза законодательства РФ о средствах массовой информации. М., 1998.

¹³⁶ Подробнее см.: Добровольский Д. О., Кирилина А. В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // Гендер как интрига познания: Сборник статей. М., 2000. С. 19–35.

(не обсуждаемое специально, а как бы само собой разумеющееся) приписывание лингвистическим категориям содержательных характеристик, как правило, идеологически нагруженных в своей основе. Эти характеристики, само наличие которых неверифицируемо в рамках лингвистики, иногда берутся за основу дальнейшей аргументации, что с неизбежностью приводит к выводам, валидность которых не может быть доказана»¹³⁷.

В центре внимания авторов, чьи труды рассмотрены выше, находятся андроцентричные структуры русского языка. Исходные позиции исследователей при этом таковы:

1. В неандроцентричном языке должно существовать и функционировать без ограничений средство для выражения значений, нейтральных относительно пола референта. Отсутствие такого средства, а также отсутствие симметричного обозначения мужчин и женщин на всех уровнях языка следует считать дефицитом, то есть «некорректностью» рассматриваемого языка.

2. Такое средство должно существовать, так как пол является основополагающим для идентификации личности фактором.

На наш взгляд, такие установки не учитывают или учитывают не в полной мере следующие факты интра- и экстралингвистического характера:

– Язык отражает значимые для данной культуры параметры. Следовательно, нечеткое разграничение по полу, большая вариативность (на которую указывают все авторы рассмотренных работ) способов выражения (или невыражения) пола могут означать его нерелевантность во многих коммуникативных ситуациях. Это может означать, что в коллективном сознании сексуализация человеческой жизни обнаруживает более или менее высокую интенсивность. Как показал М. Фуко¹³⁸, дискурсивные практики, связанные с тематизацией пола, имеют в западноевропейской культуре давнюю традицию, и пол в ней относится к числу важнейших экзистенциальных параметров личности. Ряд работ, посвященных философии пола в России, не обнаруживает столь интенсивного участия понятия «пол». Рассмотренные выше работы Ст. Хиршауера и Х. Коттхофф, также свидетельствуют в пользу того, что пол не всегда одинаково значим.

– Исследование гендерных аспектов языка не должно игнорировать внутриязыковые закономерности (аналогию, языковую экономию, фонологические особенности и т.д.); следует также

¹³⁷ Там же. С. 23–24.

¹³⁸ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.

отвлечься от гиперболизации семантико-символической функции категории рода, так как последняя имеет также ряд других функций, роль которых нельзя недооценивать.

3.2.4. Гендерные исследования в зарубежной русистике

Рост интереса иностранных исследователей к гендерным аспектам русского языка, по нашим данным, датируется 80-ми годами. Ниже будут рассмотрены некоторые из их работ.

Как правило, в работах зарубежных русистов рассматривается соотношение экстралингвистической категории «пол» и лингвистической категории «род», а также связанные с ней вопросы референции. Д. Вайс¹³⁹ проводит ряд исследований, применяя структуралистский метод на основе модели И. Мельчука.

Так, исследуется слово «человек»¹⁴⁰, его парадигматические и синтагматические особенности, а также поведение в различных контекстах, в том числе в ряде пословиц и связанных сочетаний типа «молодой человек». Выводы подкрепляются опросом информантов, характеристика которых приводится в сжатой форме и не дает полного представления о них. Опрос информантов показывает весьма противоречивую картину. Тем не менее, за исключением ряда случаев, когда аргументация Д. Вайса явно не согласуется с нашим языковым чувством, автор убедительно показывает, что слово «человек» в некоторых случаях своего употребления относится только к лицам мужского пола. Таким образом, специфицированное по полу и неспецифицированные значения слова «человек» находятся в отношении комплементарности. «Человек» иногда синонимичен «мужчине» в случаях «близкой» и не «дистантной» референции и в случаях, когда «человек» помещается в контекст, типичный для описания лиц женского пола: *Из-за угла выскочил человек в желтой шубке с ярко накрашенными губами и огромными серьгами*¹⁴¹.

В работах Д. Вайса рассматривается также способность русского языка выражать принадлежность лица по полу¹⁴². Сопоставляя русский и польский языки, автор устанавливает формальные

¹³⁹ Weiss D. Frau und Tier in der sprachlichen Grauzone: diskriminierende Strukturen slawischer Sprachen // Slavistische Linguistik. 1984. S. 317–358; *Idem.* Kurica ne ptica, (a) baba ne celovek // Slavische Linguistik. 1987. S. 413–443; *Idem.* Sexus distinctions in Polish and Russian // Words are physicians for an ailing mind: For Andrzej Boguslawski on the occasion of his 60th birthday / Eds: Grochowski M., Weiss D. München, 1991. P. 449–466.

¹⁴⁰ Weiss D. Kurica ne ptica, (a) baba ne celovek.

¹⁴¹ *Idem.* S. 424.

¹⁴² *Idem.* Sexus distinctions in Polish and Russian.

средства для выражения категории пола. Рассмотрев широкий спектр случаев от лексических средств до морфологических и синтаксических, автор приходит к выводу о том, что в русском языке, по сравнению с польским, менее развита система парных соответствий по типу «обозначение лица мужского пола – обозначение лица женского пола». Это выражается в том, что таких парных соответствий немного, суффиксы, обозначающие лиц женского пола, в большинстве своем не нейтральны и поэтому в официальном общении не употребляются. В целом автор констатирует, что русский язык более, чем польский, склонен к маскулинизации и что он развивает относительно малое количество парных соответствий. Здесь мы снова встречаемся с пресуппозициями ФЛ: пол является важнейшим личностным параметром; «правильный язык» должен содержать одинаковое количество мужских и женских номинаций с коррелирующей семантикой; имена мужского рода со значением лица обозначают только мужчин.

Наряду с ценными и тонкими замечаниями о ряде синтаксических особенностей поведения лексемы «человек» и комплексным рассмотрением проблемы в работах присутствует, на наш взгляд, как идеологическая ангажированность, так и определенный этноцентризм. Эксплицитное требование к языку симметрично отражать во всех случаях принадлежность лиц по полу в трудах Д. Вайса не высказывается. Однако сама аргументация говорит о том, что автор придерживается именно такой точки зрения: gaps, masculinization of female referents, compensatory techniques, half-baked solution.

Проблемы референции в связи с категорией рода освещаются также в ряде работ У. Долешаль¹⁴³ и С. Шмид¹⁴⁴.

---

¹⁴³ *Долешаль У.* О взаимосвязи грамматической категории рода и пола // Вербальные и невербальные дейксисы маскулинности и феминности / Под ред. Ю. А. Сорокина и А. М. Холода. Кривой Рог, 1997. С. 143–157; *Doleschal U.* Genus als grammatische und textlinguistische Kategorie: Eine kognitiv-funktionalistische Untersuchung des Russischen. Wien, 1993; *Idem.* Genuszuweisung im Russischen: Ein assoziatives Schematamodell // Linguistische Beiträge zur Slavistik aus deutschland und Österreich. II. JungslavistInnentreffen, Leipzig 1993 / Ed. U. Jungbanns; Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 37. Wien, 1993. S. 75–96; *Idem.* Referring to women // Reference in multidisciplinary perspective: Philological object, cognitive subject, intersubjective process / Ed. by R. A. Geiger. Hildesheim. Zürich; New York, 1995. P. 277–298.

¹⁴⁴ *Schmid S.* Zur Bezeichnung weiblicher Personen im Russischen: Eine empirische Pilotstudie // Wiener slawistischer Almanach, 1998. № 41. S. 239–262; *Doleschal U., Schmid S.* Doing gender in Russian: Structure and perspective // Gender Across Languages: The linguistic representation of women and men / M. Hellinger, H. Bußmann (eds). Vol. 1. Amsterdam; Philadelphia. 2001. P. 253–282.

Авторы также обсуждают вопросы референции в отношении лиц разного пола. У. Долешаль¹⁴⁵ исходит из того, что реальный языковой узус не позволяет во всех случаях прибегать к рекомендациям феминистской лингвистики, и показывает, что препятствием к этому является не только отсутствие «доброй воли», но и ряд лингвистических причин. Морфологические (структурные) закономерности У. Долешаль связывает с употреблением языка, применяя методы когнитивной лингвистики. Основываясь на модели Е. В. Падучевой, автор производит классификацию имен в терминах референциального статуса, чтобы доказать: определенный референциальный статус требует употребления названий лиц женского рода, если референция осуществляется по отношению к женщине; в иных случаях этого не происходит и предпочтительным является употребление имен мужского рода, что обычно происходит при реферировании к группе лиц разного пола. У. Долешаль предлагает объяснять этот факт с позиции разграничения роли и индивидуальности (по Фоконье), обращая внимание на различия в глубине идентификации. Проведя серию наблюдений, автор делает следующие выводы:

1) в единственном числе по отношению к женщинам употребляются мовированные слова. Если применяется существительное мужского рода, пол выражается другими средствами, которые не являются строго кореферентными лицам женского пола, о которых идет речь, но фокусируют не индивидуальные признаки, а роль (функцию);

2) если пол не специфицирован или не представляет важности, для передачи используют названия лиц мужского рода, но они не могут служить для индивидуализации обсуждаемого лица;

3) во множественном числе имена мужского рода являются нейтральными и могут быть использованы для референции к женщинам, особенно если называются их имена. Имена женского рода могут употребляться лишь, если группа, к которой относится высказывание, состоит только из женщин.

В числе прочего проводятся и эксперименты по выявлению психолингвистической обусловленности названий лиц разного грамматического рода. В названных работах показано, что наименования лиц, относящиеся к мужскому роду и считающиеся нейтральными, воспринимаются носителями языка как гендерно обусловленные, то есть относящиеся к лицам мужского пола.

¹⁴⁵ *Doleschal U. Referring to women // Reference in multidisciplinary perspective: Philological object, cognitive subject intersubjective process / Ed. by R.A. Geiger. Hildesheim; Zürich; New York, 1995. P. 277–298.*

Вместе с тем отмечается, что создание систематической модели употребления средств выражения женственности в русском языке не представляется возможным¹⁴⁶. На высокую степень противоречивости данных, получаемых от информантов, ссылаются также Д. Вайс¹⁴⁷ и У. Долешаль¹⁴⁸.

У. Долешаль исследует большую группу феноменов русского языка, рассматривает разные случаи референции и сам референциальный статус, подкрепляя свои выводы опросом информантов и исключая из рассмотрения факты, для обоснования которых нет достаточного количества доказательств. В целом автор приходит к следующему выводу:

«Мужской род как категория в русском языке не нейтрален по отношению к полу. Особенно местоимения мужского рода довольно сильно указывают на мужской пол референта. Однако наблюдается некоторое расщепление, состоящее в том, что согласование по роду в тексте сильно связано со значением пола, в то время как род существительного как отвлеченный лексический признак в высокой степени утратил эту связь. Поэтому и возможны бесконечные споры о значении мужского рода: эта категория неоднородна, и следовательно, легко привести доводы в пользу той или другой трактовки»¹⁴⁹.

Первая попытка системного описания образа женщины в русском языке предпринята Карин Тафель¹⁵⁰. Рассматриваются все уровни языка, за исключением фонологии. Труд подобного рода безусловно, отражает исключительно большую работу автора и представляет собой попытку осмыслить манифестацию женственности в русском языке в целом, а не фрагментарно.

В заключительной части работы К. Тафель делает ряд важных и взвешенных выводов, в частности о том, что сексизм заключен не столько в языке, сколько в сознании людей. К. Тафель стоит на позициях феминистской лингвистики и, следовательно, главной целью ее работы является доказательство андроцентричности русского языка. Вводная часть монографии посвящена в целом положению женщин в СССР и России, а также доказательству (со ссылкой на Lerner¹⁵¹) того, что рос-

¹⁴⁶ Schmid S. Zur Bezeichnung weiblicher Personen im Russischen: Eine empirische Pilotstudie.

¹⁴⁷ Weiss D. Kurica ne ptica, (a) baba ne celovek.

¹⁴⁸ Долешаль У. Указ. соч.

¹⁴⁹ Долешаль У. Указ. соч. С. 154–155.

¹⁵⁰ Tafel K. Die Frau im Spiegel der russischen Sprache. Wiesbaden, 1997.

¹⁵¹ Lerner G. Die Entstehung des feministischen Bewußtseins: Vom Mittelalter bis zur Ersten Frauenbewegung. Frauen und Geschichte. Frankfurt-a.-Main; New York, 1992. Bd. 2.

сийское общество обнаруживает все признаки патриархата. Дальнейшие рассуждения сводятся в основном к доказательству этого тезиса. Анализируются проблемы референции в связи с полом лица, проблемы синтаксической и семантической сочетаемости, отдельные зоны лексикона русского языка, например личные имена и некоторые другие классы существительных, обозначающих лиц разного пола, в частности, обозначения профессий. В рассмотрение включаются пословицы и поговорки и иные фразеологические сочетания. Завершается монография анализом текстового уровня русского языка (на примере газетных текстов). Достаточно подробно, хотя и не исчерпывающе, освещаются работы по изучению гендерных аспектов русского языка. Некоторые факты, приводимые автором, представляются вполне обоснованными, например, тенденция русского языка переносить обозначение пола лица с морфологических на согласительные элементы (ср.: *врач пришла*).

К. Тафель стремится доказать правильность утверждений немецкой феминистской лингвистики на материале русского языка.

Идеи, развиваемые в монографии К. Тафель, находят отражение также в статье У. Долешаль и С. Шмид¹⁵². Особенностью последней из названных работ является критика российских авторов, чьи труды не лежат в русле феминистской лингвистики.

Помимо рассмотренных трудов следует также отметить работы О. Йокоямы¹⁵³, посвященные гендерным различиям в детской речи и детской литературе, исследование В. Штадлера¹⁵⁴ о функционировании гендерно релевантных лексем в речи политика, обобщающую лингвокультурологическую статью И. ван Лейвен-Турновцовой о соотношении понятий правого и левого с мужественностью и женственностью¹⁵⁵, сборник статей под редакцией

¹⁵² *Doleschal U., Schmid S. Doing gender in Russian: Structure and perspective // Gender Across Languages: The linguistic representation of women and men / M. Heltinger, H. Bußmann (eds.). Vol. 1. Amsterdam; Philadelphia, 2001. P. 253–282.*

¹⁵³ *Йокояма О. Т. Языковые модели половых различий в языке русских детей младшего возраста // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: Материалы международной конференции. М., 1996. С. 191–195; Yokoyama O. T. Gender linguistic analysis of Russian children's literature // Slavic Gender Linguistics / Ed. by M. H. Mills. Amsterdam; Philadelphia, 1999. P. 57–84.*

¹⁵⁴ *Штадлер В. Особенности употребления лексических единиц «женщина», «мужчина», «человек» у В. В. Жириновского // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999. С. 22–35.*

¹⁵⁵ *Лейвен-Турновцова И. ван. Левое и правое как мужское и женское (европейский ареал) // Доклады Первой международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация», МГЛУ, 25–26 ноября 1999 г. М., 2001. С. 233–244.*

М. Миллз, где рассматривается гендерная проблематика славянских языков¹⁵⁶, а также сборник докладов проведенной в 2001 г. в университете г. Йены конференции «Gender – Sprache – Kommunikation – Kultur».

Новый взгляд на процесс формирования высокого и сниженного вариантов разговорного языка (по Фергюсону) представлен в обстоятельной статье И. ван Лейвен-Турновцовой¹⁵⁷. На материале русского и чешского языков автор демонстрирует роль женской части элиты в развитии и семейном усвоении высокого варианта разговорного языка. Применение гендерного подхода позволило как получить новые данные, так и увеличить объяснительную силу интерпретации проблемы. Помимо этого, труд И. ван Лейвен-Турновцовой представляет собой образец междисциплинарного исследования, в котором интегрированы лингвистический, культурологический и исторический подходы к рассматриваемым феноменам.

4. Заключение

1. ГИ не имеют одной четко выраженной методологической доминанты. Можно говорить о сосуществовании ряда исследовательских «парадигм». Наиболее четко определяются: а) исследования, осуществляемые при помощи дерридеанского деконструктивизма; б) исследования диагностического характера, имеющие практическую направленность, – определение инвентаря идентификационных признаков мужской и женской речи в виде симптомов первого и второго порядка в тех случаях, когда пол является релевантным фактором коммуникации; в) исследования, цель которых состоит в выявлении лингвокультурной специфики гендера.

В первом направлении идеологические установки в большей степени влияют на интерпретацию результатов.

2. Основная масса исследований, особенно в русле деконструктивизма, проведена на материале влиятельных европейских языков и американского английского. Степень разработанности проблематики на материале других языков значительно ниже. Этот факт влечет за собой вопрос о том, в полной ли мере уни-

---

¹⁵⁶ Slavic gender linguistics / Ed by M.H. Mills. University of Iowa. Philadelphia. 1999.

¹⁵⁷ Лейвен-Турновцова И. ван. Семейное усвоение разработанного языкового стиля с гендрной точки зрения // Доклады Второй международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация», МГЛУ, 22–23 ноября 2001 г. М., 2002 С. 26–40.

версальны имеющиеся в современной лингвистической гендерологии выводы.

3. Кросскультурные и лингвокультурологические исследования представлены также в меньшем объеме, чем все остальные. Развитие этого направления – одна из актуальных задач ГИ. Однако в российской лингвистике лингвокультурологические труды привлекают наибольшее число ученых. Исследование каждого из малоизученных в гендерном плане языков позволяет точнее описать особенности концептуализации мужественности и женственности в разных языках и сопоставить их.

4. Отечественная лингвистика уже имеет определенный опыт исследования отражения экстралингвистической категории «пол» в языке и речи, особенно в части разработки методик идентификации, а также в области лингвокультурной специфики гендерного концепта.

5. В настоящее время можно констатировать растущий интерес к ГИ и формирование самостоятельного научного направления, в центре которого находятся гендерные аспекты языка и коммуникации. Как показано выше, ГИ даже в тех странах, где они ведутся очень интенсивно, обнаруживают методологическую неоднородность. В этой связи для становления отечественной лингвистической гендерологии наиболее существенными представляются как общеметодологические вопросы, так и частнолингвистические методы.

Междисциплинарный характер ГИ не означает отказа от лингвистических методов исследования и не снижает требований к доказательности, обоснованности и валидности результатов.

Теория власти М. Фуко, на которой строится большое количество западных работ по гендерной проблематике, не привлекает столь пристального внимания отечественных ученых. Труды последних лет показывают, что российскую лингвистику гендер интересует в плане более широкого вопроса – исследования ментальности, этнокультурной специфики и того, какую роль играет здесь категория *гендер*. Как правило, представители такого подхода сосредоточены на вопросах соединения гендерной теории и частнонаучных концепций, что и позволяет получить дополнительное знание. Доминантой последних лет становится вписывание гендерного подхода в уже разработанные направления. Одним из наиболее популярных направлений лингвистики в России является лингвокультурология, когитология и исследование антропоцентричности языка.

6. Изучение женственности и мужественности как культурных концептов является одним из наиболее перспективных

направлений ГИ, так как его результаты позволяют повысить обоснованность и объяснительную силу остальных направлений лингвистической гендерологии и выявить степень применимости к русскому языку полученных в мировой лингвистике результатов. Безусловно, фемининность и маскулинность обнаруживают как универсальные, так и особенные черты. Определение общего и особенного становится, таким образом, одной из основополагающих целей ГИ.

7. Главная особенность развития отечественных гендерных исследований последних лет – это специализация и применение гендерного подхода в области частнонаучных исследований. В лингвистике этот процесс выражается в первую очередь в росте числа кандидатских и докторских исследований по гендерной проблематике.

Вместе с тем уровень диссертаций еще разнороден, в них отсутствует единство взглядов на гендерный концепт. Наибольшей проблемой остается также неразработанность понятийного и категориального аппарата гендерных исследований в лингвистике.

Литература

Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации: Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002.

Горошко Е. И. Теоретическое состояние проблемы половой дихотомии в вербальном поведении // Вербальные и невербальные дейксисы маскулинности и фемининности. Кривой Рог, 1997. С. 24–100.

Добровольский Д. О., Кирилина А. В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // Гендер как интрига познания. М., 2000. С. 19–35.

Доклады Второй международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация», МГЛУ, 22–23 ноября 2001 г. М., 2002.

Кирилина А. В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филологические науки, 1998. № 2. С. 51–58.

Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999. Глава 2.

Колосова О. Н. Когнитивные основания языковых категорий (На материале современного английского языка). Дис... доктора филол. наук. М., 1996.

Халева И. И. Задачи Московского лингвистического университета в междисциплинарном проекте «Феминология и гендерные исследования в России: перспективные стратегии и технологии» // Женщина в российском обществе. 1998. № 3. С. 8–11.

Халева И. И. Гендер как интрига познания // Гендер как интрига познания. М., 2000. С. 9–18.

Вопросы для самостоятельной работы

1. Что в языке, с позиции гендерного подхода, является предметом и объектом изучения?

2. В чем состоит различие между биодетерминистской концепцией пола и современным взглядом на его природу? Что нового вносит гендерный подход в изучение антропоцентричности языка?
3. Какие направления выделяются в современных гендерных исследованиях?
4. Каковы основные особенности функционирования термина «гендер» в отечественном лингвистическом описании?
5. В чем состоит специфика отечественной лингвистической гендерологии и как она связана с общим состоянием лингвистики?

Глава 3

Проблемы гендерного подхода в исследовании межкультурной коммуникации

1. Межкультурная коммуникация

Межкультурная коммуникация (МК) – относительно новая область научных исследований, тесно связанная с другими научными дисциплинами, изучающими язык, его культурную специфику, теорией коммуникации, психологией и др.

Как отмечает О. А. Леонтович¹, для современного состояния исследований МК характерны отсутствие единого концептуального подхода, терминологические разногласия, недостаточная разработанность многих вопросов. Тем не менее, эта научная дисциплина приобретает статус специальности, по которой ведется вузовская подготовка специалистов, поэтому гендерные аспекты МК с необходимостью попадают в поле зрения исследователей.

Под межкультурной коммуникацией понимают «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам»² или «общение людей, представляющих разные культуры»³.

В самом общем виде МК определяется также как «непосредственный или опосредованный обмен информацией между представителями разных лингвокультур»⁴.

Согласно точке зрения И. И. Халеевой, МК представляет собой процесс общения (вербального и невербального) между

---

¹ Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. Волгоград, 2002. С. 5.

² Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 1990. С. 26.

³ Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. С. 14.

⁴ Леонтович О. А. Указ. соч. С. 6–7.

коммуникантами, являющимися носителями разных культур и языков⁵.

Изучение МК строится на «интегративном видении человеческой культуры как единого целого наряду с составляющими ее частями. В рамках иерархического соподчинения структурных уровней МК анализируются цивилизационные типы (Восток – Запад), отдельные лингвокультуры, коллективная и идиолектная языковая личности, а также конкретные культурно-языковые проявления в пределах отдельного коммуникативного акта. При этом между различными уровнями МК существуют взаимосвязи, не сводимые к простой функциональной зависимости между ними, а пронизанные сложной сетью разнородных отношений, каждое из которых может одновременно выступать в качестве причины и следствия межкультурных изменений. Саморазвитие системы МК происходит на основе накопления и использования прошлого культурного опыта как внутри отдельных культур, так и в масштабе человеческой цивилизации»⁶. Изучение МК включает не только исследование «прямого» взаимодействия отдельных коммуникантов или групп, но и все типы общения, возникшие под воздействием научно-технического прогресса – Интернет, электронную почту и т. д.

Как считает О. В. Рябов, одним из перспективных направлений исследования МК является гендерный анализ⁷, который проводится с учетом ряда общих положений:

1) осознание коммуникантами своей принадлежности к разным культурам, разграничение «Своего» и «Другого»;

2) наличие двух уровней МК – индивидуального и группового (коллективного): «Культуры общаются через индивидов, которые воспринимают себя и Другого в качестве представителей двух различных общностей, приписывают друг другу определенные черты в соответствии с ауто- и гетеростереотипами собственной культуры»⁸.

---

⁵ Халева И. И. Вместо предисловия редактора: Интеркультура – третье измерение межкультурного взаимодействия (из опыта подготовки переводчиков) // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: Сб. науч. тр. МГЛУ. М., 1999. Вып. 444. С. 5–14.

⁶ Леонтович О. А. Указ. соч. С. 7.

⁷ Рябов О. В. Гендерные аспекты межкультурной коммуникации: социально-философский анализ // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации: Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002. С. 37–46.

⁸ Там же. С. 38.

Таким образом, исследование МК предполагает обращение к весьма широкому кругу вопросов. Вместе с тем в любом из видов межкультурного дискурса присутствует гендерная составляющая.

2. Гендерные компоненты межкультурной коммуникации

Названные факторы делают необходимым учет результатов гендерных исследований при решении лингвистических проблем и проблем межкультурной коммуникации: гендерный концепт отражается как в языковом, так и в когнитивном сознании представителей той или иной культуры, так как базовый инвариант данной социокультурной общности составляют социально-детерминированный опыт личности, ее мотивы и ценностные установки⁹. Эффект непонимания часто объясняется «не отсутствием общности языковых, а отсутствием общности **сознаний когнитивных**»¹⁰. При общении представителей разных культур возможны так называемые «культурные столкновения», вызываемые разностью ритуалов общения и принятого в данных странах речевого поведения. Определенную роль играют здесь и некоторые различия в гендерных стереотипах разных народов.

Из признания методологического принципа конструируемости и конвенциональности пола следует обращение к анализу языка с целью выявления в нем манифестации гендера, его динамики и культурной специфики. Сформировавшись в период возникновения постмодернистской философии и во многом разделяя ее положения, гендерология обращается к структурам языка, признавая их значимую роль в механизмах культурной репрезентации пола, что делает лингвистику одной из важнейших научных дисциплин, с помощью которых может быть осуществлен процесс познания гендера. Исследованию в гендерном аспекте поддаются практически все области языка как системы и языка в его функционировании.

Гендер является компонентом как коллективного, так и индивидуального сознания, поэтому его необходимо изучать как когнитивный феномен, проявляющийся как в стереотипах, фиксируемых языком, так и в речевом поведении индивидов, осознающих себя, с одной стороны, лицами определенного пола, с другой, – испытывающих определенное давление аксиологиче-

---

⁹ Халева И. И. Указ. соч. С. 10.

¹⁰ Там же. С. 8.

ски не нейтральных структур языка, отражающих коллективное видение гендера.

Сравнительно недавний выход гендерных исследований в лингвистике за рамки изучения немногих языков и культур позволил получить некоторые новые данные об особенностях концептуализации гендера.

Первоначально речь шла лишь только об андроцентризме и доказательстве его присутствия в языке и культуре: язык не только антропоцентричен – он андроцентричен, то есть отражает мужскую перспективу и ориентирован на человека мужского пола. Этот вывод был подкреплён на ранней стадии исследований результатами анализа небольшого числа языков (главным образом, английского и немецкого). Системное и целенаправленное изучение другого языкового материала началось несколько позднее. Кроме того, общий социальный контекст ранних исследований сопровождался свойственным алармистскому этапу гендерных исследований социальным пафосом – заостренной постановкой вопроса, целенаправленным поиском андроцентричных структур языка. Противоположные андроцентризму тенденции не принимались во внимание. Более того, вопрос об их существовании даже и не ставился.

В дальнейшем в поле зрения ученых попали и другие языки, например русский, и появилась возможность сравнить манифестацию маскулинности и фемининности в нем с ее проявлениями в исследованных ранее языках. При этом выяснилось, что – хотя и русскому языку присущ андроцентризм – он манифестируется не столь отчетливо¹¹. Например, в английском, немецком, французском языках для обозначения мужчины и человека существует одна и та же номинация (*man, Mann, homme*). В русском же такое явление не наблюдается. Деривационные возможности у слов «*man*» и «*Mann*» значительно шире, нежели у русского слова «*мужчина*» (ср. в немецком языке: *Mann: mannen, bemannt, Mannschaft*, продуктивный суффиксоид *-mann*).

Изучение лексикографических трудов показало, что слово «*Mann*» имеет значительно большее число связанных сочетаний, нежели русское слово «*мужчина*». В немецких и русских толковых словарях дефиниции слов «*мужчина*» и «*женщина*» не одинаково симметричны. Так решающая роль в прокреативном процессе немецкими словарями приписывается мужчине (*das zeugende, befruchtende Geschlecht*). Русским толковым словарям

---

¹¹ См.: Кириллина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999; она же. Гендерные аспекты языка и коммуникации: Дис... докт. филол. наук. М., 2000.

такая интерпретация мужественности не свойственна (подробнее см. главу 4).

Для интерпретации названных фактов потребовалась модификация некоторых положений гендерной теории, что и побудило исследователей ввести в научное описание гендера понятие «степень андроцентризма»: «Безусловно, любой язык обнаруживает признаки андроцентричности в силу исторических особенностей развития человечества. Однако степень ее выраженности и интенсивности может варьировать от культуры к культуре и, следовательно, от языка к языку»¹².

Неодинаковая степень андроцентризма предполагает и неодинаковое соотношение гендерного и метагендерного уровней в разных языках и культурах, что, в свою очередь, выражается в различном содержании концептов *женственность* и *мужественность*. С одной стороны, это означает неполное совпадение гендерных стереотипов. С другой – требует переосмысления гендерной метафоры в различных типах межкультурного дискурса, не связанных с полом, например, в историческом дискурсе, в дискурсе о национальной идентичности и т.д.

Гендерные аспекты МК в настоящее время изучены недостаточно, хотя эта проблема нуждается в дальнейшем исследовании и имеет значение не только для анализа того или иного языка, но и с позиции функционирования гендерной метафоры, международного, межкультурного и гендерного дискурсов. Первые попытки осмысления взаимного влияния гендерного и межкультурного дискурсов предприняты в проекте Московского государственного лингвистического университета «Динамика и стабильность гендерных компонентов межкультурной коммуникации (методологический подход)»¹³. Сформулированы основные методологические положения:

Язык отражает социальные и культурные процессы, свойственные обществу в данный период его развития, поэтому необходимо выделить в исследовании гендерных аспектов МК интра- и экстралингвистические факторы.

К интралингвистическим факторам относятся:

1. Структура языка, ее возможности в области выражения концепта *пол* (морфологические, лексические и др. средства). В первую очередь, это функционирование категории рода (в тех

¹² Кириллина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999. С. 70.

¹³ См. пилотный выпуск альманаха «Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации» (М., 2002).

языках, где она есть), динамика ее развития, более детальный учет новейших психолингвистических данных о соотношении категории рода и экстралингвистического фактора *пол*, учет влияния на эти процессы языковых законов – аналогии, экономии и др. Существенную трудность представляют не только детальное описание возможностей системы языка для выражения гендерного концепта, но и тот факт, что такое описание не должно игнорировать особенности языкового знака.

2. Характерологические особенности языка, которые также могут быть рассмотрены в аспекте выразительных возможностей по отношению к гендеру. Так, большое количество неагентивных конструкций, присущее русскому языку¹⁴, позволяют совершить высказывание, которое не содержит указания на параметры агенса, в том числе делает нерелевантным и его пол (Ср.: *Выше головы не прыгнешь, Волков бояться – в лес не ходить*). Этот факт, безусловно, относится к антиандроцентричным феноменам, следовательно, можно ставить вопрос о существовании в языке и культуре не только андроцентричности, но и оппозиции *андроцентричность/всечеловечность*, то есть рассмотреть соотношение и значимость гендерного и метагендерного уровня.

К числу *экстралингвистических факторов* относятся:

1. Особенности исследуемой культуры и ценностные параметры мужественности и женственности, традиционные гендерные роли, уровень мизогинии, требования к мужской и женской субкультурам и т. д. Так, в трудах Н. Л. Пушкаревой убедительно доказана известная самостоятельность женского населения России. Другой пример – отсутствие в России столь широко распространенного в Западной Европе сожжения ведьм и связанного с этим культивирования мизогинии. Напротив, как показал К. А. Богданов, в материалах российских следственных дел XVII–XVIII веков обвинения в колдовстве «выглядят не только несравнимо малочисленнее количества судебных приговоров, вынесенных за колдовство даже в небольших странах Европы», но и дают иную картину гендерного распределения – «из каждых пяти человек, проходившим по колдовским делам в России, четверо были мужчинами»¹⁵. Примеры подобного рода можно продолжить.

2. Исторические и/или политические факторы, роль которых в манипулировании многообразным гендерным концептом давно

¹⁴ *Велбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1997.

¹⁵ *Богданов К. А.* Гендер в магических практиках: русский случай // Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах: Материалы научной конференции 19–21 февраля 2001. СПб., 2001. С. 151.

и убедительно доказана. Социальный заказ формирует дискурсивные практики, касающиеся «производства истины о поле»¹⁶.

3. Взаимопроникновение культур (мультикультурализм).

На стыке интра- и экстралингвистических факторов находится почти не исследованный в отечественной науке вопрос о роли *гендерной метафоры* в различных типах общественного дискурса, то есть изучение роли *культурно-символической* составляющей гендера¹⁷. Под гендерной метафорой мы понимаем перенос не только физических, но и всей совокупности духовных качеств и свойств, объединенных номинациями *женственность* и *мужественность* на объекты, с полом не связанные. Частотность и распространенность гендерной метафоры зависит от культуры и типа дискурса.

Можно назвать по меньшей мере три направления, где факт неравной андроцентричности, то есть неодинакового соотношения гендерного и метагендерного уровней, может иметь значение для дальнейших исследований:

- анализ отражения в языке концептов мужественность и женственность и их влияние на представления о мужчинах и женщинах соответствующего сообщества;
- анализ вербального и невербального общения;
- анализ функционирования культурно-символической составляющей гендера, то есть репрезентации гендерной метафоры в дискурсах, не имеющих прямого отношения к полу. Иными словами, в центре внимания оказывается «проникновение» гендерного дискурса при помощи гендерной метафоры в другие виды дискурса в том числе и в метаязык дискурсов, претендующих на статус научных¹⁸.

Интеграция названных направлений позволяет перейти к исследованию в духе французской школы анализа дискурса¹⁹, то

---

¹⁶ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет. М., 1996.

¹⁷ См.: Рябов О. В. Матушка-Русь: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной философии. М., 2001. Гл. 1.

¹⁸ Ср.: «... символические компоненты – подобно содержательным – выполняют важнейшую функцию в идентичности социума, позволяя личности идентифицировать себя с общностью, а самой общности отличать себя от других, проводя границу между «Своими» и «Чужими». Формальный компонент идентичности культуры в значительной степени конструируется за счет гендерных метафор и символов» (Рябов О. В. Гендерные аспекты межкультурной коммуникации: социально-философский анализ // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002. С. 44).

¹⁹ См.: Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / Под ред. П. Серно. М., 1999.

есть к изучению не только его вербальной, но и идеологической и «невывыказанной» составляющих²⁰, в том числе рассмотреть включение гендерной метафоры в метаязык описания.

Все эти направления имеют прямую связь с проблемами межкультурной коммуникации, в том числе и с дискурсом о национальной идентичности. С одной стороны, в межкультурной коммуникации необходим учет вербальных и невербальных средств выражения, строго заданных, допустимых или просто более или менее вероятных для представителей того или иного пола²¹. В этом случае речь идет о создании коммуникативной компетенции²². С другой, – требуется четкая экспликация тех когнитивных ресурсов данной культуры, которые связаны с концептами мужественности и женственности, т. к. при всей их универсальности мужественность и женственность обнаруживают и определенную культурно обусловленную специфику, которая – в числе прочего – может проявляться не столько эксплицитно, сколько имплицитно. Так, например, изучение мужских и женских биографий в

²⁰ Ср.: «Целью гендерного анализа является не только выявление... эксплицитной формы гендерной маркировки... но и скрытой, имплицитной, то есть атрибутирования культуре черт, которые традиционно соотносятся либо с маскулинным, либо с фемининным (например, рациональность и эмоциональность, порядок и хаос, духовное и душевное и т.д.)» (Рябова О. В. Указ. соч. С. 44).

²¹ Фактор пола должен рассматриваться в совокупности с иными параметрами – возрастом, социальным статусом, профессией, типом коммуникативной ситуации и т.п. Гиперболизация значимости гендерного фактора, приписывание ему большей релевантности, нежели другим параметрам, приводит к неоправданным выводам и неправомерным обобщениям, как показали исследования последних десяти лет.

²² Так, Р. Ратмайр, исследуя прагматические условия речевого акта «Извинение» в русском языке, установила, что реплика «Винюват», сопровождающаяся, как правило, прикладыванием руки к сердцу, является в русской культуре гендерно ограниченной: она используется только мужчинами (Rathmayr R. Pragmatik der Entschuldigungen: vergleichende Untersuchung am Beispiel der russischen Sprache und Kultur. Köln, 1996). Другой пример значимости гендерного фактора в МК – влияние движения за равноправие женщин в США, ФРГ и некоторых других странах и вызванное им изменение норм общения, входящее в более широкое понятие политической корректности. Как отмечает О. А. Леонтович (Указ. соч. С. 309), в узусе американцев весьма прочно укоренились рекомендации по преодолению гендерных асимметрий, то есть по укреплению генделных предрасудков, зафиксированных в языке. Разнообразные рекомендации по политически корректному употреблению языка предлагают использовать лексику, в которой нейтрализуется указание на пол человека: *humanity, human beings, human race, people* вместо *mankind*; *artificial, synthetic, manufactured, constructed, of human origin* вместо *man-made*; *business executive, business manager, businessperson* вместо *businessman*. Предпочтительным признается также нейтральное обращение *Ms* вместо *Miss/Mrs.*, не акцентирующее внимание на брачном статусе.

России показывает (независимо от пола рассказчика), доминирование «женской ориентации» и соответствующее смещение перспективы: «*Существует поверье, что на нашем роду лежит проклятье по линии <фамилия>, больше это касается женщин. Так, у моей мамы умерла дочь и первый муж, а у ее сестры муж и сын, причем оба трагически. Мужчин же преследуют мелкие неприятности*» (Вячеслав, 18 л.)²³. Адекватная МК требует также учета целого ряда факторов, к которым, в частности, относятся:

– социальная ситуация и гендерная политика в определенной культуре;

– проявления понятий «политическая корректность», «сексизм (sexism)» и «сексуальное домогательство» (sexual harassment) в контексте данной культуры;

– нормы выбора психологической, социальной и коммуникативной дистанции;

– уместность определенных типов коммуникативного поведения, как вербального, так и невербального»²⁴.

В-третьих, – и это не только лингвистический вопрос – нуждается в интерпретации неодинаковая значимость фактора *пола* в разных культурах, что, несомненно, отражается в текстах на языке данной культуры и в сознании ее представителей и может привести к межкультурному непониманию или даже конфликту. Исследуя общие вопросы гендерных исследований в языке и коммуникации, мы столкнулись с проблемой неравной значимости гендерного фактора в разных сообществах²⁵. Представляется, что к решению вопроса необходим междисциплинарный подход – изучение общего культурного контекста, традиционных для него типов дискурса, включающих проблематизацию пола, степень распространенности гендерной метафоры в общественном дискурсе, а также степень «склонности» того или иного общества к определению ценности индивида в зависимости от его пола.

Для изучения гендерно значимых когнитивных оснований межкультурной коммуникации важно прояснить, как символическая составляющая гендера влияет на «производство истины о поле», совершающееся в текстах, направленных на коллективного адресата, то есть обладающих высоким манипулятивным

---

²³ Разумова И. А. Мужские и женские биографии как конструктивный элемент повествовательной истории семьи // Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы научной конференции 19–21 февраля 2001. СПб., 2001. С. 288.

²⁴ Леонтович О. А. Указ. соч. С. 238.

²⁵ Кирилина А. В. Гендерные аспекты языка и коммуникации. Дис... докт. филол. наук. М., 2000.

потенциалом. Например, труды О. В. Рябова²⁶ позволяют проследить, как в историософском дискурсе метафорические *мужественность* и *женственность* вписываются в контекст международных отношений, служат ориентиром в приписывании народам качеств и свойств, ассоциируемых с мужчинами и женщинами и – главное – воссоздают ценностные асимметрии. Указанный автор демонстрирует, как при помощи культурно-символической составляющей гендера создаются и поддерживаются мифы, например, миф о русской женщине, миф о «женственности» России. Вместе с тем гендерная метафора влияет и на восприятие реальных мужчин и женщин, способствуя формированию их поведенческих стереотипов²⁷. Необходимо поэтому учитывать частоту и встречаемость таких символов в общественных дискурсах разных стран и языковых сообществ, т. к. и здесь мы имеем дело с гетерогенными культурными традициями, с одной стороны, и неодинаковым историко-политическим контекстом, с другой.

Таким образом, необходимы лингвистические исследования способов выражения пола в языке на всех его уровнях, изучение случаев обязательности выражения пола, взаимосвязи выражения пола и приписывания ему оценки, описание гендерных стереотипов, а также тех случаев, когда пол референта не является значимым для вербализуемого контекста. Однако получение этих данных является, на наш взгляд, хотя и очень объемным и трудоемким, но лишь предварительным этапом исследования.

Далее полученные результаты необходимо соотносить с исследованиями этого же вопроса в других науках, в частности, с закономерностями функционирования и с оформлением различных типов общественного дискурса, например, психоаналитического дискурса.

Представляется, что в обществе, целью которого М. Фуко в одноименной книге назвал заботу о себе, половая принадлежность, ее проблематизация, общественное обсуждение в большом количестве типов дискурса – от рекламного до научного – и создают столь высокую значимость фактора «пол» как в общественном, так и в индивидуальном сознании. Именно так пол, становясь метафорой, «проникает» в разнообразные виды общественного дискурса. При исследовании этой проблемы необходимо учитывать и

---

²⁶ Рябов О. В. *Женщина и женственность в философии Серебряного века*. Иваново, 1997; *он же*. *Русская философия женственности (XI–XX вв.)*; *он же*. *Магущка-Русь: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии*. М., 2001.

²⁷ Кирилина А. В. «Мужественность» и «женственность» с точки зрения лингвиста // *Женщина в российском обществе*. 1998. № 2. С. 21–27.

процессы глобализации, так как они не столько идут в направлении интеграции культур, сколько представляют собой процесс экспансии культур, располагающих большими политическими, экономическими, военными и т.д. ресурсами (Ср.: «Традиционный компаративистский метод базируется на допущении целостных «сепаратных» культур, в то время как такое допущение сегодня не является более состоятельным. Европейский империализм, глобальный капитализм при гегемонии США, а также современные средства коммуникации привели все культуры в тесное взаимодействие, расширили сферу действия некоторых культур и маргинализировали большинство»²⁸). В этом случае интересно проследить, при помощи каких дискурсивных средств происходит эта экспансия в области гендерных отношений, какую роль здесь играют как сам язык, так и средства его использования (СМИ, уличная и телевизионная реклама и т. д.), как меняются акцентуация гендерных стереотипов, процессы растабуирования, фигуры умолчания, политический дискурс, тексты школьных учебников и т. д.

На наш взгляд, между высокой культурной значимостью и дискурсивной востребованностью концепта «*тал*», с одной стороны, и степенью андроцентричности соответствующего языка и культуры – с другой, должна существовать связь. Эта связь может быть обнаружена при помощи лингвистического анализа. Так, исследование лексикографических трудов позволяет выявить общее и особенное с содержанием понятий «*мужественность*» и «*женственность*» в разных языках и культурах.

Изучение гендерной метафоры также дает возможность проследить, в каких типах дискурса она появляется наиболее часто; для легитимации каких концептов она используется.

3. Заключение

1. Возникновение номинаций «*мужественность*» и «*женственность*» не случайно с точки зрения механизмов концептуализации действительности в человеческом сознании. Понятия «*мужественность*» и «*женственность*» метафоричны и в силу своей семантической двуплановости воздействуют на сознание носителей языка, заставляя их связывать абстрактные категории «*женственность*» и «*мужественность*» с мужчинами и женщинами. Процесс категоризации в человеческом сознании идет от конкретного к абстрактному, поэтому сама номинация понятий «*му-*

---

²⁸ Connell R. W. The big picture: Masculinities in recent world history // Theory & Society. № 22. 1993. P. 601 (перевод наш. – А. К.).

жественность» и «женственность» была мотивирована конкретным человеческим опытом – наличием двух типов людей с разными функциями. Внутренняя форма слов «женственность» и «мужественность» отсылает к людям разного пола и заставляет приписывать им качества, свойственные этим категориям, но не обязательно свойственные реальным мужчинам и женщинам, что способствует формированию гендерных стереотипов и социальных ожиданий по отношению к мужчинам и женщинам.

2. Межкультурная коммуникация обнаруживает наличие гендерной составляющей, что обусловило перспективность гендерного анализа различных ее видов.

3. Неодинаковое понимание и не вполне одинаковое содержание понятий «мужественность» и «женственность» может послужить причиной коммуникативных неудач при общении представителей различных культур.

Литература

Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.

Леонович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. Волгоград, 2002.

Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах: Материалы научной конференции 19–21 февраля 2001. СПб., 2001.

Рябов О. В. Матушка-Русь: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001.

Рябов О. В. Гендерные аспекты межкультурной коммуникации: социально-философский анализ // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации: Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002. С. 44.

Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций / Под ред. О. А. Ворониной. М., 2001.

Халева И. И. Вместо предисловия редактора: Интеркультура – третье измерение межкультурного взаимодействия (из опыта подготовки переводчиков) // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: Сб. научных трудов МГЛУ. 1999. Вып. 444. С. 5–14.

Вопросы для самостоятельной работы

1. Опишите, с каких позиций ведется изучение гендерных аспектов межкультурной коммуникации и на каких методологических принципах оно основано.
2. Назовите интра- и экстралингвистические факторы, оказывающие воздействие на гендерный аспект межкультурной коммуникации.
3. Каковы перспективные направления изучения гендерной составляющей межкультурной коммуникации?

Глава 4

Понятийный аппарат и методы изучения гендерных аспектов языка и коммуникации

Хотя новое понимание пола как социокультурного конструкта сегодня уже стало составной частью гуманитарного знания, изучение гендера в частнонаучных дисциплинах все еще представляет значительную сложность, что связано с недостаточной разработанностью понятийного аппарата, терминологии гендерных исследований на русском языке, а также с особенностями развития отечественной лингвистики, необходимостью переосмысления некоторых подходов, введения новых понятий и построения научных моделей, которые позволяли бы на практике реализовать идеи гендерного подхода, соединить обще- и частнонаучные принципы анализа.

1. Особенности современного состояния отечественной лингвистики

Отечественное языкознание в настоящее время находится в процессе осмысления своих задач и перспектив. Оно характеризуется утратой четких критериев и границ. При всем разнообразии состояния дел в современной российской лингвистике выделяются четыре принципиальные общие установки:

- экспансионизм (размывание границ, расширение пределов, выход в смежные области);
- антропоцентризм (обращенность к проблеме «человек в языке»);
- неофункциональность (рассмотрение языка как деятельности, то есть изучение его употребления);
- экспланаторность (объяснительность)¹.

---

¹ Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей под ред. Ю. С. Степанова. М: РГГУ, 1995. С. 207.

Это сказывается и на процессе развития ГИ. Ситуация становления самостоятельной дисциплины всегда связана с целым рядом объективных сложностей. С одной стороны, идет процесс формирования общеметодологических взглядов на предмет и объект исследования, развивающийся на фоне критического анализа предшествующих концепций. С другой – ведется интенсивный поиск частной эпистемологии определенной науки – в данном случае лингвистики.

Признавая междисциплинарность и экспансию лингвистики как источник новых идей, следует все же задать вопрос: какова должна быть доля лингвистической компетенции в подходе к гендерным исследованиям? Что могут дать лингвистические методы и какие из лингвистических методов могли бы оказаться наиболее продуктивными?

Речь идет о теориях, которые мы вслед за Мертоном и Р. М. Фрумкиной будем называть «теориями среднего уровня». Они разрабатывают эпистемологию частной науки, критерии научности принятого метода, способы проверки правильности полученных результатов, – то есть все проблемы, связанные с верификацией².

Зарубежные исследования показали, что в качестве теоретической базы лингвистической гендерологии оправдывают себя концепции гендеризма (Гоффман) и власти (Фуко), а также концепция культурной обусловленности полоролевой дифференциации общества (Маргарет Мид). Изучение различных культур показало ошибочность объяснения поведения мужчин и женщин только биологическим полом. Поведенческие черты, которые проявляют мужчины или женщины в одной культуре, могут считаться неженственными и немужественными в другой.

В то же время во всех культурах соблюдаются отличия между полами, и как только ту или иную черту поведения начинают ассоциировать с определенным полом, от нее стараются избавиться представители другого пола. Именно этот факт лег в основу концепции гендеризма, то есть культурно и социально обусловленных и воспроизводимых обществом различий в поведении полов. Неравноправный статус полов, в той или иной степени присутствующий в любой постпатриархатной культуре, позволяет и в лингвистическом исследовании опираться на концепцию власти.

---

² Фрумкина Р. М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 55–67.

Властные отношения и вытекающие из них оценки и определения понятий фиксируются в языке и являются симптомами, анализ которых позволяет установить степень андроцентричности языка.

Вместе с тем в отечественной лингвистике отсутствует идейная ангажированность, свойственная феминистскому направлению Запада. Кроме того, не во всех случаях методологической основой ГИ является постмодернистская теория. Это также отличает многие отечественные концепции от западных: «Приметой современности ... может служить реальная экспансия постмодернизма в исследовательское поле западноевропейской научной традиции. Прочие теории и концепции имеют, безусловно, своих приверженцев, но нередко могут произвести впечатление едва ли не вытесненных в своеобразные интеллектуальные резервации. Особенно отчетливо это проявляется в областях новых тематизаций, в частности – относящихся к гендеру»³.

Как показано выше, в отечественной лингвистике наметилась конкуренция двух подходов, один из которых можно назвать традиционным, стремящимся к «вписыванию» гендерного подхода в лингвистическую методологию. Другой, основанный на достижениях западноевропейской мысли – теории власти Фуко, принципе деконструкции Дерриды, концепции гендеризма Гоффмана – и поддерживаемый (что немаловажно) вновь создающимися феминистскими организациями, исходит из того, что «отныне любые попытки говорить об отношениях между полами вне связи с механизмами и аппаратами власти, подчинения и господства невозможны»⁴. На наш взгляд, подобные допущения страдают крайним радикализмом. Концептуализации предмета исследования могут быть различны и проблема состоит не в принятии или неприятии какого-либо методологического подхода, а в его обоснованности и «в отчетливом понимании и описании возможностей и ограничений принимаемой концептуализации»⁵.

Некоторые понятия на сегодняшний день можно считать устоявшимися и вошедшими в научный обиход. К их числу прежде всего относятся: *гендер*, *лингвистическая гендерология* (*гендерная лингвистика*), *гендерная метафора*, *гендерные стереотипы*. Рассмотрим их подробнее.

---

³ Клецин А. А. Предисловие редактора // Гендерные тетради. Выпуск 1. СПб. 1997. С. 8.

⁴ Ушакин С. А. Пол как идеологический продукт: о некоторых направлениях в российском феминизме // Человек. 1997. № 2. С. 62.

⁵ Клецин А. А. Указ. соч. С. 9.

2. Состояние понятийного аппарата лингвистической гендерологии

2.1. Особенности функционирования термина «гендер» в лингвистическом описании

То обстоятельство, что гендерные исследования – междисциплинарная область, не дает лингвистам права отказаться от рефлексии относительно того, какие изменения в понятийном аппарате языкознания влечет за собой применение нового гендерного подхода и самого термина «гендер». Следует ли отбросить старое понятие «пол»? Вносит ли гендерная концепция в изучение структур языка нечто особенное, или же речь идет только о замене понятий? Эти вопросы, а также условия функционирования термина «гендер» в области лингвистических исследований до сих пор почти не обсуждались в отечественном языкознании.

Наши рассуждения основаны главным образом на наблюдениях, сделанных во время чтения специальной литературы, а также на учете выразительных возможностей русского языка и традиции отечественного научного описания.

Номинация «гендер» пришла в лингвистику довольно своеобразным путем: английский термин «gender», означающий грамматическую категорию рода был изъят из лингвистического контекста и перенесен в исследовательское поле других наук – социальной философии, социологии, истории, а также в политический дискурс. Перенос был сделан, как показано выше, чтобы «уйти» от термина «sexus» (биологический пол), так как это понятие связывает с природной детерминированностью не только телесные различия мужчин и женщин, но и полоролевое разделение труда, неодинаковые требования и отношение общества к мужчинам и женщинам, разную общественную «ценность» лиц в зависимости от их пола.

В языкознание же «гендер» пришел (вернее, вернулся в новом значении) несколько позднее из сферы социальных наук, когда гендерные исследования получили статус междисциплинарного направления. Наряду с этим термин «гендер» функционирует в англоязычной лингвистической литературе, понимается, и в своем старом значении. Кроме того, и до появления нового термина лингвистическая семантика не игнорировала отражение в языке понятия «пол» в значении «sexus». Да это было бы и невозможно, так как семантический компонент «пол» входит в состав значения многих лексических единиц

(мужчина, женщина, мать, отец и т.д.). И сегодня работы, посвященные рассмотрению этого вопроса, оперируют понятием «пол»⁶. Таким образом, возникает необходимость выяснить, как соотносятся эти понятия именно в области языкознания, так как их функционирование здесь, как показано выше, отличается от ситуации в других общественных науках, занимающихся гендерными исследованиями.

Хотя понятие «гендер» признается сегодня большинством исследователей, существует ряд трудностей, возникающих при чтении специальной литературы и связанных с некоторыми различиями в понимании гендера и сравнительной новизной этого понятия. Прояснению вопроса не способствует растущий поток переводов с английского на русский язык, где английское соотношение «sex-gender» оказывается не вполне соответствующим русскому пониманию аналогичных понятий, что отчасти связано с многозначностью слова «sex». Так, в русском языке пара «секс-пол» оказывается не адекватна английскому «sex-sex», что, на наш взгляд, несколько «разгружает» слово «пол». Кроме того, в западных странах в последние годы наметилась отчетливая тенденция – даже вне научного дискурса – к вытеснению номинации «sex» в значении «пол» и замене ее словом «gender» в целях политической корректности.

Функционирование терминологических единиц исследуемой области обнаруживает следующие особенности:

– Значительная часть трудов, посвященных полоролевой дифференциации общества и связанным с ней процессам, написана до возникновения термина «гендер» и оперирует понятиями «sex», «sexus», «sexuality» даже в тех случаях, когда речь идет о социальных аспектах взаимодействия полов.

– Термин «гендер» возник в англоязычном пространстве и является английским омонимом грамматической категории рода, что в ряде случаев приводит к неясностям именно в лингвистическом описании.

– Ряд исследователей придерживается старых понятий, пользуясь терминами «sex bias», «sex role», «sex difference» и т. д., включая, однако, в свои рассуждения положения о социальной и культурной значимости пола. Во многих англоязычных трудах оба понятия используются параллельно. Заметна и противоре-

---

⁶ См., например: *Кромгауз М. А. Sexus, или Проблема пола в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. М., 1996. С. 510–525; Шахматов А. М. Проблема лингвистического статуса категорий рода // Актуальные проблемы современной русистики: Дiachрония и синхрония. М., 1996. С. 226–273.*

ложная тенденция – стремление заменить слово «пол» («sexus») новым термином. Так, Д. Вайс⁷, говоря о биологическом поле, применяет термин «*natural gender*», снабжая его в скобках пояснением («*sexus*»). Особенно это касается трудов, время создания которых совпало с возникновением понятия «*gender*». Все это свидетельствует о затруднительности последовательного разграничения обсуждаемых терминов.

Неясности возникают также в зависимости от языка, на котором описано исследование, а также при переводе иноязычных работ на русский язык. Так, в немецком языке наряду с понятием «*Gender*» используются немецкие номинации «*Geschlecht*», «*das soziale Geschlecht*». Некоторая путаница возникает и в русском языке, особенно при переводе: термин «секс» в значении «пол» (как, например, он применяется в переводе трудов М. Фуко) приходит в противоречие с нетерминологическим значением этого заимствованного слова в русском языке, на что обращает внимание и переводчик: «...французское *le sexe* может передаваться по-русски как “секс”, но и как “пол”. Употребление в переводе не одного – сквозного – термина, но двух лишило бы позицию Фуко ее последовательности и радикальности, оставляя лазейку для привычных натуралистических смыслов»⁸. Заметим также, что содержание работы Фуко не оставляет сомнений в культурной обусловленности пола.

При выборе терминологии имеет значение также концептуальная позиция автора. Так, представители биодетерминистского направления, настаивающие на физиологически и психически обусловленной дифференциации когнитивных различий и языковой способности мужчин и женщин, применяют традиционное обозначение пола, хотя и в их работах встречается понятие «*gender*».

В отечественном научном дискурсе понятие «*gender*» находит широкое применение.

Наиболее новые определения гендера представлены в ряде обобщающих трудов, вышедших в свет в последние годы. Так, «термин “гендер” обозначает совокупность норм поведения и позиций, которые обычно ассоциируются с лицами мужского и женского пола в любом данном обществе. Гендерный подход

---

⁷ Weiss D. Weiss. Kurica ne ptica, (a) baba ne celovek // Slavische Linguistik. 1987. S. 413–443.

⁸ Табачникова С. В. Мишель Фуко: историк настоящего: Комментарий // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет. М., 1996. С. 370–371.

основан на идее о том, что важны не биологические или физические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое общество придает этим различиям»⁹.

«Словарь гендерных терминов» дает следующее определение: «Понятие *«гендер»* обозначает... и сложный социокультурный процесс формирования (конструирования) обществом различий в мужских и женских ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках, и сам *результат* – социальный конструктор гендера»¹⁰.

Некоторые авторы предлагают пользоваться терминами, включающими слово «пол». Применяются номинации «гендер», «пол», «социальный (социокультурный) пол», «половой диморфизм», «полоролевая дифференциация», «биосоциальные (биокультурные) характеристики человека». Последние подчеркивают двойственный характер пола, его природную и культурную составляющие. Термин «пол» кажется многим исследователям приемлемым еще и потому, что в русском языке, в отличие, например, от английского, понятие «пол» не идентично понятию «секс» (именно этот факт в англоязычном научном дискурсе стал одной из причин введения в оборот термина «gender»). Заимствованная номинация «секс» отражает лишь область взаимодействия полов, связанную с их репродуктивной функцией. С одной стороны, это делает слово «пол» более нейтральным, с другой, как уже говорилось, создает сложности при переводе иноязычной литературы на русский язык и при использовании термина «сексуальность», который в западной научной традиции связан не только и не столько с репродуктивной функцией человека, а в русском переводе приобретает именно такой оттенок.

Вследствие новизны термина для российского гуманитарного знания в настоящее время отмечается научная полемика по вопросам его употребления. В этой связи можно указать на работу С. А. Ушакина, в которой автор высказывается против применения понятий, «не имеющих адекватных символических форм в русском языке»¹¹, и предлагает следующую тер-

---

⁹ Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций / Под ред. О. А. Ворониной. М., 2001. С. 15.

¹⁰ Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. Региональная общественная организация «Восток – Запад: Женские инновационные проекты». М., 2002. С. 23.

¹¹ Ушакин С. А. Поле пола: в центре и по краям // Вопросы философии. 1999 № 5. С. 83.

миологию: «пол» в русском научном дискурсе может выражать взаимосвязь между биологическими параметрами личности и социально обусловленными способами личной репрезентации, для чего необходимо разграничивать *биологический пол* и *социальный пол*. С. А. Ушакин призывает также пользоваться понятием «*половая идентичность*», под которой понимается моделирование личностью своего поведения в соответствии (или несоответствии) с социально обусловленным каноном для лиц разного пола. Такой подход представляет собой попытку в большей степени опираться на выразительные возможности родного языка.

Как отмечает О. В. Рябов, гуманитарному знанию присуща полемика по вопросу о том, что является первичным и определяющим в различиях между мужчинами и женщинами – биологическое или социальное. Различные взгляды на решение этого вопроса породили *эссенциализм* (предполагающий, что различия между полами детерминированы онтологически или биологически имеют имманентный, неизменный характер) и *акцидентализм* (признание социальной обусловленности различий и их зависимости от общества и культуры)¹².

Что касается функционирования термина «*гендер*», то указанный автор предлагает признать понятие социокультурного пола синонимом термина «*гендер*».

На взгляд О. В. Рябова, категория «пол» складывается из биологического пола и социокультурного пола. В последнем необходимо различать *социальную* и *культурно-символическую составляющие*¹³. При этом подчеркивается, что пол и гендер соотносятся как целое и часть.

На наш взгляд, термин «*гендер*» не может быть полностью заменен русским словом «*пол*» или отброшен, так как он входит в состав названий институционализированных научных подразделений, периодических изданий и оправдал себя прежде всего как обозначение междисциплинарного научного направления. Вместе с тем наблюдения показывают, что в специальной литературе на русском языке чаще применяется не сам термин «*гендер*», а его дериваты: «*гендерные исследования*», «*гендерные аспекты*», «*гендерные отношения*», «*гендеристы*», «*гендерология*». Слово же «*пол*» во многих случаях позволяет из контекста понять, в каких случаях речь идет о биологиче-

---

¹² Рябов О. В. Матушка-Русь: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001. С. 9.

¹³ Там же.

ских, а в каких – о культурно обусловленных его аспектах. Можно предположить, что в дальнейшем в трудах на русском языке будут использоваться оба термина, русский и заимствованный, как это уже происходит в немецкоязычной научной литературе, так как немецкий язык, как и русский, имеет собственную номинацию для выражения пола, не совпадающую с номинацией для выражения сексуальных отношений. В немецкой литературе наблюдается тенденция обозначать термином «гендер» общее направление исследования, а затем пользоваться понятием «*das (soziale) Geschlecht*». Вероятно, и в русском языке возобладает подобная тенденция.

В отличие от слова «пол», прилагательное «половой» больше связано с сексуальностью, поэтому номинация «гендерный», как показали наши наблюдения, нередко употребляется в качестве эвфемизма для слова «половой» (ср.: *гендерные отношения – половые отношения*). Таким образом, предпочтительными номинации «гендер» и «гендерный» оказываются тогда, когда они употребляются в контекстах, где русские слова «пол» и «половой» могут быть интерпретированы как относящиеся к сексуальной сфере.

Многие российские авторы пользуются терминами «гендер», «социальный (социокультурный) пол» и «пол», часто рассматривая их как синонимы. На наш взгляд, это оправдано: даже чисто биологические процессы в обществе приобретают социальную и культурную значимость, что и определяет их фиксацию в языке, который сам является социокультурным феноменом. В пользу такого подхода говорят и наблюдения этнографов и антропологов: даже, казалось бы, сугубо биологические явления, как «контус или роды, осуществляются у человека разными приемами, в которых имеются определенные, и очень существенные, этнокультурные различия»¹⁴.

Существенно также заметить, что понятие «гендер» большинство исследователей интерпретирует как экстралингвистическую категорию (разумеется, мы не рассматриваем здесь принятое в английском языке обозначение категории рода – gender, а лишь только *социальный пол*); но существует и точка зрения, что вопросы референции ряда существительных со значением лица могут быть рассмотрены в гендерном аспекте только при допущении того, что пол должен в этом случае считаться не экстралингвистической, а семантической категорией, то есть

---

¹⁴ Байбури А. К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения. Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 11.

рассматриваться как интралингвистический феномен¹⁵. На наш взгляд, это довольно радикальное мнение, призывающее, по сути, заменить слово «пол» словом «гендер» и уравнивать содержательный объем этих понятий.

Далее, необходимо учитывать, что методологические основы гендерных исследований и их философское осмысление зависят от исторических факторов развития как самих лингвистических знаний, так и общенаучной модели человека. Существенную роль играет в рассмотрении и интерпретации фактов приверженность исследователя той или иной методологии, а часто и его идеологические установки. Особенно ярко это проявляется в тех направлениях гендерных исследований, которые наиболее тесно связаны с феминистской идеологией (мы представляем точку зрения, согласно которой гендерные исследования отнюдь не тождественны феминизму). Ряд понятий, применяемых в гендерных исследованиях, пришел из политического дискурса. Так, термин «сексизм» возник в период наиболее активной феминистской критики языка и обозначает структуры языка, отражающие дискриминацию по признаку пола: язык не только антропоцентричен, но и андроцентричен – в нем зафиксирована главным образом мужская перспектива, мужская субъектность, мужская картина мира, а женщинам отводятся второстепенная, маргинальная роль и статус объекта. На наш взгляд, применение понятия «сексизм» в научном описании может быть заменено более нейтральным термином «гендерная асимметрия», под которым подразумеваются особенности отражения в языке лиц мужского и женского пола, полоролевых стереотипов и т. д., так как понятие «сексизм» предполагает как бы намеренную дискриминацию, в то время как намерение – и тем более злое – у языка, разумеется отсутствует.

Безусловно, термин «гендерные исследования» можно считать устоявшимся, и нет оснований настаивать на его замене, тем более что он весьма подходит для обозначения междисциплинарного научного направления. Вместе с тем нет и оснований отвергать термин «пол». Пол не единственная сущность, включающая как биологические, так и культурные составляющие.

Обращает на себя внимание также то, что в философии гендера наблюдается все большая детализация объема этого понятия. Так, предлагается различать до семи критериев и уровней фор-

---

¹⁵ См: Weiss D. Sexus distinctions in Polish and Russian // Words are physicians for an ailing mind: For Andrzej Boguslawski on the occasion of his 60th birthday / Eds: Grochowski M., Weiss D. München, 1991. P. 449.

мирования пола – от гаметного до собственно социального¹⁶. Вопрос о том, в какой степени столь дробное деление может иметь значение в лингвистической гендерологии, остается открытым. На наш взгляд, подобное разграничение – во всяком случае, – на современном этапе – пока не может быть востребовано лингвистикой. Скорее, это перспектива междисциплинарного подхода. Для языкознания более существенным общетеоретическим постулатом является все же культурная обусловленность пола и его манифестация в языке и коммуникации.

Учитывая, что гендерные отношения пронизывают большинство сфер человеческой деятельности, изучение гендера – *гендерология*, безусловно, должно носить междисциплинарный характер¹⁷ и предусматривать четкое понимание того, что представляет собой *гендерный подход*. Гендерный подход «основан на идее о том, что важны не биологические или физические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое придает общество этим различиям»¹⁸.

На сегодняшний день определение гендера остается не вполне единообразным. Такая гетерогенность объясняется особенностью гендерного сообщества в России: оно объединяет представителей многих научных дисциплин и даже представителей многих форм общественного сознания и многих разнородных государственных институтов (например, социальных работников и журналистов, лингвистов и социологов наряду с активистками женского движения). Столь высокий уровень неоднородности в определенной мере препятствует формированию частнонаучного подхода к анализу гендера в определенных и имеющих свой категориальный аппарат дисциплинах.

Необходимо поэтому говорить не только об общенаучном определении гендера, но и о дефиниции этого понятия, которая создавалась бы с учетом специфики и акцентов, свойственных той научной дисциплине, в рамках которой ведется исследование. Так, для лингвистики из всех аспектов структуры понятия наиболее значим культурно-символический как находящий свое отражение в языке как системе знаков и в языке в его функционировании.

---

¹⁶ Кочкина Е. Гендерный разворот всемирного банка // *We/Мы. Диалог женщин: Международный женский журнал*. 1999. № 7. С. 5–9.

¹⁷ См.: Халеева И. И. Гендер как интрига познания // *Гендерный фактор в языке и коммуникации*. М., 1999. С. 7–14.

¹⁸ Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. С. 24.

Языкознание располагает широким набором методов и методик, позволяющих изучать проявления гендера в языке и речи. Поэтому можно говорить о консолидации усилий лингвистов и формировании отдельного направления – *лингвистической гендерологии*, в котором наряду с использованием данных других наук находит применение и собственно лингвистическая компетенция.

И, наконец, следует осмыслить, что же меняет в лингвистическом описании применение понятия «гендер». На наш взгляд, гендерный концепт позволяет исследовать более широкий круг вопросов и взглянуть по-новому на знакомый феномен пола. Если категория «пол» («sexus») значима для анализа семантики ряда лексических единиц, где пол является компонентом значения, то гендерные исследования в языкознании охватывают значительно более широкий круг вопросов, рассматривая конструирование мужской или женской идентичности как один из параметров говорящей личности, то есть в рамках прагматики. В этом случае гендер осмысливается как конвенциональная сущность, в чем и состоит его главное отличие от пола как биологической категории. Гендерный подход предполагает также исследование отражения гендерных отношений в истории языка, изучение пола как культурной репрезентации в лингвокультурологии; лексикографическое кодирование соответствующих единиц языка и т. д.

Соотношение понятий «sexus» и «gender» может быть раскрыто в языкознании следующим образом. Природный пол (sexus) является компонентом значения лексических единиц, отражающих экзистенциальные параметры индивида. «Гендер» отражает одновременно процесс и результат «встраивания» индивида в социально и культурно обусловленную модель мужественности или женственности, принятую в данном обществе на данном историческом этапе. Таким образом, «гендер» является более широким понятием, для изучения которого необходимо исследовать значительно большее количество феноменов языка, нежели лишь те его единицы, в семантику которых входит компонент «пол». В то же время сами экзистенциальные характеристики человека, в частности, его пол, интерпретируются обществом в зависимости от того, как осознаются им понятия «мужественность» и «женственность». Поэтому для изучения гендера интерес представляют и те единицы лексикона, где отражена природная сущность «sexus», так как ее восприятие носителями языка является в значительной мере социально обусловленным и соответствует моделям мужественности или женственности, в которых принадлежность к биологи-

ческому полу составляет лишь первичный субстрат. Кроме того, «гендерный профиль» индивида может не совпадать с его природным полом (например, у трансвеститов). Все это делает правомерным изучение зафиксированных в языке представлений о мужественности и женственности и связанных с ними моделей ориентирующего поведения индивидов.

Следует также учитывать, что гендерная концепция сложилась сравнительно недавно, в то время как понятие «пол» («sexus») отражено в наивной картине мира, в которой отсутствует понимание социокультурного субстрата пола. Язык фиксирует наивную картину мира. Гендер же – элемент современной научной модели человека: исследуя структуры языка, связанные с полом, лингвисты исходят сегодня из его социальной и культурной, а не только природной обусловленности. Но в самом языке, в его лексических значениях, на наш взгляд, – за исключением научного дискурса – представлен именно пол (sexus).

Следовательно, и те единицы языка, в значение которых входит компонент «пол», могут быть рассмотрены с позиции гендерного подхода. Возможен, например, анализ словарных дефиниций слов, выражающих экзистенциальный статус личности (именно в единицах лексикона такого рода сема *пол* является одним из главных компонентов значения) и определение того, как отражается в самой интерпретации значения гендерное представление о природной данности, то есть как социокультурные факторы влияют на формирование лексического значения и его отражение в лексикографической практике. Для этого может быть проведен диахронический анализ дефиниций соответствующих слов или могут сопоставляться словарные толкования одних и тех же слов в разных языках. Контрастивный анализ дает значимые результаты, так как позволяет установить некоторую разницу в конвенциях моделирования экзистенциальных характеристик человека, в частности, феномена пола.

Вместе с тем необходима и разработка общенаучной модели описания гендера, применимая в отдельных частнонаучных областях. Так, О. В. Рябов указывает на три типа интерпретации пола: *реистическую* (вещественную, которая рассматривает пол как группы людей), *атрибутивную* (приписывающую полу определенные свойства, которые в обществе принято демонстрировать при помощи уже упоминавшегося гендерного дисплея) и *реляционную* (в фокусе которой находятся взаимоотношения полов, отношения власти и подчинения, асимметрии и т. д.)¹⁹.

---

¹⁹ Рябов О. В. Указ. соч.

В развитие идей американского историка Джоан Скотт Л. П. Репина предлагает модель научного исследования гендера, включающую четыре подлежащих анализу комплекса: «1) культурно-символический, 2) нормативно-интерпретационный, 3) социально-институциональный, 4) индивидуально-психологический. Иными словами, выстраивается... синтетическая модель, в фундамент которой закладываются характеристики всех возможных измерений социума: системно-структурное, социокультурное, индивидуально-личностное»²⁰.

При этом, на наш взгляд, нет необходимости заменять слово «*пол*» термином «*гендер*» во всех случаях, особенно тогда, когда речь идет о поле как компоненте лексического значения, так как это нарушает сложившуюся лингвистическую традицию и не учитывает того, что с точки зрения телесной метафоры, описанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном²¹, в языке отражается именно пол (*sexus*). Гендерный фактор, как показано выше, распространяется на большее количество языковых явлений и отражает в первую очередь изменившееся знание о мире и языке, а не только компонент лексического значения.

Как язык, так и речь могут быть проанализированы с точки зрения отражения в них гендерных отношений. Наиболее распространенным является понимание гендера как фактора изучения социолингвистических и прагматических проблем. Однако это не единственные области языкознания, где манифестируется концепт пола. Исследование лексикона и грамматики, ряда вопросов теории референции, лингводидактики и лингвокультурологии, истории языка, психолингвистики в гендерном аспекте позволяет получить релевантные для языкознания данные²².

Как показано в рассмотренных выше трудах И. Гоффмана и М. Фуко, семиотика и конвенциональность гендера могут быть

---

²⁰ Репина Л. П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого: Очерки: Хрестоматия. М., 2002. С. 18.

²¹ Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago, 1980.

²² См., например: Халева И. И. Задачи Московского лингвистического университета в междисциплинарном проекте «Феминология и гендерные исследования в России: перспективные стратегии и технологии» // Женщина в российском обществе. 1998. № 3. С. 8–11; Кирилина А. В. Перспективные направления развития гендерных исследований в российской лингвистике // Женщины России на рубеже XX–XXI веков. Материалы международной научной конференции. Иваново, 23–24 апреля 1998. С. 16–20; она же Философская база и методология гендерных исследований в применении к российской лингвистике // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999. С. 10–14; она же. Гендерные аспекты языка и коммуникации. Дис... докт. филол. наук. М., 2000.

исследованы с позиции анализа дискурса и культурной специфики общества, что предполагает широкое использование возможностей лингвистики в плане изучения социального пола и его манифестации в языке.

Таким образом, можно говорить о гендерном подходе к анализу языка и речи в свете того, что может быть изучено дополнительно в связи с пониманием пола не только как природного феномена, но и как конвенциональной сущности.

2.2. Лингвистическая гендерология (гендерная лингвистика)

Лингвистической составляющей гендерных исследований является новая научная отрасль – лингвистическая гендерология, называемая часто также гендерной лингвистикой. Среди ученых отсутствует единая точка зрения в определении понятий, содержащих компонент «гендер» – гендерология, гендерная лингвистика, лингвистическая гендерология и т. д. Исследования на стыке наук могут строиться следующим образом: «объект исследования относится к одной науке, а инструментарий исследования заимствуется из другой. В этом случае существительным обозначается объект исследования, а прилагательными исследовательский инструментарий»²³.

На взгляд О. Л. Каменской, отождествление этих терминов не правомерно, т.к. «приводит к смешению объектов исследования... Гендерная лингвистика изучает язык и речевое поведение с применением инструментария гендерологии например, в работе Е. И. Гришук²⁴ объектом изучения является использование языковых средств с гендерных позиций. В работе А. В. Кирилиной²⁵ объектом исследования служат гендерные категории с привлечением лингвистического инструментария. Это направление тем самым может быть обозначено как лингвистическая гендерология»²⁶. И все же провести четкую границу между двумя этими направлениями удается не всегда, что отмечает и цитируемый автор.

---

²³ См.: *Данилов Ю. А.* Роль и место синергетики в современной науке // *Онтология и эпистемология синергетики*. М., 1997. С. 5–11; *Каменская О. Л.* Гендер-гетика – наука будущего // *Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации: Альманах. Пилотный выпуск*. М., 2002. С. 14.

²⁴ *Гришук Е. И.* Гендерная специфика употребления абстрактной лексики старшеклассниками // *Гендер: язык, культура, коммуникация*. М., 1999. С. 39.

²⁵ *Кирилина А.В.* Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.

²⁶ *Каменская О. Л.* Указ. соч. С. 15.

В главах 1 и 2 показано, что мужественность и женственность не являются только лишь следствием действия природных факторов, но в большой степени обусловлены культурной традицией, что позволяет рассматривать их как культурные концепты, то есть применять для их исследования понятийный аппарат лингвокультурологии. Вместе с тем необходимо учитывать метафорический характер этих номинаций, который, как будет показано ниже, непосредственным образом влияет на восприятие этих понятий и на формирование гендерных стереотипов.

2.3. Гендерная метафора

Сравнительно новое понятие «Гендерная метафора» является, с одной стороны, частным случаем «Телесной метафоры»²⁷, с другой – обозначает перенос не только физических, но и всей совокупности духовных качеств и свойств, объединенных словами «женственность» и «мужественность» на предметы, непосредственно с полом не связанные. Так, в любой мифологической картине мира присутствует ряд бинарных оппозиций: *верх – низ; свет – тьма; правое – левое* и т. д. Во многих философских системах также имеет место ряд полярных категорий: *природа – культура; активность – пассивность; рациональность – иррациональность, логика – эмоции; дух – материя; власть – подчинение.*

Левый член каждой из оппозиций атрибутируется мужественности, а правый – женственности. При этом каждая пара признаков составляет самостоятельную оппозицию, не имеющую причинно-следственной связи с принадлежностью людей к тому или

---

²⁷ Термин, введенный в научное описание представителями когнитивного направления в лингвистике М. Джонсоном и Дж. Лакоффом (*Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 1980*). Согласно когнитивной теории, изучающей способы хранения и обработки информации в сознании человека, метафора – один из основных способов познания мира, когда мы думаем об одной сфере в терминах другой, осуществляя таким образом классификацию реальности. Поскольку первой сферой человеческого опыта является собственное тело, в психике присутствуют образно-схематические понятия, которые осознаются как некоторые понятные и хорошо знакомые структуры, исходя из телесного опыта. Затем они применяются к абстрактным понятиям. Называние таких абстрактных сфер и происходит при помощи телесной метафоры, которая играет роль отсылки к знакомому, всем известному: *рукой подать* (недалеко), *не видеть дальше своего носа* (не обладать прозорливостью). Поскольку человеческое тело имеет пол, то ряд языковых выражений, также играет роль отсылки к известному для называние сущностей, непосредственно с полом не связанных (Ср.: *оторвать кому-либо яйца* (наказать)). В ряде случаев метафорически употребляются и слова, относящиеся к стереотипным представлениям о мужских и женских качествах и образцах поведения (*Иван, что ты смущаешься, как девушка*).

инному полу. Однако половой диморфизм, имеющий место в реальности человеческого существования, все же рассматривается сквозь призму женственности/мужественности. Каждому из полов приписывается набор соответствующих качеств, играющих важную роль в создании прототипа мужского и женского в общественном и индивидуальном сознании.

Эти категории отражают классифицирующую деятельность человеческого сознания, выводимую из сферы опыта. Наличие двух типов людей – мужчин и женщин – мотивировало название философских категорий «женственность» и «мужественность», составив базу сравнения метафоры.

Употребление метафоры в качестве номинации актуализирует в сознании два класса объектов – тот, с которым сравнивают, и тот, который сравнивают. Базой сравнения является в этом случае некоторая общая черта сравниваемых объектов. Механизм метафоризации обнаруживает закономерности, обусловленные действием принципа антропоморфизма, то есть культурного и телесного опыта человека:

1) база сравнения метафоры отсылает реципиента к реальным мужчинам и женщинам, которым также начинают приписывать данные природой черты: активность/пассивность, интеллект/эмоции и т. д. Как отмечал А. Белый, « не женщина вовсе определяет женственное: наоборот, женственностью определима она сама»²⁸;

2) образность метафоры позволяет использовать ее в применении к объектам разного рода, не связанным непосредственно с полом. Так, мы говорим о *мужественных* поступках, о *вечной женственности*; в ряде историко-философских работ выдвигается идея о *мужественности* немецкого национального характера и *женственности* русского. Совершенно очевидно, что в таких случаях не производится прямого соотношения с мужчинами и женщинами. Речь идет о комплексе признаков, объединенных под терминами «*мужественность/женственность*». Признаки, приписываемые мужественности, оцениваются выше.

Метафоричность этих номинаций не всегда осознается носителями языка, что ведет к отождествлению качеств, приписываемых мужественности и женственности, с качествами реальных мужчин и женщин.

В последнее время термин «*гендерная метафора*» употребляется более широко – для обозначения любого метафорического

---

²⁸ Белый А. Вейнингер о поле и характере // Русский Эрос, или Философия любви в России. М., 1991. С. 100–105.

переноса, связанного с полом человека, – что отражает общую тенденцию заменять слово «пол» словом «гендер».

Рассматривая гендерную метафору в текстах, созданных представителями различных культур и написанных на разных языках, необходимо учитывать, что одни и те же слова могут служить «входом» в концепты, содержание которых не полностью совпадает. Например, русские и немецкие философы, соотнося национальную идентичность с мужественностью и женственностью, вкладывали в эти понятия различное содержание²⁹. Лингвистический анализ позволяет выявить эти различия³⁰. Исследовательские приемы могут быть разнообразными; в их число входят анализ словарных дефиниций, сопоставление результатов ассоциативных экспериментов, сравнение синтагматических характеристик гендерно маркированных лексем и т. д. Все приемы позволяют получить научные данные об отражении в языке гендерных стереотипов.

Исследование женственности и мужественности должно, таким образом, включать описание стереотипов, связанных с ними, и средства манифестации этих стереотипов в языке. В следующем разделе рассматривается понятие гендерного стереотипа.

2.4. Гендерные стереотипы

Помимо понятия «концепт», в когнитивной науке, лингвокультурологии и других лингвистических дисциплинах используется понятие «стереотип».

Термин «стереотип» также трактуется неоднозначно. У. Квастхофф разграничивает стереотипы и эмотивные элементы значения слова. Для стереотипа значима предикативность. Отсюда следует, что автор считает стереотипы языковыми сущностями, имеющими пропозициональное содержание, следовательно, для анализа таких языковых феноменов «наиболее приемлемым методом является редукция до уровня логических структур»³¹, то есть протокольных предложений.

²⁹ Этот вопрос подробно освещается в трудах О. В. Рябова: *Женщина и женственность в философии Серебряного века*. Иваново, 1997; *Русская философия женственности (XI – XX вв.)*. Иваново, 1999; *Матушка-Русь: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии*. М., 2001.

³⁰ Установление этноспецифических особенностей гендерного концепта не ограничивается лишь лингвистическими методами исследования, однако анализ языка и коммуникации играет ведущую роль в их изучении.

³¹ *Quasthoff U. Soziales Vorurteil und Kommunikation: eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps*. Frankfurt-a.-Main, 1973. S. 236.

В свете новых исследований представляется более обоснованным говорить о том, что стереотипы – это особые формы хранения знаний, то есть структуры ориентирующего поведения³². Краткий словарь когнитивных терминов (КСКТ) интерпретирует стереотипы как форму обработки информации и состояния знаний, относя к общим свойствам стереотипов:

1. Признаки и атрибуты, содержащиеся в стереотипах, используются говорящими для оценки отнесенности предметов к тому или иному классу на основе семейного сходства.

2. Стереотипы имеют когнитивную функцию, состоящую в генерализации при упорядочивании информации; аффективную функцию (противопоставление «своего» и «чужого»); социальную функцию (разграничение «внутригруппового» и «внегруппового»), что ведет к социальной категоризации и образованию структур, на которые люди ориентируются в обычной жизни.

Часто под стереотипами понимают «устойчивые, регулярно повторяющиеся формы поведения»³³, видя в стереотипизации опыта ядро механизма традиции и этническое своеобразие культуры. Признавая знаковый характер стереотипов (что позволяет рассматривать их в качестве семиотических объектов и применять для их анализа методы, разработанные в семиотике), следует все же добавить, что стереотипы не обязательно должны быть вербализованы³⁴. Ментальные стереотипы могут фиксироваться языком или иным семиотическим кодом (кинесикой, зрительными образами и т. п.).

Стереотипы – это социальные феномены. Они обусловлены социокультурными механизмами. Стандарты поведения соотносятся с реальной стратификацией общества. Это означает, что каждая из социальных страт имеет свои стереотипы поведения. Таким образом правомерно рассматривать гендерные стереотипы с двух позиций: в мужском и в женском самосознании, с одной стороны, и в коллективном общественном сознании, с другой. Безусловно, в реальности эти две стороны прочно сплавлены и разъединяются лишь в целях построения научной модели описания. Кроме того, важное значение имеет тот факт,

---

³² См.: Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. Сб. статей / Под ред. В. В. Петрова. М., 1996. С. 95–142.

³³ Байбури А. К. Указ. соч. С. 3.

³⁴ См., например: Шеланская Т. Б. Женщина, группа, символ (на материале молодежной субкультуры) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 17–29.

что разные фрагменты социального поведения имеют неодинаковую общественную значимость. Отсюда – разница между типизированным и свободным поведением, в том числе и вербальным. «Чем более значимы сферы поведения, тем более они регламентированы, тем сильнее контроль за соблюдением стандартов»³⁵.

Из всего многообразия стереотипов нас интересуют стереотипы гендерные. Как показано выше, пол не является только лишь биологической характеристикой личности. Он институционализован и ритуализован. Поэтому правомерно изучение гендерных стереотипов поведения и их отражения в языке. Каждому из полов в данной культуре приписывается ряд обязательных норм и оценок, регламентирующих гендерное поведение. С другой стороны, имеет место так называемая множественность пола, обусловленная разными условиями жизни, принадлежностью к социальной группе, уровнем образования, этническими особенностями и т. п. Все это позволяет говорить о двух нормах поведения – вариативном и регламентированном.

Концепты фемининности и маскулинности присутствуют в каждой культуре, им отводится существенное пространство в обрядах, фольклоре, мифологическом сознании, «наивной картине мира». Вместе с тем, стереотипизация и аксиологическая шкала гендера не одинаковы в разных культурах. Так же различаются социальные роли мужчин и женщин. Они, как правило, регламентированы; такая регламентация стереотипизируется, а затем функционирует в коллективном сознании по схеме «правильное/неправильное». Обоснованной в связи с этим можно считать точку зрения на стереотипное поведение как на сущность двойственной природы: первый тип – одним и тем же действиям в зависимости от пола придается различное содержание в разных культурах; второй тип – когда одно и то же содержание находит различное выражение в поступках»³⁶.

В научной литературе принято обращать внимание еще на один важный аспект изучения стереотипов: «следует различать стереотипы (модели) поведения и само поведение, то есть конкретные действия, являющиеся объективацией стереотипа. В этом случае стереотип выполняет роль программы поведения,

---

³⁵ Байбури А. К. Указ. соч. С. 8.

³⁶ Подробный обзор литературы по гендерным стереотипам см. в работе Т. Б. Рябовой: Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе, 2001. № 3-4. С. 3-12.

реализующейся в поведенческом тексте (в семиотическом понимании этого термина)³⁷.

Гендерные стереотипы являются частным случаем *стереотипа* и обнаруживают все его свойства. Под *гендерными стереотипами* (ГС) мы понимаем культурно и социально обусловленные и закреплённые мнения об атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке. Гендерная стереотипизация фиксируется в языке на всех его уровнях и тесно связана также с формами выражения оценки; она влияет также на процесс формирования пресуппозиций.

Исходя из сказанного, можно заключить:

1. ГС могут быть «исчислены» посредством анализа структур языка.

2. В языке фиксируются весь инвентарь ГС, однако частота употребления их в речи неодинакова. Анализ коммуникации делает возможным определение наиболее частотных стереотипов. Согласно идее Б. Коннелла³⁸, многообразие ГС позволяет манипулировать ими. Особенно это касается систем коммуникации, направленных на коллективного адресата, в первую очередь – средств массовой информации.

3. Анализ текстов, обращённых к коллективному адресату и текстов, продуцируемых в канонической речевой ситуации, позволяет выяснить, какие ГС встречаются наиболее часто на данном историческом отрезке и как меняется их динамика в диахронии.

4. ГС связаны с языковым выражением фемининности и маскулинности, но не обязательно идентичны им. Являясь ментальными образованиями, ГС реализуются не только в виде вербальных единиц. Они включают также и невербальные компоненты, а также связаны, как считают некоторые исследователи, с подсознанием.

5. Выражение фемининности и маскулинности на разных уровнях языка (от морфологического до текстового) оказывает неодинаковое воздействие на концептуализацию гендера в сознании носителей языка. Наиболее действенным является, на наш взгляд, текстовый уровень.

6. Характерологические особенности языка имеют значение для изучения специфики и функционирования в них ГС, так как сами соотносимы с понятием мужественности или женственности в их метафорическом значении.

³⁷ Байбури А. К. Указ. соч. С. 14.

³⁸ Connell R.W. The big picture: Masculinities in recent world history // Theory & Society 1993. № 22. P. 597–623.

3. Методы исследования гендера в лингвистических научных дисциплинах

3.1. Общие принципы анализа

Начинающему исследователю необходимо четко понимать следующее: исследование гендера в лингвистике базируется, как уже отмечалось в предыдущих главах, на нескольких методологических принципах, которые можно разделить на две группы. Первая относится к общим положениям гендерного подхода в гуманитарных науках и является общей для лингвистики, психологии, социологии и др. наук гуманитарного цикла. Эта группа принципов отражает современный взгляд на онтологический и категориальный статус гендера.

Общенаучные принципы анализа гендера

1. Гендер – продукт развития культуры и общества, институционализован и ритуализован и, следовательно, имеет относительный характер; признается конвенциональной сущностью.

2. Как и любой социокультурный конструкт, гендер динамичен и изменяется во времени.

3. Гендер является в гуманитарных дисциплинах общенаучной категорией; принципы гендерного подхода применимы к любой из частнонаучных дисциплин, но должны реализовываться с учетом специфики и при посредстве методов данного научного направления.

Лингвистические принципы анализа гендера

1. Гендер манифестируется в языке и является параметром переменной интенсивности в коммуникативном общении.

2. Культурно-символический характер гендера обуславливает возникновение гендерной метафоры, функционирующей так же, как и другие виды метафор.

3. Исследованию гендерного аспекта соответствующих языковых сущностей предшествует их анализ как единиц языка.

4. Для изучения гендерных аспектов языка и коммуникации применяются лингвистические методы. Поскольку лингвистика включает разнообразные отрасли (психолингвистику, социолингвистику, лингвокультурологию и т. д.), используются методы этих направлений.

Кроме того, лингвистическая гендерология – новое научное направление, которому свойственны специфические черты любого нового направления, то есть недостаточная разработанность понятийного аппарата и категорий. Новая научная дисциплина лишь находится в процессе выработки собственных, присущих только

ей методов и приемов исследования. Вместе с тем, работая в языковедческом научном поле, ученые применяют главным образом методы анализа, разработанные для лингвистических исследований, пользуясь, однако, и данными других научных дисциплин – как близкородственных (психолингвистики, социолингвистики и др.), так и других гуманитарных наук (психологии, социологии, истории, литературоведения и т. д.). Новое знание может быть получено на стыке наук, а затем из него вырастают принципы междисциплинарного исследования (в философии науки отмечаются три стадии развития: частнонаучная (дисциплинарная наука), исследования на стыке наук и междисциплинарные исследования³⁹).

Одним из существеннейших факторов изучения гендерных аспектов языка и коммуникации является сегодня преодоление прямолинейной интерпретации гендера. Лингвистическое исследование конструирования женственности и мужественности должно учитывать специфику объекта, каковым в языкознании по определению является язык, – сущность многогранная и комплексная. Значительную трудность представляет не только детальное описание возможностей системы языка для выражения гендерного концепта, но и тот факт, что такое описание не должно игнорировать особенности языкового знака, в котором «взаимодействуют четыре типа сущностей: 1) категории действительного мира; 2) мыслительные категории, присущие логике и психологии человеческого познания; 3) прагматические факторы, то есть то, что связано с целенаправленным использованием языка в человеческой деятельности; 4) отношения между знаками – единицами языковой системы»⁴⁰. Таким образом, должна быть согласована общая для многих гуманитарных дисциплин концепция гендера и собственно теория языка.

В качестве метаподхода в гендерных исследованиях применяется деконструкция (деконструктивизм).

3.2. Деконструкция как метаподход

«Словарь культуры XX века»⁴¹ определяет деконструкцию как «особую стратегию по отношению к тексту, включающую в себя одновременно и его «деструкцию», и его реконструкцию.

Термин «деконструкция» предложил французский философ Жак Деррида как перевод хайдеггеровского термина «деструк-

³⁹ См.: Каменская О. Л. Указ. соч. С. 13.

⁴⁰ Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2002. С. 43.

⁴¹ Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М., 1997. С. 75

ция». Термин «деконструкция» закрепился за Деррида и используется также рядом сходных исследований по философии, филологии и искусствоведению.

Суть деконструкции состоит в том, что всякая интерпретация текста, допускающая идею внеположенности исследователя по отношению к тексту, признается несостоятельной. Исследование ведется в диалоге между исследователем и текстом».

Как отмечает К. Клингер, «деконструкция – процесс, в ходе которого все, что считается онтологическим и заданным природой, разоблачается как культурный конструкт. Название содержит наряду с элементом разрушения, де-струкции, также и момент построения, кон-струкции. Тем самым оно позволяет выразить двойственность, характерную для деконструкции. Наряду с радикальным демонтажем традиционного корпуса понятий деконструктивизм в то же время содержит осознанное понимание невозможности обойтись без этих понятий»⁴².

В западной научной традиции доминирующим методологическим принципом стала дерридеанская деконструкция гендера, понимаемая как анализ традиционных бинарных оппозиций, в которых левосторонний термин претендует на привилегированное положение, отрицая притязание на такое же положение со стороны правостороннего термина, от которого он зависит. Цель анализа здесь «состоит не в том, чтобы поменять местами ценности бинарной оппозиции, а скорее в том, чтобы нарушить или уничтожить их противостояние, релятивизировав их отношения»⁴³.

Однако реализация принципа деконструкции не может обойтись без разработки частнонаучной методики изучения гендера. Кроме того, ГИ имеют ярко выраженный междисциплинарный характер, что не дает, однако, лингвисту права пренебрегать лингвистическими инструментами анализа. Эта проблема шире, чем ГИ, и на ее значимость обращает в последнее время внимание все большее количество авторов⁴⁴.

Говоря о гендерных аспектах языка, ученый встает перед необходимостью определить и описать концептуализацию понятия

---

⁴² Клингер К. Позиции и проблемы теории познания в женских исследованиях // Пол. Гендер. Культура / Под ред. Э. Шоре и К. Хайдер. Вып. 2. М., 2000. С. 123.

⁴³ Easthope A. British post-structuralism since 1968. L.; N. Y., 1988. P. 187–188.

⁴⁴ См., например: Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 348–388; Фрумкина Р. М. Указ. соч.; Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 37–48.

«пол» и средства его лингвистического отражения на разных уровнях языка. Не менее важна задача установить место гендерного концепта в «ценностной картине мира»⁴⁵, а также отражение в языке стереотипов, связанных с полом. В случае, если исследуются гендерные особенности ряда языков, неизбежно и межкультурное сравнение, валидности и строгости которого посвящается в последнее время значительное число научных работ.

Поскольку гендерные аспекты языка тесно связаны как с аксиологией, так и с этнокультурной спецификой, продуктивной оказывается методика изучения культурных доминант, представляющих собой «систему исследовательских процедур, направленных на освещение различных сторон концептов в данной культуре»⁴⁶.

Языковедческий анализ культурных доминант (хотя он и дополняется данными других наук) прежде всего предполагает изучение областей, где необходима лингвистическая компетенция, которой соответствуют определенные методики. Материал исследования набирается путем сплошной выборки лексических и фразеологических единиц, прецедентных текстов из словарей, сборников пословиц и поговорок, текстов художественной литературы, средств массовой информации. Необходимо также, учитывая изучение языка с позиции неофункциональности (по Кубряковой), привлечение данных ассоциативных словарей, построенных на основе результатов психолингвистического эксперимента.

Следующим вопросом является проблема валидности полученных данных и их верифицируемости.

После нескольких лет широких лингвокультурологических исследований раздался голос в пользу более строгого научного подхода к культурной специфике, зафиксированной в языке, а также к правомерности атрибутирования определенных ценностных доминант той или иной этнокультурной общности. Сама возможность объективного выделения культурных доминант в языке не подвергается сомнению, однако, указывается, что, хотя специфика языка не позволяет добиться стопроцентно строгого формального описания, «полный отказ от попыток операционализации используемых понятий переводит соответствующие тексты из сферы науки в сферу эссеистики»⁴⁷.

---

⁴⁵ Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996. С. 4.

⁴⁶ Там же. С. 7.

⁴⁷ Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (1) // Вопросы языкознания. 1997, № 6. С. 37.

Обобщая труды названных выше авторов, посвященные повышению строгости описания, можно сделать вывод, что продуктивным оказывается обращение к следующим методам и методикам:

1. Сравнительный подход. Анализ внутренней формы с целью выявления различий в концептуализации действительности в разных языках. Некоторые из таких различий могут быть культурно значимыми. Релевантно при этом обнаружение культурно значимых следствий такой концептуализации, для чего привлекается материал фольклористики, описание обычаев и традиций, что предполагает выход за рамки «чистой лингвистики».

2. Интроспективный подход: рассмотрение языка вне сопоставления с другими. В этом случае рекомендуется психолингвистический эксперимент, призванный выявить специфику исследуемых единиц с точки зрения носителей данного языка.

3. «Картрирование» соответствующих лексических или фразеологических групп, сопоставление ценностных установок, вытекающих из стереотипов поведения, зафиксированных в значениях слов, устойчивых выражений, прецедентных текстов⁴⁸. Иными словами, необходимо в числе прочего широкое количественное исследование, исходной базой которых является давно установленный факт: наиболее релевантные сферы народной жизни имеют самую широкую и разветвленную номинацию.

4. С точки зрения гендерных аспектов, важнейшее значение приобретает высказанное В. Н. Телией замечание о новых путях исследования фразеологии: учет условий референции, прагматические и текстообразующие функции фразеологизмов – то есть «когнитивно-интерпретационное моделирование»⁴⁹. Представляется, что такой подход оправдан и вне рамок фразеологии.

5. Как продуктивные зарекомендовали себя как метод интроспекции, так и качественные и количественные, статистические методы, социо- и психолингвистические исследования, разработка проектов.

3.3. Исследование гендерного концепта

В предыдущих главах было показано, что мужественность и женственность – продукты культуры, что гендер, будучи социокультурным феноменом, представляет собой компонент коллективного и индивидуального сознания, не является неизменной природной данностью, а зависит от той или иной культурной

⁴⁸ Карасик В. И. Указ. соч. С. 14.

⁴⁹ Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. С. 45.

традиции, обладает динамическими и стабильными характеристиками. Все это позволяет приписать гендеру статус концепта и использовать для его изучения концептуальный анализ. В последнее время понятие *концепт* интенсивно применяется в ряде гуманитарных научных дисциплин – лингвистике, когнитивной науке, культурологии и лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации и др.

Хотя существуют расхождения в интерпретации концепта, связанные с его функционированием в теориях различных научных школ, перспективность такой научной модели описания не подвергается сомнению.

3.3.1. Концепт

В научной литературе встречаются различные интерпретации термина «концепт».

В ряде случаев «концепт» употребляется как синоним слова «понятие».

Этот термин выражает также ментальные структуры «наивной картины мира», возникающие в результате взаимодействия традиции, фольклора, идеологии и религии, личного опыта и системы ценностей.

Возможно понимание концепта в интегративном смысле – как многомерного культурно значимого социопсихического образования в коллективном сознании, опредмеченного в той или иной языковой форме.

Концепт выступает также как заместитель понятия в индивидуальном и коллективном сознании носителей языка. В этой интерпретации он значительно шире, чем лексическое значение, предлагаемое в словарях⁵⁰.

Краткий словарь когнитивных терминов (КСКТ) дает следующее определение: понятие «концепт» отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания⁵¹. Отмечается, что возможны разные интерпретации термина. Так, предлагается рассматривать концепты как соотносительные со значением слова понятия... Значением слова становится концепт, «схваченный

⁵⁰ Более подробный обзор см.: Карасик В. И. Культурные доминанты в языке. С. 3–15; Потова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

⁵¹ Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996. С. 90.

знаком»⁵². Указывается также, что значения языка могут приравниваться к выражаемым в них концептам.

А. А. Залевская отмечает, что концепт – это результат постоянного действия перцептивно-когнитивно-аффективных процессов, что не позволяет свести его описание лишь к анализу языковой картины мира⁵³.

При всей противоречивости толкования концепта и многообразии научных моделей его описания можно констатировать, что большинство исследователей склоняется к признанию его не языковой, а ментальной сущностью⁵⁴. В концепте выделяются ядро и периферия (инвариант и вариативная часть) как следствие его одновременной принадлежности коллективному и индивидуальному сознанию. Кроме того, подчеркивается вовлеченность концепта в коммуникативную ситуацию и, следовательно, его динамичность, изменчивость, но и стабильность, ведущая к образованию констант.

В. В. Красных подчеркивает тесную связь концепта с ассоциативным пространством имени: «Ассоциативная организация связей в простейшей форме репрезентирует одну из моделей хранения знаний в памяти человека. Она мыслится как некая форма семантических сетей, существующих в сознании. С каждым узлом семантических сетей в долговременной памяти человека связаны сведения, ассоциативно вместе с ним возбуждаемые. Следовательно, при определении (установлении) места какого-либо понятия из долговременной памяти одновременно «вытаскиваются» все известные сведения и факты, с данным понятием связанные»⁵⁵. Указанный автор также подчеркивает национально-культурную маркированность инвариантной части концепта, называя ее *национальным концептом* – «самой общей, максимально абстрагированной, но конкретно репрезентируемой (языковому) сознанию, подвергшуюся когнитивной обработке идеей «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью»⁵⁶.

⁵² Там же. С. 92.

⁵³ Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М., 2001. С. 43.

⁵⁴ См. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997; Межкультурная коммуникация. Н. Новгород, 2001; Залевская А. А. Указ. соч.; Попова З. Д., Стернин И. А. Указ. соч.; Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности / Под ред. В. И. Карасика и Г. Г. Слышкина. Волгоград, 2001. С. 14.

⁵⁵ Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М., 2002. С. 182.

⁵⁶ Там же. С. 184.

На взгляд Н. Д. Арутюновой, концепты возникают в обыденном сознании в результате взаимодействия национальной традиции и фольклора, религии, идеологии, жизненного опыта индивида, образов искусства, ощущений и системы ценностей⁵⁷.

Г. Г. Слышкин определяет концепт как единицу, «призванную связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, т. к. он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке»⁵⁸.

Модель концепта возникла в когнитивной лингвистике, но быстро вышла за ее рамки в связи с ростом интереса отечественных лингвистов к национально-культурной специфике языка и становлением связанных с ее изучением направлений (таких, как лингвострановедение, лингвокультурология, этнолингвистика, этнопсихоллингвистика и под.⁵⁹). В лингвокультурологии применяется понятие *культурный концепт*.

3.3.2. Лингвокультурология и культурный концепт

Лингвокультурология представляет собой дисциплину, которая изучает «воплощенную в живой национальный язык материальную культуру и менталитет, проявляющиеся в языковых процессах в их действенной приемлемости с языком и культурой этноса»⁶⁰. Признание гендера социокультурным конструктом делает необходимым его изучение в русле лингвокультурологии. Концепт в лингвокультурологии рассматривается как сложное и многогранное явление, принадлежащее и культуре, и языку. В. И. Карасик считает культурный концепт центральной категорией лингвокультурологии и отмечает, что в языковом сознании культурный концепт представлен как «многомерная сеть значений, которые выражаются лексическими, фразеологическими, паремиологическими единицами, прецедентными текстами, этикетными формулами, а также речеповеденческими тактиками»⁶¹. На взгляд цитируемого автора, культурный кон-

⁵⁷ Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 3.

⁵⁸ Слышкин Г. Г. От текста к символу. М., 2000. С. 9.

⁵⁹ Ограниченность объема учебного пособия не позволяет углубляться в историю возникновения этих дисциплин и обсуждать их границы. В дальнейшем мы будем рассматривать гендерный концепт как объект лингвокультурологии, указав лишь научные источники, в которых данные вопросы рассматриваются более подробно: Красных В. В. Указ. соч. М., 2002.

⁶⁰ Теляя В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Указ. соч. С. 216.

⁶¹ Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии. С. 14.

цент – многомерное образование, включающее по меньшей мере три измерения – образное, понятийное и ценностное, причем последнее является критерием выделения культурного концепта. Понятийная сторона интерпретируется «как языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно, их важнейшее качество – голографическая многомерная встроенность в систему нашего опыта»⁶².

Обращая внимание на необходимость исследовать соотношение культуры, сознания и языка в направлении «от единиц языка к единицам культуры» и «от единиц культуры к единицам языка», Г. Г. Слышкин видит главную задачу в рамках второго направления в «установлении, во-первых, адекватных языковых средств, выражающих ту или иную культурную единицу в дискурсе, и, во-вторых, основных прагматических функций апелляции к данной культурной единице в различных коммуникативных ситуациях»⁶³.

Для практического применения понятия в лингвистическом исследовании необходимо установить, как может изучаться концепт и что в лингвистическом анализе должно рассматриваться для того, чтобы выяснить его специфику. Структурную модель концепта предлагает Ю. С. Степанов⁶⁴, понимая под концептом явление того же порядка, что и понятие, рассматриваемое в рамках математической логики и культурологии. По Степанову, концепт структурирован следующим образом: 1) основной, актуальный признак; 2) дополнительные, «пассивные» признаки, являющиеся историческими; 3) внутренняя форма, запечатленная во внешней, словесной форме. На взгляд Ю. С. Степанова, для представителей данной культуры концепт существует и осознается в разной мере. В основном признаке концепт актуален для всех носителей языка и культуры. Его дополнительные (исторические) признаки осознаются лишь представителями некоторых социальных групп. Внутренняя форма, или этимологический признак релевантен лишь для ученых и ими обнаруживается. Нам представляется, что внутренняя форма концепта, запечатленная в знаке, все же может в большей или меньшей степени

---

⁶² Там же. С. 10.

⁶³ Слышкин Г. Г. От текста к символу. С. 8.

⁶⁴ Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997. С. 40 и след.

осознаваться носителями⁶⁵, особенно это касается сферы идиоматики, так как «внутренняя форма актуально осознается лишь для сравнительно небольшой части лексики. В сфере идиоматики процент единиц с живой образной составляющей значительно выше, что переводит проблему экспликации внутренней формы из сферы чистой теории в практику»⁶⁶.

Создание структурированной модели концепта позволяет разработать адекватные методики исследования, применимые на каждом из его уровней. Так, для изучения внутренней формы целесообразно обращаться к материалу народных обрядов, обычаев, фольклора, т. е. искать буквальный смысл. Этот же метод предлагается Д. О. Добровольским⁶⁷ для установления культурной специфики языка, исходя из существования нескольких культурных кодов: фольклора, мифологии, сказок, обрядов, языка. Культурно значимые символы могут быть достоверно определены, если удастся доказать их параллелизм в нескольких культурных кодах. Однако, язык не всегда развивается параллельно с другими культурными кодами: «Существуют языковые символы, имеющие четкие соответствия в значимых культурных кодах. Но даже если соответствия такого рода не обнаруживаются, во многих случаях мы все же имеем дело с символами, так как они корреспондируют со знаками культуры, имевшими место в прошлом... различные коды не обязательно развиваются параллельно»⁶⁸.

Для изучения пассивного слоя концепта рекомендуется обращение к историческому методу, т.е. выявление закономерностей развития словаря в связи с идейным развитием общества. В лингвистическом исследовании этот метод объективируется как диахронное рассмотрение материала.

Актуальный слой рассматривается прежде всего с социальной стороны, то есть выявляются категории коллективного сознания путем синхронного анализа. Наиболее значимы здесь тексты СМИ, языковая интерпретация актуальных событий и т. п.

Такая постановка вопроса позволяет на практике применить понятие *концепт* в качестве инструмента лингвокультурологического анализа.

---

⁶⁵ Ср.: Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996; Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Внутренняя форма идиом и проблема толкования // Известия РАН СССР. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57. № 1. С. 36–44.

⁶⁶ Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Указ. соч. С. 36.

⁶⁷ Добровольский Д. О. Указ. соч.

⁶⁸ Dobrovolskij D., Piirainen E. On symbols: Cognitive and cultural aspects of figurative Language // Lexicology. 1998. Vol. № 1. P. 31 (перевод наш. – А. К.).

Немаловажно отметить, что концепт и слово в большинстве научных лингвокультурологических моделей не рассматриваются как взаимно и однозначно соответствующие единицы: «Каждому культурно-языковому концепту и каждому его аспекту не обязательно будет соответствовать конкретная лексическая единица... В процессе общения средствами активизации концепта служат в основном языковые знаки. Существует языковая единица (слово, словосочетание, фразеологизм, предложение и т. д.), выражающее концепт в наиболее полном объеме и общей форме. Эта единица используется исследователями как имя концепта... Однако имя концепта – это не единственный знак, который может активизировать его в сознании человека. Любой концепт характеризуется способностью к реализации в различной знаковой форме»⁶⁹.

3.3.3. Методики анализа гендерного концепта

Итак, гендеру может быть приписан статус концепта, предполагающий целый ряд методик лингвистического исследования. Метод, предложенный Ю.С. Степановым, может быть дополнен методиками когнитивного анализа концепта, интенсивно разрабатываемыми в отечественной лингвистике в последние годы. Когнитивная лингвистика отличается по методам, понятийному аппарату и целям от лингвистики «традиционной». Если лингвистика изучает системное устройство языка, «какие в нем существуют единицы, структуры, какие действуют тенденции развития», то «когнитивная лингвистика имеет своим предметом исследование языковых средств (слов, словосочетаний, текстов), репрезентирующих (объективирующих) в языке и речи определенные концепты»⁷⁰.

Как считают З. Д. Попова и И. А. Стернин, концепты могут быть описаны через анализ данных языка: «Исследования в рамках когнитивной лингвистики предполагают темы типа «Концепт «свобода» («воля», «любовь», «терпимость», «природа», «друг», «враг», «интеллигентность» и т.д. в русском (английском и т. д.) языках» – в подобных работах исследуются все возможные средства вербализации данного концепта во всем разнообразии его содержания:

- прямыми номинациями (лексемами в прямом значении),
- косвенными образными номинациями (лексемами в переносных значениях),

⁶⁹ Слышанин Г. Г. От текста к символу. С. 17–18.

⁷⁰ Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. С. 92–93.

- синонимическими средствами языка, в том числе эвфемизмами,
- единицами разных частей речи, словообразовательно связанными с основными лексическими средствами вербализации концепта (однокоренные слова),
- устойчивыми расчлененными номинациями (устойчивыми словосочетаниями),
- фразеологическими единицами,
- синтаксическими структурами,
- поговорками (пословицами, поговорками), афористикой (бытующими афоризмами, раскрывающими разные стороны концепта),
- субъективными дефинициями,
- публицистическими и художественными текстами.

При этом концепт выступает как исходная база для выделения некоей совокупности языковых средств, находящихся с концептом в отношениях репрезентации (вербализации, объективации)⁷¹.

Названные авторы выделяют ряд наиболее четко выделенных методик, используемых современными исследователями:

1. Методика ключевых слов: выбирается слово, наиболее четко отражающее имя заданного концепта. После этого на материале разнообразных текстов составляется картотека примеров с этим словом, что позволяет выявить весь спектр лексической сочетаемости данной языковой единицы. Затем проводится подробный анализ классов слов, с которыми сочетается ключевое слово, и устанавливаются важнейшие черты соответствующего концепта.

2. Анализ словарных дефиниций ключевого слова. Привлекается возможно большое количество словарей. Из толкований делается выборка всех потенциальных характеристик концепта.

3. Изучение многозначности слова в процессе его развития. Основное внимание уделяется очередности появления новых значений и чертам концепта, определяющим это развитие.

4. Анализ паремий (пословиц и поговорок). Исследуются паремиологические единицы, в которые входит изучаемое слово, а также единицы, содержащие оценку концепта, даже если имя концепта в поговорку или поговорку не входит.

5. Контрастивный анализ эквивалентных по прямому значению лексем разных языков. Этот прием позволяет выявить национально-культурную специфику концепта.

6. Концепт описывается как набор признаков, необходимых и достаточных для включения его в некоторый логический класс, например, класс людей.

⁷¹ Попова З. Д., Стернин И. А. Указ. соч. С. 94.

7. Путем анализа текста выявляются индивидуальные авторские концепты в художественных произведениях⁷².

Г. В. Токарев отмечает, что значимая для изучения концепта информация обнаруживается в широком пласте языковых средств. К их числу исследователь относит:

- семантическую структуру слова;
- парадигматику, синтагматику этимологию слова;
- деривационные сети слова;
- частеречные реализации ключевых слов концепта, их частотность⁷³.

Анализ данных языка может быть дополнен экспериментальными методиками, среди которых выделяются свободный ассоциативный эксперимент и рецептивный эксперимент. Данные виды эксперимента относятся к области психолингвистики и основаны на следующем допущении: наряду с языком и речью в сосюрковском понимании в сознании носителя языка имеет место и третья форма существования языка – ассоциативно-вербальная сеть, в которой связи между единицами лексики обусловлены жизненным опытом носителя языка, культурной традицией, актуальной социальной значимостью и т. д.⁷⁴ Эксперимент позволяет выявить фрагменты ассоциативно-вербальной сети, связанные с исследуемым концептом.

В языке отражаются черты коллективного языкового сознания, подвергающиеся осмыслению со стороны исследователя. В этом случае задействуется метод интроспекции. Именно он, как правило, используется при анализе различного рода выборок. Этот метод позволяет сделать важные выводы. Однако их валидность должна быть подтверждена данными, полученными при использовании других методов, в частности, метода свободного ассоциативного эксперимента: «В то время как словари лексических единиц составляются на основе анализа текстов и являются овнешнением сознания составителя словаря, т.е. овнешнением метасознания аналитика, ассоциативные словари, создающиеся в процессе группировки реакций многих испытуемых (от 100 до 500 или даже до 1000 человек) в поля ассоциатов, представляют собой овнешнение сознания самих испытуемых. Иначе говоря, ассоциативный эксперимент фиксирует действительное овнеш-

⁷² Попова З. Д., Стернин И. А. Указ. соч. С. 14–15.

⁷³ Токарев Г. В. Особенности лексической репрезентации концепта «труд» // Лингвистические парадигмы: традиции и новации. Волгоград, 2000. С. 199–201.

⁷⁴ См.: Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999.

нение сознания (респондентов), а не овнешнение метасознания (исследователя, составителя)»⁷⁵.

Таким образом, исследование выходит за рамки интроспекции, его валидность повышается, а результаты можно считать более объективными.

Привлечение результатов психолингвистических методов значимо еще по одной причине: они позволяют проследить динамику изменений языкового сознания, то есть описать, как и в какой степени изменяется картина мира носителя языка с течением времени и под влиянием изменений, происходящих в обществе.

Метод сопоставления различных овнешнений языкового сознания позволил заключить, что «и семантическое значение, и ассоциативное поле представляют овнешненный словом образ сознания», хотя и «представленный в них с разной полнотой»⁷⁶.

Аналогичной точки зрения придерживаются и составители Русского ассоциативного словаря (РАС), рассматривающие этот словарь «как модель речевых знаний носителей русского языка, представленных в виде ассоциативно-вербальной сети, позволяющей объяснить феномен владения языком и служащей – наряду с текстовым и системным – самостоятельным, полноправным способом представления русского языка»⁷⁷. Обращается внимание на то, что естественный язык может быть представлен в двух формах – совокупности текстов или в виде системных описаний, таких как словари и грамматики. В ассоциативно-вербальной сети учитываются обе эти формы. По ней удобно прослеживаются парадигматические и синтагматические закономерности лексикона, словообразовательные закономерности, степень грамматикализации⁷⁸.

З. Д. Попова и И. А. Стернин предлагают дополнить анализ данных языка экспериментальными методиками – свободным ассоциативным и рецептивным экспериментами.

Свободный ассоциативный эксперимент

Методике проведения этого вида эксперимента посвящена обширная литература⁷⁹. В самом общем виде методика состоит в

⁷⁵ Ментальность россиян: (Специфика больших групп населения России) / Под ред. И. Г. Дубова. М., 1997. С. 258.

⁷⁶ Там же. С. 267.

⁷⁷ Русский ассоциативный словарь (РАС) / Под ред. Ю. Н. Караулова, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова, Н. В. Уфимцевой, Г. А. Черкасова. М., 1994–1996. Т. 3. С. 6.

⁷⁸ Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть.

⁷⁹ Обзор см., например, в: *Горошко Е. И.* Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков; Москва, 2001.

следующем: испытуемым предъявляется (устно или письменно) список слов-стимулов, на которые их просят отреагировать первыми пришедшим в голову вербальными единицами. Затем реакции систематизируются по различным критериям, например, по лексико-семантическим полям, и по частотности. Систематизация позволяет получить данные о содержании исследуемого концепта с точки зрения фрагмента ассоциативно-вербальной сети. Реакции информантов могут совпадать, что повышает индекс частотности и свидетельствует о наличии коллективных представлений. Реакции могут также быть единичными и раскрывать индивидуальные, свойственные данной личности, связи понятий.

Рецептивный эксперимент

Рецептивный эксперимент представляет собой исследование понимания значения языковой единицы носителями языка. Задания для информантов могут быть сформулированы различным образом. Так, Е. И. Гришук, в частности, предлагает информантам:

- продолжить фразу («Душа – это...»);
- объяснить значение предъявленного в эксперименте слова человеку, который его в первый раз слышит;
- описать зрительный образ, который вызывает слово;
- назвать слово, близкое по значению;
- назвать слово, противоположное по значению⁸⁰.

Ряд авторов придерживается мнения, что задача должна быть сформулирована так, чтобы избежать произвольного стремления информантов «подстроиться» под ожидаемый исследователем результат. У. Долезаль, исследуя референцию агентивных имен существительных мужского рода с позиции слушающего, ставила задачу следующим образом: информантам был представлен набор предложений, взятых из художественного текста. Каждое предложение содержало имя существительное мужского рода со значением лица (адвокат, председатель, соперник, враг и т. д.). Исследовательницу интересовал вопрос, как воспринимаются названные существительные – как нейтральные к полу обозначаемого лица или же как имеющие гендерно специфичную (мужскую) референцию. Однако собственно цель эксперимента непосредственно в задании не формулировалась. Вместо этого информантам предлагалось придумать и записать имена и отчества для названных в предложениях обозначений лица. Таким

---

⁸⁰ Гришук Е. И. Абстрактные концепты в восприятии школьника // Язык и национальное сознание. Вып. 2. Воронеж, 2001. С. 54–55.

образом обеспечивалось «непредвзятое» отношение информантов к цели эксперимента⁸¹.

Анализ лексикографических изданий

В большинстве работ по когнитивной лингвистике и лингвокультурологии надежным источником материала считаются словари. Без работы со словарными дефинициями или лексикографической информацией другого рода не обходится практически ни одно исследование. Как правило, ученый составляет по интересующим его параметрам выборку из словаря, а затем анализирует полученный материал.

Специфика лексикографических трудов в связи с изучением гендерного фактора состоит в том, что, «с одной стороны, из словарей черпается материал, а с другой – лексикографические труды создаются, как правило, без должного учета гендерного подхода: лексикографические издания являются «объектом гендерных исследований и одновременно источником информации для изучения гендерного компонента...»⁸².

Важную роль при использовании лексикографического материала играют два фактора:

1. *Разработанность в самом словаре помет для гендерной маркированности языковых единиц.*

Гендерно специфичные пометы в словарях представлены несистемно, не всегда дают возможность адекватно описать ограничения в референции языковых единиц⁸³. Э. Пириайнен отмечает следующие недостатки маркировки гендерных рестрикций:

- отсутствие указаний на гендерные ограничения;
- неадекватные стилистические пометы;

---

⁸¹ Доломале У. О взаимосвязи грамматической категории рода и пола // Вербальные и невербальные дейксисы фемининности и маскулинности / Под ред. А. Холода. Кривой Пог, 1997. С. 134–135. См. также Doleschal U., Schmid S. Doing gender in Russian: Structure and perspective // M. Hellinger, H. Bu mann (eds). Gender, Across Languages: The linguistic representation of women and men. Vol. 1 Amsterdam; Philadelphia, 2001. P. 253– 282.

⁸² Маланова Е. В., Колесникова М. С. Гендерные стереотипы в лексикографии и проблема их лингводидактической интерпретации в межкультурном диалоге Лингвистические и лингводидактические исследования в контексте межкультурной коммуникации. Ярославль, 2001. С. 93–96.

⁸³ См., например: Попов А. А. Об учете гендерного фактора в лексикографическом кодировании // Гендер как интрига познания / Сост. А. В. Кирилина. М., 2000. С. 93–98; Колесникова М. С. Лексикографические аспекты современных гендерных исследований // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации: Альманах. Полный выпуск. М., 2002. С. 28–36.

– искусственно сконструированные иллюстративные примеры⁸⁴. Задача лексикографа, применяющего гендерный подход, должна состоять в «выявлении и описании формальных, содержательных и функциональных характеристик, с помощью которых гендерные различия могут быть отражены в словаре»⁸⁵. Эта задача находится на стыке лексикографии и лингвистической гендерологии и принадлежит к числу актуальных проблем современной науки.

2. Тип словаря и полнота содержащейся в нем информации.

Несмотря на неполноту гендерных помет в словарях, лексикографические труды, безусловно, являются одним из важнейших источников информации для изучения гендерных аспектов языка. Для того, чтобы добиться объективности получаемого знания, необходимо учитывать ряд принципов выбора лексикографических источников: «Словари, используемые как источники информации для изучения гендера, должны быть социально и культурно значимыми, а их характеристики должны соответствовать поставленным целям гендерного исследования»⁸⁶.

М. С. Колесникова, вслед за Л. В. Щербой, предлагает различать нормативные (академические) словари и словари-справочники, с неодинаковой полнотой отражающие языковую действительность. Нормативные словари содержат более полную информацию. На взгляд М. С. Колесниковой, они оптимальным образом подходят для изучения гендерной асимметрии, гендерных стереотипов и гендерно значимых семантических лакун. При использовании словаря-справочника необходимо, как считает М. С. Колесникова, предварить описание гендерно значимой информации «характеристикой лексикографических источников, которая позволит осуществить дифференцированный подход к материалу и избежать необоснованных обобщений»⁸⁷. Необходимо также различать объективное и субъективное, часто интерпретируемое как коллективное авторство и индивидуальное лексикографическое творчество. Цитируемый автор предлагает также учитывать объем и хронологическую характеристику исследуемых словарей. Учет хронологического фактора должен распространяться как на содержание словаря, так и на время его изда-

---

⁸⁴ Piirainen E. Geschlechtsspezifität in der deutschen Phraseologie // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch 1999. М., 1999. S. 97-122.

⁸⁵ Колесникова М. С. Лексикографические аспекты современных гендерных исследований. С. 29.

⁸⁶ Там же. С. 30.

⁸⁷ Там же. С. 31.

ния. Время издания позволяет правильно интерпретировать представленные в словаре данные с точки зрения социально-культурных условий подготовки материалов словаря (например, принять во внимание фактор цензуры, существенный при подготовке некоторых изданий в советский период или при новых редакциях ряда немецких словарей, произведенных с учетом требований феминистской критики языка). Интерес представляет и «составление словарей разных лет издания ... и выявление тенденций динамики отражения гендерных характеристик в контексте социально-культурных особенностей языка и речи в различные периоды развития общества»⁸⁸.

Исследованию должны подвергаться как словарные дефиниции, так и полный текст словарной статьи, включающий формальное и семантическое описание, а также иллюстративный материал.

Значимы для анализа гендерного фактора и идеографические издания, предоставляющие данные «о той категориальной роли, которую играет гендерный компонент при представлении лексики во времени и пространстве, а также о динамике отражения социального статуса категории рода»⁸⁹.

4. Заключение

1. Понятийный аппарат лингвистических гендерных исследований находится в стадии формирования. Научные труды по этому вопросу демонстрируют отсутствие единства мнений, но также и процесс создания нового понятийного аппарата и разработки принципов исследования гендера как в обще-, так и в частнонаучной перспективе.

В современных гендерных исследованиях отмечаются разные взгляды на причины полового диморфизма. Конкуренция био- и социодетерминистского подходов оказывает воздействие на построение научных моделей исследования в лингвистике. Если исследователь придерживается биодетерминистского подхода, то он она «автоматически» переходит и на позиции эссенциализма, то есть признания природно обусловленных различий в психике и поведении (в том числе и речевом) мужчин и женщин. Исходя из такой точки зрения, ученый строит научную модель на имплицитном предположении о правомерности изучения мужской и женской речи с целью выявления этих различий, пусть даже и

---

⁸⁸ Там же. С. 32.

⁸⁹ Там же. С. 33.

они не проявляются явно и не осознаются в момент общения. Предполагается, что такие различия существуют, так как речевое поведение суть проявление психической деятельности, которая у мужчин и женщин «от природы» протекает по-разному.

Социодетерминисты, придерживающиеся противоположной точки зрения и настаивающие на том, что гендер – это социокультурный конструкт, должны четко оговаривать ограничения своей научной модели, особо указывая, что они изучают не все проявления полой дихотомии, а лишь те из них, которые созданы культурной традицией и социальной практикой. Однако в реальности такого четкого методологического разграничения в научных трудах, как правило, не происходит.

2. Исследование гендера как концепта культуры предполагает применение методов и методик лингвокультурологического и когнитивного анализа, социо- и психолингвистических методов.

3. Главная задача лингвистического изучения гендера сегодня – это установление общих закономерностей изучения феминности и маскулинности при помощи понятийного аппарата лингвистики. Из этого следует обобщающий подход к проблеме, направленный на разработку системного, научно обоснованного комплекса взаимодополняющих методик, основанных на следующих методологических принципах:

признание гендера социально и культурно конструируемым феноменом;

признание конвенционального характера гендера;

признание манифестации гендера в языке;

признание наличия в языке двух уровней – гендерного и метагендерного.

Литература

Добровольский Д. О., Кирилина А. В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // Гендер как интрига познания. М., 2000. С. 19–35.

Каменская О. Л. Гендергетика – наука будущего // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002. С. 13–19.

Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности / Под ред. В. И. Карасика и Г. Г. Слышкина. Волгоград, 2001. С. 3–16.

Кирилина А. В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филологические науки. 1998. № 2. С. 51–58.

Кирилина А. В. Философская база и методология гендерных исследований в применении к российской лингвистике // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999. С. 10–14.

Кирилина А. В. Гендерные аспекты языка и коммуникации. Дис... доктора филол. наук. М., 2000.

Кирилина А. В. Предисловие // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002. С. 7–12.

Клигер К. Позиции и проблемы теории познания в женских исследованиях // Пол. Гендер. Культура / Под ред. Э. Шоре и К. Хайдер. Вып. 2. М., 2000. С. 101–130.

Колесникова М. С. Лексикографические аспекты современных гендерных исследований // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации: Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002. С. 28–36.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

Рабова Т. Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. 2001. № 3–4. С. 3–12.

Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. Региональная общественная организация «Восток – Запад: Женские инновационные проекты». М., 2002.

Слышкин Г. Г. От текста к символу. М., 2000. Глава 1. С. 7–50.

Вопросы для самостоятельной работы

1. Назовите основные черты современного состояния отечественной лингвистики.
2. Охарактеризуйте проблемы, связанные с развитием понятийного аппарата лингвистических гендерных исследований.
3. Охарактеризуйте гендерные стереотипы как частный случай научной модели стереотипа.
4. Что представляет собой гендерная метафора и на каких научных принципах строится ее изучение?
5. Какие методики повышения валидности результатов предлагаются в отечественной лингвистике?
6. Опишите, с каких позиций ведется лингвокультурологическое исследование гендера, какие научные модели применяются в этом случае.
7. Какие методики исследования гендерного концепта представлены в данной главе? Какова их методологическая основа?
8. В чем заключаются требования к лексикографическим трудам, принимаемым как источник гендерно значимой информации? Почему необходима предварительная характеристика этих трудов?
9. Как соотносятся обще- и частнонаучные принципы анализа гендера? Проиллюстрируйте это на примере лингвистической реализации деконструктивистского метаподхода.

Глава 5

Примеры исследовательских процедур

Рассмотрим приведенные выше теоретические положения на примере ряда исследований.

1. Установление особенностей концептуализации гендерно маркированных лексических единиц по данным лексикографических трудов

Исследование проведено А. В. Кирилиной¹. Автор осуществила ряд исследовательских процедур:

1. Отбор лексикографических источников на материале русского и немецкого языков.

2. Создание выборки словарных дефиниций.

3. Анализ концептуализации гендера в каждом из исследуемых языков.

4. Сравнительный анализ.

5. Рассмотрен ряд словарных дефиниций и выявлено, с какими семантическими областями лексикона соотносятся данные лексические единицы, каков их синтагматический потенциал, прослеживается ли определенный параллелизм в их значениях, есть ли ограничения в их употреблении.

6. Привлекались данные следующих словарей: Словарь русского языка (СРЯ, 1991), Учебный словарь сочетаемости слов русского языка (УСССРЯ, 1978), Идеографический словарь русского языка (ИСРЯ, 1995), Словарь синонимов русского языка (ССРЯ, 1971).

Анализ позволил получить следующие данные:

В ряде случаев в словарях представлены симметричные дефиниции:

---

¹ Кирилина А. В. Гендерные аспекты языка и коммуникации. Дис... доктора филол. наук. М., 2000.

Мужчина – пол организма, человек мужского пола;
женщина – пол организма, человек женского пола (ИСРЯ);

При этом подчеркивается прокреативная функция женщины:
СРЯ (с. 194–195):

Женщина – 1. Лицо, противоположное мужчине по полу, та, которая рождает детей и кормит их грудью. 2. Лицо женского пола, вступившее в брачные отношения.

Жена – 1. Женщина по отношению к мужчине, с которым она состоит в официальном браке (к своему мужу): *братъ в жены (жениться)*. 2. То же, что женщина в первом значении (устар., высокоп.) *Славные жены отчимы*.

Мужчина:

1. Лицо, противоположное женщине по полу. *Будь мужчиной!* (веди себя так, как подобает мужчине). *Поговорим как м. с мужчиной* (как подобает мужчинам). 2. Такое взрослое лицо, в отличие от мальчика, юноши. В статье приводится также с пометой *крот. шутл.* уменьшительный вариант *мужчишка*.

В других случаях женщина категоризируется как человек особого рода, с присущими ему определенными чертами:

Женщина – а) лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств; б) лицо женского пола, состоявшее или состоявшее в браке (ССРЯ).

Синтагматические, сочетаемостные особенности названных лексем более полно раскрываются с словаре сочетаемости (УСССРЯ):

Значения лексемы «*мужчина*» соответствуют значениям СРЯ. В качестве типичных образцов сочетаемости приводится следующий список:

Красивый, симпатичный, обаятельный (не)интересный, (не)высокий, крупный, рослый, широкоплечий, сильный, стройный, сутулый, худой, сухощавый, сухопарый, подтянутый, полный, толстый, седой, лысый, плешивый, уса́тый, бородатый, черноглазый, синеглазый, загорелый, смуглый, цветущий, (не)молодой, пожилой, старый, умный, остроумный, образованный, интеллигентный, культурный, флегматичный, энергичный, деловой, решительный, властный, гордый, самодовольный, самоуверенный, веселый, спокойный, серьезный, нервный, ревнивый, странный, аккуратный, одинокий, холостой, (не)женатый, как-л. (хорошо плохо, модно ...) одетый, солидный... **мужчина**

Устойчивые сочетания:

Кто-л. настоя́рый мужчина – так говорят о лице мужского пола, когда хотят похвалить его за твердость, мужество и другие качества, которые считаются типично мужскими.

Будь (будьте) мужчиной! – так говорят лицу мужского пола, когда хотят, чтобы оно проявило твердость, мужество и другие подобные качества

Мужской:

СРЯ: 1., 2. Такой, как у мужчины, характерный для мужчины. *Мужское рукопожатие. М. разговор (дельный)*

3. Мужской род (гр.)

УСССРЯ: такой, который относится к мужчине, состоит из мужчин, предназначен для мужчин, мальчиков; такой, как у мужчины:

мужской пол, голова, лицо, руки, фигура, голос, смех, одежда, пальто, костюм, сорочка, рубашка, брюки, халат, свитер, зонт, шляпа, перчатки, носки, обувь, туфли, характер, сердце, ум, твердость, прямолинейность, почерк, имя, дело, работа, персонал, общество, компания, команда, население чего-л., сила, труд, походка, общежитие, пляж, раздевалка, баня, туалет, уборная, зал (о парикмахерской).

УСССРЯ (с. 156–157):

Женщина – Лицо, противоположное по полу мужчине

Хорошая, плохая, красивая, прекрасная, замечательная, чудесная, обаятельная, очаровательная, милая, симпатичная, (не)интересная, (не)высокая, маленькая, стройная, худая, полная, толстая, седая, синеглазая, червоглазая, загорелая, смуглая, цветущая, (не)молодая, пожилая, старая, умная, глухая, образованная, остроумная, интеллигентная, культурная, энергичная, решительная, властная, гордая, самолюбивая, самоуверенная, веселая, спокойная, беспокойная, простая, скромная, тихая, (не)серьезная, легкомысленная, кокетливая, капризная, добрая, приветливая, чуткая, мягкая, внимательная, заботливая, злая, сварливая, грубая, хитрая, завистливая, вздорная, крикливая, скандальная, сильная, слабая, болезненная, большая, нервная, ревнивая, странная, трудолюбивая, ленивая, аккуратная, (не)чистоплотная, беззащитная, одинокая, (не)замужняя, беременная, как-л. (хорошо, плохо, модно...) одетая, модная, современная, (не)знакомая, русская, советская ... женщина

Женский – такой, который относится к женщине, женщинам, свойствен им; предназначенный для женщин; принадлежащий женщине; состоящий из женщин.

Женский (-ая, -ое, -ой, -ие) пол, голова, лицо, руки, плечи, грудь, фигура, красота, голос, улыбка, смех, одежда, пальто, платье, брюки, костюм, халат, чулки, обувь, туфли, сапоги, украшения, ум, характер, натура, сердце, душа, качество, гордость, достоинство, доброта, чуткость, мягкость, хитрость, интуиция, чутые, любопытство, прихоть, каприз, штучки (разг.), кокетство, ласка, внимание, забота, счастье, доля, воспитание, почерк, болезни, дело, работа, персонал, общество, организация, команда, население, половина, движение, праздник, журнал, календарь, сила, труд, общежитие, пляж, раздевалка, туалет, зал (в парикмахерской).

СРЯ: Женский – 1. см. женщина. 2. Такой, как у женщины, характерный для женщины: ж. *характер*, ж. *ласка*; Женственный – с качествами, свойствами женщины, мягкий, нежный, изящный: *женственная натура*, *женственная внешность*.

Рассмотрены особенности лексикализации исследуемых единиц в связи с их сочетаемостным потенциалом; проведены в ряде случаев субституционные тесты.

Сам факт существования в русском языке устойчивых сочетаний *настоящий мужчина*, *будь мужчиной*, *поговорим как мужчина с мужчиной*, *мужской разговор* и т.п. свидетельствует о наличии в коллективном сознании определенного эталона поведения и моральных качеств для мужчины. Условия употребления этих

единиц, эксплицируемые в словарных дефинициях, позволяют заключить, что этот эталон включает твердость, прямоту, смелость, присутствие духа в опасности, отсутствие излишней эмоциональности.

Наряду с этим отмечают: *женская интуиция, женское чутье, женские штучки, женская логика, женское счастье, женская доля, женское кокетство, женская ласка, женский ум/характер/ натура, женское движение*, что имплицитно подразумевает наличие определенных личностных свойств у человека женского пола: своеобразие мышления/интеллектуальную недостаточность, поведенческие особенности, эмоциональность, заботливость. Анализ семантики подобных сочетаний позволяет, с одной стороны, говорить о гендерной асимметрии и наличии разных эталонов морали, поведения и в целом личностных качеств для мужчин и женщин. Тот факт, что эти сочетания являются устойчивыми, говорит о фиксации в языке особых свойств характера, поведения, ассоциируемых с лицом в зависимости от его пола. Так, в сочетаниях *женский вопрос, женское движение* нельзя без изменения смысла произвести подстановку лексемы *мужской*: (СР.: *женский вопрос* – *мужской вопрос). С другой стороны, высказывания типа «*Она слишком женщина*» говорят о том, что разграничиваются идеальный и реальный модусы существования данного концепта.

Установленные факты позволяют говорить о различиях в концептуализации понятий «*мужчина*» и «*женщина*». Однако это разграничение не носит абсолютного характера. Как показывает словарный материал, сочетаемостный потенциал этих лексем во многих случаях совпадает: и у мужчин, и у женщин означаются внешность, возраст, деятельность, личностные качества, многие из которых легко выдерживают субституционный тест.

Необходимо, кроме того, обратить внимание на то, что слово *женщина* характеризуется большим сочетаемостным потенциалом, нежели *мужчина*. Среди прилагательных, синтагматически связанных только с этим словом, УССРЯ приводит: *капризная, кокетливая, злая, сварливая, хитрая, завистливая, вздорная, скандальная*, что свидетельствует о том, что женский характер концептуализируется как не вполне уравновешенный, слишком эмоциональный (уместно повторить, что УССРЯ приводит типичные сочетания; синтагмы *капризной/кокетливый* и т. д. *мужчина* возможны, но являются менее типичными).

Однако это не единственный вывод, который можно сделать на основании большего сочетаемостного потенциала слова *женщина*. Обширность синтагматических связей может служить косвенным доказательством того, что *женщина* чаще, может заме-

нить собой слово *человек* при реферировании к лицам женского пола, нежели это происходит в паре *мужчина – человек* при реферировании к лицам мужского пола.

Как показывает УСССРЯ, сочетаемостный потенциал слова «человек» весьма высок:

СССРЛ (с. 876–877):

Человек 1. Живое существо, обладающее даром мышления и речи, способ- ность создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда.

Устойчивые сочетания: Ч. - это звучит гордо: *ученый ч., Честный ч. лять ч. Ч. с большой буквы* (высоких моральных достоинств) *Малодой ч.* (о юноше, мо- лодом мужчине, обычно в обращении). *Будь человеком!* (веди себя по-человече- ски, разг.). *Вот ч.!* (о том, кто вызывает удивление теми или иными своими каче- ствами, поступками, разг.) *Все мы люди, все мы человеки* (никто не лишен человеческих слабостей, шутл.).

2. В России при крепостном праве: дворовый слуга, служитель, лакей, а позде- нее офицант, слуга.

УСССРЯ (с. 655–656):

Определение совпадает с определением 1 СССРЯ.

Сочетаемостный потенциал представлен в УСССРЯ:

Хороший, отличный, прекрасный, замечательный, удивительный, превосход- ный, исключительный, обаятельный, (не)приятный, плохой, скверный, нику- дышный (разг.), ужасный, отвратительный, невыносимый, (не)интересный, (не)обыкновенный, обычный, странный, смешной, простой, скромный, вежли- вый, тактичный, деликатный, любезный, грубый, (не)воспитанный, (не)культур- ный, спокойный, уравновешенный, беспокойный, сдержанный, (не)выдержан- ный, раздражительный, вспыльчивый, безрассудный, трудный, тяжелый, легкий, непосредственный, общительный, замкнутый, откровенный, скрытный, (не)раз- говорчивый, молчаливый, таинственный, болтливый, шумный, беззаботный, за- думчивый, рассеянный, печальный, грустный, мрачный, сумрачный, хмурый, расстроенный, раздраженный, разгневанный, веселый, скучный, бодрый, радост- ный, подвижный, бойкий, беспечный, суетливый, медлительный, робкий, тихий, застенчивый, осторожный, дерзкий, нахальный, испорченный, распушенный, безразветственный, циничный, честный, правдивый, искренний, прямой, живой, продажный, справедливый, объективный, беспристрастный, (не)серьезный, лег- комысленный, поверхностный, наблюдательный, разумный, благородный, здра- вомыслящий, сознательный, принципиальный, шепетильный, беспринципный, уверенный (в себе), самостоятельный, активный, напористый, пассивный, наив- ный, современнй, добрый, добродушный, доброжелательный, злой, бессердеч- ный, жестокий, безжалостный, беспощадный, бескорыстный, великодушный, злопамятный, мстительный, дружелюбный, приветливый, отзывчивый, участли- вый, чуткий, гуманный, черствый, снисходительный, мягкий, сердечный, строг- ий, суровый, безжалостный, насмешливый, язвительный, ехидный, вниматель- ный, заботливый, (не)обязательный, забывчивый, (не)доверчивый, лукавый, хитрый, коварный, неблаголдарный, терпеливый, постоянный, благородный, ка- призный, мнительный, обидчивый, завистливый, лицемерный, широкий, мелоч- ный, гостеприимный, щедрый, жадный, скупой, гордый, самолюбивый, самоуве- ренный, самонадеянный, самовлюбленный, высокомерный, заносчивый, тщеславный, честолюбивый, властолюбивый, властный, деспотичный, умный,

способный, одаренный, даровитый, талантливый, гениальный, мудрый, (не)глупый, недалекий, близорукий, пустой, ограниченный, тупой, сообразительный, находчивый, остроумный, (не)развитой, мыслящий, пронищательный, знающий, начитанный, эрудированный, (не)образованный, (не)грамотный, невежественный, темный, эмоциональный, чувствительный, сентиментальный, впечатлительный, увлекательный, страстный, восторженный, горячий, мечтательный, романтичный, влюбчивый, ревнивый, трезвый, бесстрастный, бесчувственный, флегматичный, инертный, расчетливый, равнодушный, сухой, холодный, тонкий, опрометчивый, истеричный, нервный, эксцентричный, твердый, стойкий, решительный, волевой, безвольный, неустойчивый, (легко)ранимый, слабохарактерный, настойчивый, упорный, упрямый, смелый, храбрый, отважный, трусливый, сильный, слабый, мужественный, бесстрашный, отчаянный, цельный, противоречивый, сложный, трудолюбивый, (не)добросовестный, ленивый, (не)организованный, (не)точный, педантичный, небрежный, усидчивый, усердный, старательный, аккуратный, исполнительный, деятельный, энергичный, деловой, инициативный, предприимчивый, изобретательный, требовательный, самокритичный, ответственный, безответственный, хозяйственный, практичный, опытный, красивый, стройный, статный, широкоплечий, узкоплечий, мускулистый, крепкий, сильный, слабый, коренастый, полный, дородный, упитанный, плотный, толстый, тучный, хилый, худой, сухошавый, сухопарый, тощий, костлявый, нескладный, сутулый, седой, кудрявый, лысый, плешивый, усатый, бородатый, широколобый, голубоглазый, синеглазый, сероглазый, кареглазый, черноглазый, бледный, румяный, розовощекий, загорелый, смуглый, как-я. (хорошо, плохо...) одетый, здоровый, больной, болезненный, хромой, глухой, немой, слепой, близорукий, раненый, живой, мертвый, (не)молодой, взрослый, пожилой, старый, богатый, бедный, сытый, голодный, опустившийся, счастливый, несчастный, удачливый, влиятельный, выдающийся, великий, русский, советский, каждый, всякий, этот, другой... человек.

Устойчивые сочетания: *быть (стать, сделать кого-я.) человеком* – быть, стать, сделать кого-я. личностью, обладающей высокими моральными качествами. *Малодой человек* – речевая формула, которая употребляется как обращение к молодому мужчине.

по-человечески (гуманно), человеческое существо, человеческий род (люди), потерять/утратить человеческий вид/облик/образ – перестать по своему виду или поведению быть похожим на человека; *человеческие жертвы* – о гибели людей.

В свою очередь, очень высокий синтагматический потенциал слова «человек», особенно по сравнению со словом «мужчина», обнаруживающим в рассматриваемой триаде наименьшие сочетаемостные возможности, может свидетельствовать, что референция к лицу мужского пола чаще осуществляется посредством слова «человек», а не «мужчина».

Выше мы упоминали работу Д. Вайса², посвященную особенностям употребления слова «человек», где доказывается, что оно не во всех случаях допускает в качестве референта лицо

² Weiss D. *Frau und Tier in der sprachlichen Grauzone: diskriminierende Strukturen slawischer Sprachen // Slavistische Linguistik. 1984. S. 317–358.*

женского пола. Мы же предлагаем рассмотреть другую сторону вопроса – соотношение лексических единиц «человек» и «мужчина».

Аргументация Д. Вайса имплицитно содержит допущение, что в ряде случаев исключается лишь референция к лицу женского пола и что, таким образом, в значениях слов *человек* и *мужчина* имеет место параллелизм. Однако замеченный нами при анализе словаря сочетаемости факт говорит о том, что такой параллелизм ограничен и что *человек* не идентичен *мужчине* (Ср.: *Он интересный человек – Он интересный мужчина*). Этот факт не самоочевиден и не является универсальным. Особенно четко он проявляется при анализе соответствующих слов в разных языках. Так, в немецком языке параллелизм значений *Mann* и *Mensch* значительно выше, что явствует из анализа словарного материала. Рассматривались следующие словари: Duden Das große Wörterbuch der deutschen Sprache (GWDS), Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache (WDG), Duden Deutsches Universalwörterbuch (DUW), G- Wahrig Deutsches Wörterbuch, E. Agricola: Wörter und Wendungen (WW).

Изучение лексикографических трудов позволило обнаружить следующие факты:

GWDS, Bd4, S. 1731–1732 :

der Mann:

- 1) erwachsene Person männlichen Geschlechts;
2. Ehemann
3. Lp.: -en: Gefolgsleute: der Kanzler und seine Mannen.

Именно в разделе 1) словарной статьи помещено наибольшее количество устойчивых словосочетаний, позволяющих заключить, что понятие «мужчина» имеет в немецком языке гораздо большую распространенность, нежели в русском.:

Er ist ein ganzer Mann; Er ist ein Mann des raschen Entschlusses; Sei ein Mann! (zeige dich als mutiger Mann); Ein Mann ein Wort; der gemeine Mann (veralt. Durchschnittsbürger); der dritte Mann; ein Mann der Tat; ein Mann aus dem Volk; ein Mann von Geist, Format; Charakter, hohem Einfluß; ein/sein freier Mann sein (unabhängig, selbständig); die Männer (die Regierenden) von Bonn; Mann über Bord (Notruf, Seemannssprache); Alle Mann an Bord; alle Mann (umg.: alle zusammen); Mann an Mann; Mann für Mann; 5 Mark pro Mann; ein Kampf Mann gegen Mann; der kleine Mann (1. arme Person; 2. salopp: Penis); freier Mann; der Mann des Tages; der Mann auf der Straße (Durchschnittsbürger); der Mann im Mond; [mein lieber] Mann! (Erstaunen); einen kleinen Mann im Ohr haben; den toten Mann machen; den starken Mann markieren/mimen; den wilden Mann spielen/machen; seinen Mann stehen/stellen; Mann decken (Ballspiele: seinen unmittelbaren Gegenspieler decken); dieser Beruf o.ä. ernährt seinen Mann; wenn Not am Mann ist; mit Mann und Maus untergehen; von Mann zu Mann.

В современном немецком языке сочетания с этим существительным касаются не только лиц мужского пола, но имеют обобщенное значение «человек». Тем не менее пометы «о лицах мужского пола», ограничивающие их употребление, имеются у многих связанных сочетаний:

seinen Mann gefunden haben; ein gemachter Mann sein; der Mann des Tages; ein toter Mann sein; der erste Mann an der Spitze sein; ein Mann von Wort sein.

Очевидно, что понятия «человек» и «мужчина» в лексеме Mann как бы «наслаиваются» друг на друга.

Остальные исследованные словари дают аналогичную картину.

Некоторая повышенная маскулинность слова «Mann» даже в значении «человек» отмечается лексикографами. Так, словарь Wörter und Wendungen (WW, S. 417–418) предлагает следующие толкования значения названного слова:

Mann, der. 1. [männlicher] Mensch. 2. Erwachsener männlichen Geschlechts. 3. Ehemann. 4. männliches Tier (Männchen).

Если же брать за отправной пункт слово «Mensch», то в соответствующих словарных статьях обнаруживается большое количество выражений, синонимичных сочетаниям, содержащим слово «Mann»:

ein Mensch/Mann mit Vernunft

В ряде случаев подразумевается референт мужского пола, что и указывается в скобках:

Ich kenne diesen Menschen (diesen Mann) nicht.

Es klingelte, und ein junger Mensch (männlicher Jugendlicher) stand vor der Tür.

Таким образом, существуют веские основания считать, что понятия «человек» и «мужчина» в немецком языке концептуально близки. Кроме того, слово «der Mensch» этимологически также восходит к понятию «мужчина»:

Mensch, der [mhd mensch(e), abd mannisco, eigentl. = der Männliche, zu Mann (DUW. S. 1007).

В английском языке отмечается сходная ситуация³.

Следует добавить также, что особенности немецкого словообразования также придают лексической системе немецкого языка некоторую маскулинность благодаря наличию суффиксоида (полусуффикса) – *-mann*, продуктивность которого высока и который присутствует во многих номинациях с агентивной семантикой:

³ См. об этом: Колосова О. Н. Когнитивные основания языковых категорий (На материале современного английского языка). Дис... доктора филол. наук. М., 1996.

Seemann, Staatsmann, Kaufmann, Feuerwehrmann, Obmann.

Вопрос о том, сохраняют ли полусуффиксы семантику свободной лексики, является дискуссионным⁴. Тем не менее подстановка подобных словообразовательных конструкций в контекст, где референтом является лицо женского пола, не во всех случаях может быть успешной:

«Ihre Lehrzeit ist beendet, sie ist Industriekaufmann – ein sehr junger, sehr hübscher, sehr weiblicher Industriekaufmann»⁵.

Неопределенно-личное местоимение «man» также вызывает ассоциации с мужской агентивностью:

Mit dem wörtchen «man» fängt es an. «man» hat, «man» tut, «man» fühlt...: «man» wird für die beschreibung allgemeiner zustände, gefühle, situationen verwendet – für die menschheit schlechthin. Entlarvend sind sätze, die mit «als frau hat «man» ja... beginnen. «man» hat als frau keine identität. Frau kann sie nur als frau suchen»⁶.

Дополнительным доказательством этого может служить анализ успешности нормирования языка в соответствии с требованиями феминисток⁷.

Так, несмотря на различия в синтаксическом поведении местоимений «man» и предложенного ФЛ frau, это местоимение уже встречается в рекламе и довольно органично (особенно по сравнению с другими требованиями ФЛ, многие из которых не выполняются последовательно даже в таких радикальных изданиях, как журнал «Emma»⁸) входит в письменную и устную, подчеркнута политически корректную речь, а также включено в новейшие толковые словари.

Исходя из приведенной выше аргументации, можно заключить, что хотя слово «человек» в ряде случаев соотносится в русском языке только с лицами мужского пола, оно в значительно меньшей степени, чем «Mensch» и «Mann» в значении «человек» в немецком реферирует именно к полу обозначаемого лица.

⁴ См. Stepanova M. D., Cernyseva I. I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. M., 1986.

⁵ «Sichtwechsel». Text- und Arbeitsbuch, Mittelstufe / S. Bachmann et al. Klett, 1995. S. 17.

⁶ Stefan V. Häutungen. Fischer Tagebuch Verlag, Frankfurt-a.-Main, 1994. S. 33–34.

⁷ См. об этом: Homberger D. Männersprache – Frauensprache: Ein Problem der Sprachkultur? // Muttersprache, 1993. 193. S. 89–112; Кирилина А. В. Феминистское движение в лингвистике Германии // Теория и практика изучения языков: Межвузовский сборник. Сургут, 1997. С. 57–62.

⁸ См.: Kirilina A. V. Nichtsexistischer Sprachgebrauch in der EMMA-Zeitschrift // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch, 1999.

В немецком языке «*Mensch*» и «*Mann*» проявляют значительно больший параллелизм и синонимичность значения, что проявляется не только на лексическом уровне, но и в словообразовании, грамматической категории неопределенности, запечатлевается во многих культурно значимых понятиях:

Meyers Gro es Konversationslexikon, Der gro e Brockhaus не содержат лингвистических толкований данных концептов, но приводят понятия с точки зрения их общественной значимости. И эти издания включают ряд статей, указывающих на доминирующее положение мужчины:

Mannen – in der seemannischen Sprache etc. von Mann zu Mann weiter reichen; Männerapostolat, Männerbund, Männerkindbett, Männervereine, Männerdienst.

Можно, выражаясь образно, утверждать, что значение «*Mann*» в лексиконе немецкого языка «разлито» шире, чем это происходит в русском языке со словом «человек».

Еще одно отличие слов «*Mann*» и «*мужчина*», явствующее из сравнения словарных дефиниций, – подчеркивание доминирующей, главенствующей роли мужчины в репродуктивном процессе. Большинство исследованных словарей в статье *männlich*: под номером 1) дают интерпретацию, в которой акцентируется производящая, оплодотворяющая функция мужчины.

männlich:

- 1) zum zeugenden, befruchtenden Geschlecht gehörend; (GWDS)
- 1) dem zeugenden Geschlecht angehörend (WDG);
- 1) dem zeugenden, befruchtenden Geschlecht angehörend (DUW);
- 1) zum zeugenden, befruchtenden Geschlecht gehörig (Wahrig);

Лишь WW и Wahrig приводят в качестве третьего значения личностные качества: *mutig, tapfer, unerschrocken aushartend*.

В числе переносных значений приводятся названия рифм – *mannlicher Reim – weiblicher Reim*, где отражена телесная метафора: *ein männlicher Reim endet mit einer Hebung, stumpf* (WDG).

Как видно из приведенных дефиниций, первое значение слова «*männlich*» в большинстве словарей интерпретируется как *zum zeugenden, befruchtenden Geschlecht gehörend*. В русских словарях аналогичные толкования отсутствуют. Напротив, акцентируется прокреативная функция женщины.

Русские лексемы «*мужество*», «*мужественность*» концептуализируют личностные черты: храбрость, присутствие духа, твердость:

Мужество:

СРЯ: Храбрость, присутствие духа в опасности. *Проявить м. и стойкость*
СРЯ дает также ряд сходных по значению лексем:

мужаться (высок.) проявлять стойкость, мужество; **мужать/возмужать**
1. становится зрелым, зреее, взрослым, взрослее (книжн.); *юноша мужает.*
2. (перен.) Становится сильнее, крепче, выносливее, мужественнее; **мужиковатый** (грубоватый, простоватый); **мужик**: 1. Крестьянин в противопоставлении горожанину (устар.). 2. То же, что мужчина (прост.) 2. То же, что муж (прост.).
4. Невоспитанный, грубый человек (устар.)

Зафиксирован в СРЯ и ряд уменьшительных и уничижительных номинаций: **мужичок, мужичонка, мужичье.**

УСССРЯ: Присутствие духа в опасности, в беде и т. п.; **храбрость, бесстрашие.**

Мужественный (-ность):

СРЯ: Обладающий мужеством, выражающий мужество. *М. характер, м. вид*

УСССРЯ: Такой, который обладает мужеством; такой, который выражает мужество; исполненный мужества.

Как образцы сочетаемости приводится следующий ряд:

человек, женщина, юноша, девушка, солдат, разведчик, партизан, народ, лицо, черты лица, вид, характер, сердце, голос, поведение, ответ, поступок, решение, борьба

Немецкая номинация «*Männlichkeit*», напротив, часто интерпретируется в связи с потенцией и аналогичными физиологическими особенностями мужчины как организма:

GWDS:

Männlichkeit:

1) männliches (3) Wesen;

2) das Mannsein in Bezug auf die Potenz, Zeugungsfähigkeit; Geschlechtsteile

DUW:

Männlichkeit: 1) männliches Wesen

2) das Mannsein in Bezug auf die Potenz

b) (verhüll.) männliche Geschlechtsteile (S. 986)

В ряде случаев отмечаются и личностные качества:

Wahrig:

Männlichkeit: Männliche Wesensart (S. 838)

При сопоставлении словарных дефиниций «*женщина*» и «*Frau*» («*Weib*») обнаруживается тенденция иной направленности. Обозначение «*Frau*» характеризуется сочетаемостью в основном с признаками, относящимися к внешности, возрасту, репродуктивной функции:

Frau (GWDS, DUW):

1. Erwachsene Person weiblichen Geschlechts:

eine junge, hübsche, schöne, reife, liebende, kluge, berufstätige, verheiratete, schwangere F; eine F. mit Vergangenheit; eine F. nach Ma (Idealgestalt mit guter Figur); die weise F. (Hebamme).

2. Ehefrau.

3. Hausherrin, Gebieterin, Dame: *die F. des Hauses; die junge F. (veraltet. Schrieger-tochter) unsere liebe Frau (Maria, die Mutter Christi).*

4. Anrede.

Слову «женщина» УССРЯ приписывает большее количество признаков, значительную часть которых составляют положительно коннотированные обозначения личностных качеств: *образованная, остроумная, интеллигентная, энергичная, решительная* и т. п. Вместе с тем, как отмечалось выше, в русском языке также лексикализованы и негативные, «типично» женские качества.

Примеры сочетаемости составлены на основе частоты встречаемости соответствующих синтагм в текстах, что не исключает сочетаний положительно коннотированных прилагательных со словом «Frau». Тем не менее в качестве типичных в словарях фигурируют иные образцы сочетаемости.

Женственность интерпретируется русскими словарями как мягкость, нежность, изящность, но не слабость. Это качество также соотносится с реальными лицами женского пола:

женственный – с качествами, свойствами женщины, мягкий, изящный, нежный: *женственная натура, женственная внешность* (УССРЯ).

Немецкие словари не акцентируют личностные качества при толковании лексических единиц *weiblich, Weiblichkeit*.

Если рассматривать словарные дефиниции с учетом года издания словаря, обнаруживает себя тенденция к устранению гендерной асимметрии. Так, WW (1977) интерпретирует значение слова «Mensch» следующим образом:

Mensch, der: 1. Lebewesen. 2. Mann

Mensch, das: die Dirne, Schlampe

Словарь более позднего издания DUW (1989) по сравнению с WW (1977) не приводит «Mann» в качестве второго значения к «Mensch». Но DUW содержит еще слово *das Mensch*, хотя и определяет это понятие более нейтрально, снабжая *das Mensch* стилистической пометой, ограничивающей ее употребление:

Mensch, der: 1. mit der Fähigkeit zu logischem Denken u. zur Sprache, zur sittlichen Entscheidung und Erkenntnis von Gut u. Böse ausgestattetes höchstentwickeltes Lebewesen. 2. menschliches Lebewesen, Individuum. 3. bestimmte Person, Persönlichkeit. 4. burschikose Anrede, oft auch ohne persönlichen Bezug in Ausrufen des Staunens, Erschreckens, der Bewunderung

Mensch, das (landsch., meist abwertend): weibliche Person, Frau.

Более современный WAHRIG (1997) статьи «das Mensch» уже не содержит, зато включает в свой состав новое, возникшее под влиянием феминистского движения местоимение «frau»:

1. Weibl. erwachsener Mensch; Ehefrau, Gattin;
2. Anrede für erwachsene weibl. Person

Этот словарь включает ряд пояснений, сделанных под влиянием феминистской критики языка: в издание 1997 включено местоимение «frau» как контрагент неопределенно-личного местоимения «man», что несомненно отражает процессы депатрификации немецкого языка, а также служит доказательством его высокой андроцентричности:

frau – indefinites Pronomen; in der Frauenbewegung verwendete Ersatzbezeichnung für *man*: *Frau tut so etwas nicht* (S. 500).

Под влиянием активной феминистской критики с течением времени в словари стали включаться все более политически корректные формулировки. Это касается и русских словарей, хотя феминистский дискурс в российской лингвистике обнаружил себя лишь недавно. Так, В. Штадлер⁹ обращает внимание на то, что в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1992) и у слова «женщина», и у слова «мужчин» сокращено по одному толкованию значения в сравнении со Словарем русского языка, изданным в 1981 г. Из словарной статьи «Женщина» убрано значение «лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств», а из словарной статьи «Мужчина» изъято значение «лицо мужского пола, отличающееся мужеством, твердостью»; кроме того, «женская логика» была заменена на «женскую ласку».

Далее рассматривались лексемы *муж* и *жена*.

Муж:

СРЯ: 1. Мужчина по отношению к женщине, с которой он состоит в официальном браке (к своей жене). 2. Мужчина в зрелом возрасте (устар.), а также деятель на каком-либо общественном поприще (высок.). *Мужьи науки, государственный м. Слышу речь не мальчишка, но мужа* (одобрение по поводу разумных, зрелых суждений, книжн.)

УСССРЯ: Женатый мужчина (по отношению к своей жене).

Жена – замужняя женщина по отношению к своему мужу:

хорошая, плохая, молодая, старая, красивая, симпатичная, интересная, умная, любящая, заботливая, образцовая, любимая, дорогая, властная, злая, надоевшая, сварливая, постылая (разг.), первая, вторая, будущая, бывшая, новая, законная, усталая, ревнивая, неверная, больная, покойная, чужая, моя, его ...

⁹ Штадлер В. Особенности употребления лексических единиц *женщина*, *мужчина*, *человек* у В.В. Жириновского // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999. С. 15–22.

Мужу атрибутируются следующие качества, почти полностью совпадающие с атрибутируемыми жене:

хороший, плохой, молодой, старый, постаревший, состарившийся, красивый, симпатичный, интересный, умный, скучный, любящий, заботливый, образцовый, любимый, властный, ревнивый, первый, второй, будущий, бывший, законный, устный, бальной, покойной, мой, ее.

Глаголы, сочетающиеся со словом «**муж**», в силу своей семантики предполагают в качестве агенса лицо женского пола. По отношению к мужу возможны следующие действия:

найти себе, иметь, оставить, бросить, любить, разлюбить, ненавидеть, презирать, уважать, ценить, обнимать, целовать, накормить, познакомиться с кем-л., ревновать, подозревать, упрекать, обвинять, писать (разг.), похоронить мужа; помогать, подарить что-л., писать, послать что-л., сказать что-л., верить, изменять мужу;

без мужа остаться, жить, прийти; за мужа заступиться, волноваться, беспокоиться; на мужа надеяться, обидеться; о муже заботиться, думать, помнить, беспокоиться волноваться, скучать; от мужа уйти, узнать что-л.; по мужу скучать, тосковать;

с мужем встретиться, познакомиться, расстаться, развестись, разойтись, поссориться, помириться, ладить (разг.), поговорить, посоветоваться, обсудить что-л. поделиться чем-л., (не) считаться, идти/ездить куда-л.;

у мужа взять что-л., попросить что-л., узнать что-л.

Большой интерес представляет группа глаголов, сочетающихся со словом «**муж**» в качестве агенса. Эта группа невелика и отражает действия, значимые в первую очередь для жены и семьи данного мужчины, так как семантика слова *муж* подчеркивает его соотнесенность с семейной сферой. В качестве мужа своей жены мужчина может совершать ряд действий:

муж любит кого-что-л., разлюбил кого-что-л., ушел от кого-л., бросил кого-л., работает где-л., задержался где-л., уехал куда-л., получает сколько-л., зарабатывает сколько-л., заболел, умер, погиб;

у кого-л. есть муж, нет мужа.

Разумеется, это не исчерпывающий список, однако он достаточно полон и составлен на основе большого количества разнообразных источников, как указывается в предисловии. Это позволяет отнести приведенные примеры к типичным для слова «**муж**» сочетаниям.

Таким образом, регистрируется в языке: чувство, которое испытывает или не испытывает муж, наличие мужа как такового (есть он или нет, прекращение брака), временное отсутствие мужа в доме, его деятельность и заработок и, наконец, нездоровье или смерть.

Качества, атрибутируемые *мужу*, относятся к следующим семантическим областям: внешность, возраст, личностные качест-

я, а также статус супруга по отношению к жене (первый, второй, бывший и т.д.). Аналогичным образом интерпретируется *жена*.

Обращает на себя внимание гораздо большая представленность группы сочетаний, где глагол предполагает референта-женщину. И в этой группе существенное место занимают глаголы, выражающие отношение, чувство. По количеству они находятся на первом месте.

Анализ словарей позволяет заключить, что сочетаемостные характеристики слов «*муж*» и «*жена*» обнаруживают высокую степень параллелизма. При этом *жена* чаще характеризуется по принадлежности к мужу, чем наоборот.

Устойчивые сочетания «*муж* и «*жена*», а также «*мужчина*» и «*женщина*» демонстрируют большую значимость мужа и мужчины, что объясняется порядком следования лексем в этих сочетаниях. В паре же «*мать* и «*отец*» этот порядок нарушается, и на первый план выступает лексема, обозначающая лицо женского пола, подчеркивая тем самым его большую значимость.

Обобщая, можно констатировать меньшую распространенность, меньшие сочетаемостные возможности и способность образовывать устойчивые сочетания слова «*мужчина*» по сравнению со словом «*Манн*», а также меньшую семантическую близость слов «*человек*» и «*мужчина*», нежели слов «*Mensch*» и «*Манн*».

При сравнении немецкого слова «*Манн*» и русского «*мужчина*» прежде всего следует отметить значительную количественную разницу. Русский язык не располагает в такой степени, как немецкий, устойчивыми выражениями, соотносимыми не только с женщиной, но и с человеком в целом. Словарные статьи со словом «*мужчина*» занимают в русских словарях значительно меньшее пространство, чем в немецких. Отсутствуют соответствия полусуффиксу *-манн* и местоимению «*тап*». Типичное для русского языка большое количество неопределенно-личных и безличных предложений, где подлежащее отсутствует, и которые могут быть отнесены к любому лицу (*выше головы не прыгнешь*) также, по нашему мнению, снижает маскулинность языка. Слово «*человек*» в русском языке не вполне применимо не только к женщинам, но и далеко не во всех случаях может заменить собой слово «*мужчина*»:

(1) Он интересный *мужчина*. (2) Он/она интересный *человек*.

Пример (1) подчеркивает привлекательные для противоположного пола качества, тогда как пример (2) может относиться к лицам любого пола, акцентируя личностные качества, не связанные с полом референта.

Сопоставление словарных дефиниций лексических единиц «человек», «мужчина» и «Mensch», «Mann» приводит к выводу о том, что немецкие словари в значительно большей степени, нежели русские, дефинируют мужчину как лицо активное, более сексуализованы и подчеркивают его производящую функцию (das zeugende, befruchtende Geschlecht). Слово «мужественность», в отличие от его немецкого соответствия «Männlichkeit», трактуется словарями лишь в переносном смысле как отвага, храбрость, тогда как немецкие словари и в этом случае акцентируют физиологические аспекты.

Женственность интерпретируется как мягкость, нежность, соотносят ее с лицами женского пола. Кроме того, женщинам приписывают некоторые особые черты, отличающие их от мужчин не в физиологическом, а в личностном плане. Главным образом это касается интеллекта и характера. В несколько большей степени «женщина» сочетается со словами, относящимися к обозначению внешности и возраста. Однако и «мужчина» имеет ряд типичных сочетаний, также определяющих его с позиции внешности и возраста. Далее, анализ лексикографических трудов позволяет увидеть отсутствие абсолютно полярной оппозиции. Многие синтагматические связи рассматриваемых единиц лексикона идентичны.

На основании материалов словарей можно с известной долей осторожности сделать вывод о меньшей представленности в языке слова «мужчина», нежели слова «женщина». Однако это предположение требует дальнейшей проверки. Так, слово «мужик», помеченное в словарях как просторечное, по нашим наблюдениям, в последнее время употребляется в устной неофициальной речи весьма часто. Оно также имеет большее количество дериватов: *мужичок, мужицкий, мужичонка, мужиковатый, по-мужицки* и т. п. Но и «мужик» не обнаруживает такой широкой распространенности в лексиконе русского языка, как «Mann» – в лексиконе немецкого.

2. Исследование гендерного компонента в семантике английских идиом

Эта работа проделана в диссертации И. В. Зыковой¹⁰.

Обсуждая возможности гендерного анализа идиом, автор останавливается не только на правилах анализа гендера, но и на специфике анализа идиом, связанной с их семантической сложностью.

---

¹⁰ Зыкова И. В. Гендерный компонент в структуре и семантике фразеологических единиц современного английского языка. Дис... канд. филол. наук. М., 2002.

Методологическую основу работы составляют следующие положения:

1. Гендер – культурно обусловленный и конструируемый феномен, находящий отражение в языке.

2. Фразеологический состав языка отражает концептуальное содержание установок культуры.

3. Когнитивный анализ позволяет выявить и описать концептуальные основания манифестации гендера в семантике фразеологических единиц, а также обнаружить и описать ядерные и периферийные концептуальные зоны проявления гендерного фактора в языке.

Эти установки полностью соответствуют современному взгляду на гендерный концепт: сегодня речь идет не о том, как пол влияет на коммуникативное поведение и использование языка, а о том, какими средствами располагает язык для конструирования гендерной идентичности, в каких коммуникативных ситуациях и типах дискурса и с какой интенсивностью совершается конструирование, какие экстра- и интралингвистические факторы воздействуют на этот процесс. Осознание этого поворота влечет за собой изменение фокуса изучения социокультурной специфики пола и обращение к особенностям языковой системы, что и предпринимает автор исследования.

Цель исследования – рассмотрение способов и особенностей реализации гендерного фактора в процессе становления фразеологического значения и определение его роли в структуре и семантике идиом¹¹.

Следующим шагом в развитии названной темы становится введение в лингвистическое описание понятийных величин, позволяющих описать гендерный аспект изучаемого явления. Такими понятиями становятся *гендерный компонент*, *гендерная маркированность* и *гендерная референция*.

Понятие *гендерной маркированности* вводится в лингвистическое описание для того, чтобы обосновать критерии отбора языковых единиц, которые исследователь считает необходимым включить в выборку, подвергающуюся дальнейшему анализу. Поскольку создание выборки является неотъемлемой частью исследования, если оно предполагает анализ аккумулированных в языке единиц (идиом, пословиц, поговорок и т. д.), критерии их отбора приобретают особую значимость.

Как правило, в трудах, посвященных анализу такого рода, указывается, что отбор материала производился по формально-се-

¹¹ Там же. С. 7.

мантическому критерию, т. к. гендерно значимому материалу относятся фразеологические единицы, в которых «эксплицитно или имплицитно присутствует гендерная семантика»¹². Этот подход конкретизирован в исследовании И. В. Зыковой, которая также ставит вопрос о том, каким образом фиксируется гендерный компонент в идиоматических выражениях, является ли он частью структуры или семантики идиом. Сверхсловный характер идиом позволяет говорить о том, что маркерами гендера могут выступать как их структурные элементы (слова-компоненты фразеологических единиц и обозначающие одушевленное лицо мужского или женского пола), так и смысловые компоненты семантики идиом. На основании этого И. В. Зыкова предлагает различать гендерную маркированность в плане выражения и в плане содержания идиом, вследствие чего выявляются «два возможных критерия отбора фразеологического материала для исследования гендерного фактора: 1) материал отбирается по гендерным маркерам семантики, то есть отбираются фразеологизмы, в дефиниции которых есть слова, указывающие на лицо мужского и/или женского пола (*семантический принцип*); 2) материал отбирается по гендерным маркерам структуры, то есть отбираются идиомы, опорными компонентами структуры которых являются слова, обозначающие лицо мужского и/или женского пола (*структурный принцип*)»¹³. Сам факт наличия гендерной маркированности предполагает и наличие в структуре и семантике гендерно значимых идиом некоего «ядра» – компонента, относящегося к лицам определенного пола. Такой компонент И. В. Зыкова предлагает назвать гендерным компонентом. Необходимо сделать оговорку, что введение термина «гендерный компонент» предполагает, что вводимый термин с необходимостью должен коррелировать с моделью фразеологического значения, в рамках которой ведется исследование. Этот факт касается не только рассматриваемых нами примеров, но имеет характер принципа исследования любых единиц языка и связан с общелингвистическими методами.

Гендерный компонент выделяется на основе концепции В. Н. Телия¹⁴, которая предлагает следующую модель фразеологического значения: семантическая структура идиомы может быть

---

¹² Кириллина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999. С. 123.

¹³ Зыкова И. В. Указ. соч. С. 30.

¹⁴ Телия В. Н. Функционально-параметрическая модель значения идиом // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для машинного фонда русского языка: Материалы к методической школе-семинару. М., 1988. С. 18–35.

представлена в виде иерархически организованной системы макрокомпонентов значения. К их числу относятся:

Дескриптивный макрокомпонент, отражающий соотносительность обозначающего идиомы и обозначаемой ею действительности. Он описывает логико-понятийный аспект действительности. Это базовый, «фундаментальный» макрокомпонент, на котором выстраиваются остальные макрокомпоненты и грамматическая конструкция идиомы.

Оценочный макрокомпонент, содержащий информацию о ценности обозначаемого идиомой для данной лингвокультурной общности в соответствии с ценностно ориентированной (по положительным и отрицательным оценкам) шкалой стереотипов и норм, принятой в картине мира данной национально-культурной общности.

Мотивационный макрокомпонент, соответствующий понятию внутренней формы, т.е. отражающий образное основание идиомы. Он обозначает образ, адекватный возможному положению дел в мире реальном.

Эмотивный макрокомпонент объединяет в себе информацию, содержащую сведения об эмотивной окраске значения идиомы. Под эмотивностью понимается способность языковых сущностей семантически отображать эмоциональное в своей основе и социально осознанное чувство-отношение к обозначаемому, выражаемое в диапазоне одобрения/неодобрения.

Стилистический макрокомпонент выполняет двойное назначение – нормативно регламентирует выбор фразеологической единицы из множества возможных и, указывая на социально-ролевые отношения коммуникантов, способствует усилению (или диссонансу) эмотивной модальности.

Грамматический макрокомпонент – совокупность всех сведений о фонетических, морфологических и синтаксических формах фразеологических единиц и о содержании этих форм.

На основе описанной модели И. В. Зыкова предлагает выделить также гендерный макрокомпонент в семантике фразеологизмов, «который, накладываясь на дескрипцию, способствует адекватному отображению идиомами культурных концептов феминности и маскулинности, их языковому выражению, в частности, а также раскрывает неодинаковое их воздействие на концептуализацию гендера в сознании носителей языка. **Гендерный макрокомпонент** взаимодействует со всеми остальными макрокомпонентами в семантике идиомы. Он может присутствовать в дескрипции, проявляясь на основе выводного знания в эмотивном и оценочном макрокомпонентах... Сложность его анализа

заключается в том, что он может быть «рассеян» по всем остальным макрокомпонентам фразеологического значения, в случае отсутствия в дескрипции эксплицитной семы, указывающей на денотат мужского или женского пола»¹⁵. В соответствии с иерархией макрокомпонентов эксплицитное выражение гендера имеет место, если он представлен в дескриптивном (денотативном) макрокомпоненте. Имплицитно он может быть определен в ходе анализа других макрокомпонентов, среди которых основную роль играет оценочно-эмотивный компонент¹⁶.

Вводя понятие *гендерной референции*, И. В. Зыкова понимает под этим термином указание на объект, «по отношению к которому фразеологическая единица используется в конкретном акте коммуникации»¹⁷ или отнесенность фразеологизма к группе понятий, касающихся той или иной гендерной категории.

Гендерная маркированность и гендерная референция – категории нетождественные.

Автор формулирует пять задач исследования, позволяющих не только достичь цели, но и получить новые данные о влиянии гендерного фактора на структуру и семантику идиом. Не менее значим и обратный процесс: лингвистические данные, полученные в диссертации, раскрывают механизмы конструирования гендера, то есть эксплицируют роль языка в процессе конструирования мужественности и женственности.

Задачи формулируются следующим образом:

- рассмотрение различных подходов к изучению гендера в лингвистических исследованиях;
- выявление способа выражения гендерного компонента в структуре идиом и определение его системных характеристик;
- определение семантической природы гендерного компонента и особенности его формирования в процессе фразеологизации;
- рассмотрение роли внутренней формы идиом в репрезентации основных категорий гендерной парадигмы;
- определение роли гендерно маркированных фразеологических образований в процессе передачи и хранения социокультурной информации в информационной базе английского социума¹⁸.

Структура диссертации соответствует логике авторской концепции, построена по принципу «от общего к частному» и освещает: возможности когнитивного подхода в лингвистической

¹⁵ Зыкова И. В. Указ. соч. С. 37–38.

¹⁶ Там же. С. 38.

¹⁷ Там же. С. 34.

¹⁸ Там же. С. 7.

гендерологии, специфику реализации гендерного компонента во фразеологических единицах с именами собственными и гендерный аспект идиом с маркером – именем нарицательным. Реализация исследовательской цели проводилась на материале современных фразеологических словарей методом сплошной выборки.

Первым этапом работы стало выявление того, какие понятия фразеологической теории и какие составляющие фразеологического фонда наиболее информативны с точки зрения гендерного подхода. К ним автор относит: структурные особенности рассматриваемого типа фразеологических единиц (ФЕ), семантическую специфику, концептуальные основания формирования семантики данного класса, гендерную референцию идиом разных функциональных классов, субстантивные идиомы, где отдельно рассматриваются обозначение лица и обозначение не-лица.

Далее каждый класс ФЕ анализируется строго по названным параметрам.

После работы с категориальным аппаратом диссертации и описания методики работы автор переходит к собственно лингвистическому анализу, развернутому в главах второй и третьей.

Существенным достоинством исследования представляется подход к изучению гендерного аспекта идиом с учетом их структурных особенностей. Так, автор устанавливает, что гендерная маркированность может быть «локализована» как в плане выражения, так и в плане содержания фразеологических единиц. С точки зрения структуры диссертантка выделяет следующие классы:

1. ФЕ с именем собственным;
2. ФЕ с именем нарицательным, которые делит на подклассы:
  - ФЕ с терминами родства;
  - ФЕ с антропометрическими лексемами;
  - ФЕ с агентивными существительными.

Анализ ФЕ с именами собственными проводится по следующей схеме:

1. Общая характеристика идиом с именами собственными, в рамках которой рассматриваются гендерная асимметрия идиом с ономастическим компонентом, деривационные особенности английских имен собственных в структуре гендерно маркированных ФЕ и этимологические характеристики имен собственных в структуре гендерно маркированных ФЕ.

Детальный и разносторонний анализ позволил автору выявить, что во ФЕ с женскими именами более явственную фразеологическую активность проявляют формы на -y (Nelly): not on your Nelly (презрительный отказ), Annie Oakley (бесплатный билет, контрамарка). Автор объясняет этот факт тем, что «уменьшительные

формы на -у несут иную дополнительную нагрузку, по сравнению с сокращенными формами. Если вторые служат целям языковой экономии, то первые выражают субъективную оценку: они могут указывать на презрение, насмешку или на снисходительное, не-серьезное отношение к индивиду как к существу более слабому, или могут употребляться как средство передачи ласки и симпатии. В любом случае предпочтение употребления форм вторичной деривации по отношению к женщине, а не к мужчине, смещает центр гендерной асимметрии а пользу последних и определяет андроцентричный характер морфологических изменений антропонимов в структуре гендерно маркированных ФЕ»¹⁹.

Анализ этимологии имен собственных, входящих в состав ФЕ, показал, что наиболее активны имена заимствованные, т.е. имена с непрозрачной для носителя языка внутренней формой, что снижает акцентуацию гендерных различий.

2. Анализ семантических особенностей имен собственных в составе идиом.

Особое внимание автор обращает на коннотации, свойственные антропонимам, т. е. на их аллюзивный потенциал, соотнося его с энциклопедическими знаниями – осведомленностью «не только относительно референциальной соотнесенности ИС и его системного значения, но и относительно его когнитивного ореола – характерных качеств, свойств, основных событий, связанных с этим именем»²⁰. Величина аллюзивного потенциала влияет на переход ИС в имена нарицательные и напрямую, как считает автор, связано с социально-эмоциональной оценкой имени. Анализ развития аллюзивного потенциала позволил исследовательнице заключить, что «аллюзивный потенциал единичных ИС может усиливаться, что приводит к формированию чрезвычайно устойчивой коннотации и «стиранию» гендерной референции имени. Усиление аллюзивного потенциала ономастического компонента и его переход в устойчивую коннотацию приводит к тому, что на основе актуализации какой-нибудь основной, наиболее типичной для данного референта ИС черты, появляется возможность употребления этого имени по отношению к денотату противоположного пола, поскольку во главу угла ставится качественная характеристика с преобладающим коннотативным значением, а не гендерная референция денотата»²¹. В ходе семантического анализа И. В. Зыкова рассмотрела далее вопрос о переходе ИС в разряд апеллятивов.

¹⁹ Там же. С. 63–64.

²⁰ Там же. С. 71.

²¹ Там же. С. 72.

3. Исследование гендерного аспекта идиом с именами собственными.

Автор и в этом случае исходил из структурных особенностей исследуемого материала, выделив в нем ФЕ субстантивные, глагольные, адъективные, адverbиальные и коммуникативные (поговорки и пословицы). Рассмотрев функционирование в ИС в составе идиом, И.В. Зыкова получила важные результаты: обнаружилось, что чем выше аллюзивный антропоним в составе ФЕ, тем ниже вероятность нейтрализации гендерной референции.

4. Выявление фразеосемантических областей, в которых отражаются наиболее типичные представления данного языка о мужественности и женственности, т. е. установление области их концептуализации.

Так, для мужественности основные фразеосемантические области – это черты характера, склонности, качества; поступки, поведение, образ жизни; профессиональная деятельность; умственная или физическая неполноценность; внешность; девиантное поведение; прозвища. Для референта-женщины выявлены следующие фразеосемантические области: внешность, умственная недостаточность, прозвища²².

5. Анализ идиом с маркером – именем нарицательным.

Отдельно исследуются ФЕ с терминами родства, ФЕ с антропометрическим лексемами и ФЕ с агентивными существительными. Исследование последней группы показало, что гендерная отнесенность подтверждена своего рода «коррозии» и в большей степени связана не со значением агентивного существительного, входящего в состав ФЕ, а с выводными знаниями, с концептуальной картиной мира англоговорящего сообщества.

Таким образом, И. В. Зыкова выявила и сформулировала ряд закономерностей, значимых не только для изучения фразеологии, но и для общей междисциплинарной теории гендерных исследований. Так, установлено, что гендерная соотношенность идиом «локализуется» в их сигнификативной составляющей, установлено соотношение аллюзивного потенциала единичных имен собственных и интенсивности гендерной референции, которая, в свою очередь, интерпретируется как частичная или полная, или косвенная; обнаружена взаимосвязь между аллюзивным потенциалом ФЕ, образованием устойчивой коннотации и ослаблением гендерной референции антропонимов. Показано также влияние экстралингвистических факторов и выводного знания

²² Там же. С. 85–86.

на степень гендерной специфики ФЕ; обнаружено явление гендерно специфичной лакунарности в различных семантических областях фразеологического фонда английского языка и объяснены причины его возникновения.

Рассматриваемое исследование убедительно показывает, что, в отличие от других компонентов, гендерный не является постоянно присутствующим, а также подвержен «коррозии», вызванной социальными изменениями полоролевой дифференциации, что, особенно четко продемонстрировано в разделе, посвященном ФЕ с агентивными существительными.

3. Исследование гендерной концептосферы современного русского анекдота²³

Исследование Г. Г. Слышкина относится к трудам, лежащим в русле лингвокультурологии. Структура работы такова:

- лингвокультурные концепты;
- смеховые тексты;
- гендерная концептосфера;
- выводы.

Действуя по указанному плану, автор определяет лингвистическое направление, научную модель, в рамках которой проводится исследование, и понятийный аппарат. «В данной работе концепт будет пониматься как многомерная ментальная единица с доминирующим ценностным элементом»²⁴. Характеризуя научную модель культурного концепта, автор описывает ее основные черты – наличие: а) множества «входов» – единиц языка и речи; б) мировоззренческих и утилитарных концептов как отражение различных ценностных установок.

Различным концептам соответствуют, как считает автор, различные типы текстов. Так, для изучения утилитарных концептов, следует обратиться к текстам повседневной коммуникации. Поэтому следующая часть исследования посвящена характеристике одного из видов повседневной коммуникации – смеховым текстам (анекдотам).

На следующем этапе работы вводится новое понятие, позволяющее предпринять гендерно ориентированный анализ материала, – «гендерная концептосфера». Необходимо обратить вни-

---

²³ Слышкин Г. Г. Гендерная концептосфера современного русского анекдота / Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации: Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002. С. 66–73.

²⁴ Там же. С. 66.

вание читателя на то, что новое понятие вводится в развитие уже имеющегося – «концептосфера»: «Совокупность концептов, объединенных на основании того и ли иного признака, обозначается термином «концептосфера». Например, по тематическому признаку в ценностной картине мира могут быть выделены этическая, религиозная, юридическая и прочие концептосферы. Одной из тематических концептосфер является гендерная концептосфера, включающая гендерные концепты...»²⁵.

Следующим шагом стало обоснование отбора лексических единиц, которым приписывается функция «входа» в гендерный концепт: «... мы будем исходить из того, что каждый фигурирующий в анализируемых текстах человеческий персонаж может быть классифицирован на основании гендерной принадлежности... В тех случаях, когда род существительного не давал достаточных оснований для определения пола объекта (например, названия ряда профессий и должностей не имеют формы женского рода или эта форма малоупотребительна), суждение делалось на основании родового окончания глагол в прямой речи самого персонажа (например: *У меня есть идея получше, – отвечает директор. – Сколько стоит ваш сын? Я бы купил его для своего зоопарка...*) или на основании опроса респондентов о восприятии данного персонажа»²⁶.

После обоснования критериев отбора приводится список лексических единиц, ставших входами в концепты «мужчина» и «женщина». Автор отдельно отмечает их расположение в структуре смехового текста – его вводной части, где впервые упоминается персонаж анекдота и сосредоточены его классификационные признаки.

Автор обнаружил следующие входы в концепт «мужчина»: «мужик (20), муж (18), «новый русский» (15), наркоман (7), больной (5), грузин (5), доктор (5), врач (4), профессор (4), сын (4), бож (3), маленький мальчик (3), отец (3), пациент (3), продавец (3), друг (2), инженер (2), молодой человек (2), президент (2), Путин (2), сосед (2), старик (2), старый еврей (2), чукча (2), администратор, алкаш, ассистент, бармен, Брынцалов, Ваню, ведущий, Вицин, владелец, Вовочка, воздушный гимнаст, гангстер, генерал, гомосексуалист, граф Толстой, дед, денщик, директор банка, директор зоопарка, жених, Жириновский, Змей Горыныч, Илья Муромец, инвалид, иностранец, Калигула, кладбищенский смотритель, клиент, компьютерщик, лесник, людоед, милиционер, мой маленький

²⁵ Там же. С. 67.

²⁶ Там же. С. 68.

[ребенок], молодой матрос, молодой мужик, молодой рабочий, Моргунов, моряк, мужичок, мужчина, налоговый инспектор, негр, Никулин, он, онанист, официант, Паваротти, папа, папаша, парень, печник, полисмен, поп, поручик Ржевский, проводник, пьяный, пьяный мужик, санитар, сельчанин, сердечник, слесарь, Сосо, старикашка, студент, султан Брунея, твой [муж], токсикоман, хозяин дома, цыган, Чашкий, Шафутинский, шотландец.

Всего осуществлено 192 апелляции, для чего использовано 96 различных лексических единиц.

Входы в концепт «женщина»: жена (30), женщина (11), дама (4), девушка (3), медсестра (3), подруга (3), мама (2), продавщица (2), соседка (2), теща (2), учительница (2), английская королева, беременная женщина, богатая дама, девица, девка, дочка, кассирша, любовница, молодая женщина, молодая супруга, молоденькая, невеста, нянечка, пенсионерка, пьяная женщина, сестра, старушка, телка, хозяйка дома, эта.

Всего осуществлено 95 апелляций, для чего использовано 33 различные лексические единицы»²⁷.

На основании полученных данных автор делает вывод, что прототипическим лицом для русского анекдота является мужчина. Анализ употребления гендерно симметричных пар слов (*мужчина – женщина; мужик – баба*) в текстах анекдотов позволил исследователю констатировать: «... мы можем отметить отсутствие в анекдотах явной негативной экспрессии, которой обычно характеризуется просторечный сектор идеографического поля «женщина»²⁸.

На завершающем этапе исследования Г. Г. Слышкин анализирует дополнительные характеристики концептов «мужчина» и «женщина» и представляет их в виде следующих таблиц²⁹:

Концепт «женщина»

Дополнительная характеристика	Средства апелляции	%
Семейно-родственные отношения	Жена (30), мама (2), теща (2), дочка, молодая супруга, невеста, сестра	40
Профессия, должность	Медсестра (3), продавщица (2), учительница (2), английская королева, кассирша, нянечка	10,5
Возраст	Девушка (3), девица, девка, молодая женщина, молодая супруга, молоденькая, пенсионерка, старушка	10,5

²⁷ Там же. С. 69.

²⁸ Там же. С. 70.

²⁹ Там же. С. 71.

Концепт «мужчина»

Дополнительная характеристика	Средства апелляции	%
Профессия, должность	Доктор (5), врач (4), профессор (4), продавец (3), инженер (2), президент (2), администратор, ассистент, бармен, ведущий, воздушный гимнаст, гаи-стер, генерал, денщик, директор банка, директор зоопарка, кладбищенский смотритель, компьютерщик, лесник, милиционер, моряк, молодой матрос, молодой рабочий, налоговый инспектор, официант, печник, полисмен, поп, проводник, санитар, слесарь, студент, султан Брунея	24,5
Семейно-родственные отношения	Муж (18), сын (5), отец (3), дед, жених, папа, папаша, твой [муж], мой маленький	16,7
Имущественное положение	«Новый русский» (15), бомж (3), инженер (2)*	10,4
Возраст	Вовочка, маленький мальчик (3), молодой человек (2), старик (2), старый еврей (2), молодой матрос, молодой мужик, молодой рабочий, парень, старикашка	7,8
Пороки	Наркоман (7), алкаш, гомосексуалист, онанист, пьяный, пьяный мужик, токсикоман	6,8
Национальность	Грузия (5), старый еврей (2), чукча (2), цыган, шотландец	5,7
Состояние здоровья	Больной (5), пациент (3), инвалид	4,6

* Контексты, в которых фигурирует данная лексема, доказывают, что инженер в смеховых текстах русской культуры – олицетворение бедности.

На основании данных таблицы в завершающей части исследования делаются выводы о реализации гендерной асимметрии, а затем дается обобщающее заключение:

Гендерная концептосфера, отражаемая русским анекдотом, может быть моделирована следующим образом:

«**Вывод.** В пространстве смеховой культуры действуют разнополая пара объектов *мужик* (одобрительно-фамильярная идентификация) и *женщина* (нейтральная идентификация). Связь между этой парой чаще всего носит брачный характер и описывается асимметрично как *мужик и его жена*. В сфере общественного бытия *мужик* выступает как деятельное начало, выполняет как обыденные, так и экзотические трудовые функции, занимает разнообразные ступени социальной иерархии. *Женщина* социально малодетельна, круг ее трудовых функций ограничен, иерархическое положение низко. *Женщина* чаще

выступает как объект, а не субъект деятельности. *Мужики* делятся по национальному признаку, каждая национальная группа обладает уникальным набором ментальных и поведенческих черт. Среди *женщин* не наблюдается выраженного национального членения, каждая *женщина* обладает лишь набором ментальных и поведенческих характеристик, свойственных *женщине*. Иначе говоря, женщина – одновременно и пол, и национальность. Возрастное членение присутствует в обеих гендерных группах, но для *женщины* оно важнее. *Мужик* часто демонстрирует склонность к социально неодобряемым и биологически разрушительным видам деятельности и патологиям (наркомании, пьянству, сексуальным извращениям), а также слабость здоровья. *Женщине* все это не свойственно.

Разумеется, данная модель не претендует на отражение всех актуальных для утилитарно-бытового сознания гендерных характеристик и нуждается в дальнейшем развитии³⁰.

4. Имена собственные как источник гендерно значимой информации

Для обоснованных заключений о специфике ГС в языке необходимо изучение такого фрагмента лексической системы языка, единицы которой были бы употребительны, с одной стороны, и семантика которых была бы связана с личностными качествами референта – с другой. Такими единицами являются имена собственные, позволяющие классифицировать себя в первую очередь как мужские и женские. Имена собственные могут быть изучены в гендерном аспекте с разных точек зрения и с применением не только семантического, но и статистического, социолингвистических методов, метода исследования внутренней формы. Результат анализа с применением каждого из названных путей могут затем быть сопоставлены, что позволяет – в случае совпадения выводов – повысить валидность данных.

Рассмотрение личных имен очень показательно для анализа гендерной стереотипии в культурном контексте того или иного языка. На высокую информативность имен собственных (ИС) указывают практически все авторы, когда-либо ими занимавшиеся. Подходы к изучению имен собственных отличаются большим разнообразием³¹. Для исследования гендерных аспектов ономастики особенно существенные следующие моменты:

³⁰ Там же. С. 72.

³¹ *Бондалетов В. Д.* Русская ономастика. М., 1983.

1. Сходства и различия в семантике мужских и женских имен как внутри одного языка, так и в сопоставлении с другими языками. В этой связи необходимо хотя бы в общих чертах проследить историческое развитие, этимологию имен собственных, соотнести ее с условиями культурного развития народа и его мифопоэтической картиной мира, где имена играют важную роль.

2. Новый путь исследования, указанный А. Вежбицкой³² и состоящий в описании прототипического употребления полных и уменьшительных форм имени с позиции таких значимых экзистенциальных факторов, как пол и возраст. Этот путь предполагает синхронный подход к описанию личных имен.

3. Статистический анализ репертуара ИС.

Изучение образного основания ИС (внутренней формы) позволяет проследить отражение мифопоэтической картины мира народа и место в ней гендерных представлений³³. Необходимо при этом, как и при изучении иных фрагментов системы языка, учитывать общие лингвистические характеристики объекта исследования.

4.1. Ономастика с позиции мифопоэтической картины мира

Общие подходы к анализу ИС

Распространено мнение, что имена собственные, в отличие от нарицательных, имеют ослабленное, или «редуцированное», значение и потому должны квалифицироваться как «пустые знаки, ярлыки»³⁴. С другой стороны, им присуща «гипертрофированная номинативность» и обусловленная ей особая конкретность³⁵. С этим можно согласиться, если принять, что «в современном демифологизированном обществе» имена действительно выполняют основную номинативную функцию³⁶. Однако семантическая прозрачность, которую многие ИС сохранили до сегодняшнего дня, все же отсылает к определенному участку картины мира, который мотивировал возникновение данного ИС. Об этом свидетельствует, в частности ряд фактов, установленных в исследованиях по ономастике:

³² Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.

³³ См.: Кириллина А. В. Мужские и женские имена в межкультурном сравнении // «Лингваин-98». Третья международная конференция ЮНЕСКО. Москва, 3–7 июня 1998. М., 1998. С. 327–339.

³⁴ Бондалетов В. Д. Указ. соч. С. 22.

³⁵ Там же.

³⁶ Топорова Т. В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996. С. 6.

1. В числе причин, обусловивших мену имен, находится и неудовлетворительная для носителя ИС семантика имени. В таких случаях могут иметь значение ассоциации, вызываемые нарицательным употреблением ИС, народная этимология, возможная в ИС типа *Сила*, *Карп* или в уменьшительных формах *Груша*, *Луна*, *Елка*³⁷.

2. В течение длительного времени после принятия христианства на Руси сохранялась традиция давать ребенку два имени – крестильное (каноническое, взятое из святцев) и мирское (по происхождению славянское, с осмысленной внутренней формой). Крестильное имя не выбиралось, а мирское могло быть дано не только при рождении, но и на третьем или седьмом году жизни в соответствии с усмотренными в ребенке способностями или иными лично значимыми факторами³⁸.

3. О значимости личностных факторов в процессе наречения говорят и прозвища, до сих пор распространенные в русских деревнях (заметим, что вопрос о разграничении имен и прозвищ до сих пор представляется неразрешенным).

4. Ряд значимых семантически имен (*Ненаш*, *Продан*, *Найден*, а также имена, связанные с названием птиц, считались оберегами от болезней и неприятностей³⁹.

5. Семантика имени в мифопоэтической традиции не оторвана от современного мышления. Как показали исследования, дети раннего возраста обнаруживают явную мифологичность мышления (рассматривают все слова языка как имена собственные,) «отождествляя процесс познания с процессом номинации»⁴⁰. Р. О. Якобсон обращал внимание на то, что ИС первыми приобретаются ребенком и последними утрачиваются при прогрессирующей афазии. Дополнительным подтверждением онтологичности мифопоэтического сознания можно считать установленный В. Н. Топоровым факт. ИС – это «один из неявных способов обеспечения устойчивости передачи сообщения во времени»⁴¹.

---

³⁷ Успенский Б. А. Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // *Избранные труды*. Том II. Язык и культура, 2-е издание. М., 1996. С. 187–202

³⁸ Там же.

³⁹ Успенский Б. А. Указ. соч. С. 190, 192.

⁴⁰ Успенский Б. А. Миф – имя – культура // *Избранные труды*. Том I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 440.

⁴¹ Топоров В. Н. Об одном способе сохранения традиции во времени: имя собственное в мифопоэтическом аспекте // *Проблемы славянской этнографии*. Л., 1979. С. 142.

Так, ИС появляются в фольклорных текстах, не имеющих прямой связи с одноименными мифологическими персонажами (первоименами).

6. Становясь побратимами, люди менялись именами, символически передавая друг другу часть своей идентичности⁴².

Таким образом, наречение именем мифологического персонажа обеспечивает преемственность традиции и передачу культурных моделей. Изложенное дает основание отнести к этимологии и семантике ИС самым серьезным образом, тем более, что помимо названных аспектов ИС четко отражают экзистенциально существенный фактор человеческого бытия – пол.

Названные особенности процесса наречения свидетельствуют о том, что «внутренняя форма» безразлична для носителя имени не только в архаическом сознании.

Таким образом, исследование влияния мифопоэтической картины мира проливает свет и на процессы восприятия ИС в сознании наших современников. Вместе с тем, как показало экспериментальное исследование О. Мошаровой (рукопись), внутренняя форма ИС не всегда имеет первостепенное значение в сознании современных носителей языка. Так, опрос немецких информантов показал, что имя Waltraut ассоциируется не с образным основанием, а со сходной в фонетическом отношении фразой «eine, die sich in den Wald traut», а имя Edelgard воспринимается не с точки зрения семантики военной метафоры: носительница такого имени представляется информантам очень пожилой женщиной, что связано с устареванием самого ИС и выходом его из числа популярных и распространенных.

В древнем мифопоэтическом мышлении личным именам, которые возникли значительно раньше фамилий и тем более отчеств (там, где они вообще имеют место) отводилась чрезвычайно важная роль; часто имя рассматривалось как определяющее судьбу его носителя. «Наречение именем новорожденного принимает форму отгадывания сущности или ср. Возможность понимания первого элемента в индо-европейском слове для имени * p-ten как “в, внутри”»⁴³.

В архаической модели мира имя и природа его носителя тождественны, из чего следует, что функция называния креативна и сопоставляет процесс созидания и номинации. Таким образом, имя

⁴² Сутеранская А. В. Структура имени собственного (фонология и морфология). М., 1969. С. 39.

⁴³ Топорова Т. В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996. С. 6.

активно воздействует на человека, предопределяет его судьбу, т. е. оно «первично по отношению к объекту»⁴⁴.

В сфере ономастики тесно взаимодействуют язык и культура, отражаются понятия, имеющие для народа, говорящего на данном языке, наивысшую ценность. В ИС фиксируются стереотипы феминности и маскулинности, свойственные всем культурам, но по-разному акцентированные в каждой из них. В ряде языков внутренняя форма ИС сохраняет прозрачность и в настоящее время, что позволяет анализировать не только древнейшие именования, но и исследовать современные ИС. Приведем пример выявления некоторых гендерно обусловленных закономерностей, обнаруживаемых казахскими именами собственными⁴⁵.

4.2. Казахские имена собственные

Казахские ИС претерпели несколько этапов развития, связанные со сменой религии и социальными потрясениями:

1. V–X вв. Древнетюркская эпоха, язычество.

2. X–XIII вв. Конкуренция древнетюркских и исламских (арабских) имен.

3. XIII–XIX вв. Параллельное функционирование тюркских, арабских имен и активное заимствование русских (с соответствующей их аккомодацией).

4. После 1917 г. большое разнообразие, обновление семиотики ИС наряду с сохранением традиционных ИС.

В двучленных казахских ИС основное лексическое значение имеет второй компонент. Внутренняя форма ИС прозрачна. Для мужских имен характерен второй формант *-бай*, *-бек*, указывающие на высокий социальный статус. Для женских типичны компоненты *-гуль* (*-куль*), *-кен*.

Выделяя среди прочих ИС дезиративы, то есть имена-пожелания (по В. А. Никонову⁴⁶), Г. Кульдеева устанавливает, что для мужских имен характерно использование следующих основ:

1) *емен* (дуб), *балат* (сталь), *темир* (железо), то есть предметов крепких и прочных;

2) названий сильных животных и птиц – *арстан* (лев), *сункар* (сокол), *аго* (медведь);

⁴⁴ Там же. С. 8.

⁴⁵ По материалам исследования Г. И. Кульдеевой «Тематический анализ личных имен казахов г. Кызыл-Орда и его окрестностей» (Казань, 1993. Деп. ИНИОН РАН: 49014 от 14.03.94).

⁴⁶ Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974.

3) профессий, ремесел, чинов, должностей, отражающих высокий социальный статус, – *-султан, -мырза, -хан* (ср.: *Нурсултан*).

Одно и то же намерение, например, пожелание богатства, получают в мужском и женском варианте разное означивание. Мальчиков называют, используя основу *-бай*. Женские имена с такой основой не встречаются. «Девочке так непосредственно богатства не желали, так как ее благополучие зависело от семьи, в которую она попадала»⁴⁷. Поэтому женские имена-дезиративы относятся к семантическому полю «красота» – *сулу* (красивая): *Сулу, Сулухан; зйба* (от ир. *Зебо* – «красивая»): *Зйба, Зйбагуль, Гульзйба*.

Чрезвычайно распространены женские имена с компонентом *-гуль* (цветок). Этот формант вообще является четким признаком женского имени.

Интересную закономерность обнаруживают мужские и женские имена, образованные от апеллятивной лексики: имя новорожденному могло быть дано в соответствии с событием, происшедшим в момент рождения. При этом имена, связанные с сильной природной активностью оказываются лишь мужскими: *Даул* (ураган).

Женские имена часто образованы от наименования дорогих тканей: *жйбек* (шелк) – *Жйбекгуль, мактал* (бархат) – *Мактал, Макталгуль, баршын* (парча) – *Гульбаршын, Баршынгуль*.

В основном женскими именами являются ИС, отражающие сладкий вкус: *бал* (мед) – *Балжан, Балшекер, Балбала; алуа* (халва) – *Алуа; меуз* (изюм) – *Меуз, Меузгуль; кампит* (конфета) – *Кампит*.

В сочетании с ИС, образованными от названий дорогих тканей, эти имена соотносят образ их носительниц с тактильными и вкусовыми ощущениями, что позволяет предположить ценность женщины как сексуального объекта.

Г. И. Кульдеева выделяет особую группу женских имен с компонентом *-ул* (сын): *Ултай, Улмекон, Улбосын, Ултуар, Улжан* и др. Парадоксальность такого названия объясняется казахским обычаем: «такие имена давали девочкам в семье, где не было сыновей»⁴⁸. Считалось, что таким образом можно повысить шансы, что следующим ребенком окажется мальчик. Обратного не наблюдается, что также подтверждает разную ценность для семьи детей мужского и женского пола.

В разряде имен-дезиративов гендерные асимметрии выражены менее четко. Сюда относят ИС, связанные семантически с

⁴⁷ *Кульдеева Г. И. Указ. соч. С. 2.*

⁴⁸ Там же. С. 11.

физическими особенностями новорожденного, временем и место его рождения, порядком по счету детей в семье, чувства родителей, различные события, сопутствующие появлению ребенка на свет.

Так, день недели, в который новорожденный появился на свет, отражался и в мужских, и в женских именовании. Примечательно, что в этих случаях часто мужские и женские имена идентичны:

Сисен (м. и ж.) – «Вторник»; *Сарсен* – от *сарсенби* (Среда), *Жуман* – от *жума* (пятница).

Несколько меняется семантика ИС, относящихся к внешности новорожденного. Первый формант может быть общим, а второй – гендерно обусловленным: *Калдыбай* – *Калдыгуль* (*кал* – родинка, символ удачи, везения у казахов). В случаях, когда ИС описывают внешность, компоненты «коз» (глаза), «шаш» (волосы), «талмак» (шея) встречаются только в женских именах: *Каракоз*, *Карашаш*, *Актамак*.

Имена, отражающие чувства родителей, одинаково соотносятся с детьми любого пола, сохраняя при этом в качестве второго компонента типичные форманты *-бай*, *-бек* для мужских имен и *-гуль*, *-кен* для женских: «куаныш» (радость) – *Куанышбай*, *Куанышбек*, *Куанышгуль*.

В советский период, по данным Г. И. Кульдеевой, в состав ИС стали входить заимствованные из русского языка слова: *Космосбек*. Но и в этом случае вторые компоненты как индикаторы мужественности/женственности, как правило, сохранялись.

4.3. Анализ имен собственных в синхронии

А. Вежбицкая⁴⁹ предложила прототипический способ описания значений ИС и показала, что основные прототипы (точки отсчета) этих значений связаны с такими категориями, как «пол» и «возраст». Автор считает, что принятое описание экспрессивных форм имен посредством терминов «уменьшительное», «увеличительное» или «ласкательное» неприемлемо, так как речь идет не о предметах, а о людях. В области отношений между людьми важную роль играют не размеры (большой/маленький), а категории «дети», «женщины», «мужчины», то есть статус существования, который определяется полом и возрастом. Имена и их различные формы используются для маркирования уровня

⁴⁹ См.: Вежбицкая А. Указ. соч.

отношений и для акцентуации экзистенциального статуса носителя имени, поэтому анализ ИС позволяет выявить, насколько значим в том или ином языке фактор пола.

Анализируя условия употребления разных форм личных имен, А. Вежбицкая доказывает, что в именах ряда языков важную роль играет звуковой символизм. Для мужских имен характерен конечный согласный звук, а для женских – гласный (Tom, Bill – краткие мужские имена; Penny, Cindy – женские). В значениях односложных сокращений подчеркивается «мужской» компонент. Если краткие формы женских имен образуются по мужскому типу (Pam, Kate), то это приводит к снижению их «женственности». И наоборот, мужские краткие формы с «немужской» фонетической структурой частично теряют мужской характер (Gerald – Gerry). «Тот факт, что мужские краткие формы Gerry, Terry могут использоваться для называния женщин тоже говорит в пользу именно такого понимания»⁵⁰. Ван Бурен также считает, что «уменьшительные имена имеют мужские коннотации, а ласкательные уменьшительные имена – женские, в особенности это касается взрослых имен»⁵¹. Такой же особенностью обладают и русские имена. Однако они обнаруживают еще одну закономерность, которая отличает их от многих других языков – как генетически более далеких, так и более близких.

Как установила А. Вежбицкая, в системе польских и русских ИС наряду со сходствами присутствует также важное различие: в польских личных именах четко видно противопоставление по полу, которое характерно для всей системы экспрессивного словообразования. Так, сочетание семантики силы, больших размеров и взрослости с семантикой ласкательного отношения в польском языке встречается только в форме мужских ИС на *-ch* (*Stach*).

В русском же языке имеет место иная закономерность: хотя репертуар полных мужских и полных женских имен отличается, на системе экспрессивного словообразования это почти не сказывается. Краткие формы и экспрессивные производные на *-а*, *-ша*, *-енька*, *-очка*, *-уша*, *-ушка*, *-ка* ограничений в связи с полом носителя имени не имеют, то есть могут быть и мужскими, и женскими. По способу словообразования, однако, почти все такие формы ИС относятся к женскому

⁵⁰ Вежбицкая А. Указ. соч. С. 95.

⁵¹ Van Buren H. American ways with names // Culture learning: concepts, applications and research / R. Brislin, ed. Honolulu, 1977. P. 122.

морфологическому роду – образуются при помощи суффиксов, которые сочетаются с неодушевленными существительными женского рода.

Иная картина наблюдается в польском языке: «Окончания женских имен отличаются от мужских: не считая случаев намеренного переделывания ласкательных форм, имена на *-a* (*-enka, -eczka, -ulka, -usia, -umia, -ka* и т.д.) – всегда женские, а имена на согласный (или на *-o*) – всегда мужские... в польском языке четкие формальные различия между мужскими и женскими именами сопровождаются также четкими семантическими различиями. На этом фоне русская система экспрессивного словообразования поражает своим семантическим единообразием, когда во многих случаях мужские и женские имена ведут себя практически одинаково»⁵² (выделено нами. – А.К.).

Экспрессивные формы женских имен в польском языке по своей эмоциональной наполненности превосходят мужские и отличаются по имплицативному потенциалу, т. е. симпатия, положительные эмоции соотносятся с эксплицитным указанием на пол носителя имени: формы на *-ch* выделяют мужчин в качестве объекта особых, ориентированных на мужчин положительных чувств и фиксируют «мужественность» как положительное качество (т. е. ценность, которая признается обоими полами), а формы на *-chna* выделяют женщин и девочек в качестве объекта особых положительных эмоций и фиксируют «женственность» как положительное качество (т. е. ценность, которая признается обоими полами)⁵³.

В английских экспрессивных формах ИС мужественность также является точкой отсчета, но в отличие от польских имен, она не коррелирует с симпатией. Таким образом, в английском языке отсутствуют формы имен, передающие одновременно и мужественность и теплоту, то есть эмоции.

В русском же языке ИС почти не обнаруживают корреляцию между полом и эмоциональностью. В рассматриваемом случае, как и во внутренней форме личных имен, наблюдается некоторая экспансия «женских» форм выражения. Помимо названных А. Вежбицкой примеров, существует еще диалектное употребление экспрессивных форм ИС. Так, в Сибири бытуют формы *Кольша, Ваньша* (от Николай, Иван), которым также свойственны фемининный тип словообразования и фемининный звуковой символизм.

⁵² Вежбицкая А. Указ. соч. С. 149–150.

⁵³ Там же. С. 194.

А. Вежбицкая⁵⁴ приводит лишь один пример, где имеет место экспликация мужественности: гипокористики на *-ик* или *-ок* *Светик, Юрик, Нинок.*, интерпретируя его следующим образом:

Марик, Юрик:

я испытываю по отношению к тебе какие-то хорошие чувства вроде тех, которые испытывают по отношению к маленьким мальчикам.

Светик:

я испытываю по отношению к тебе какие-то хорошие чувства.

я испытываю хорошие чувства, говоря с тобой.

я не хочу говорить с тобой так, как говорят с тобой другие люди.

я хочу говорить с тобой так, как если бы ты была маленьким мальчиком, а не девочкой.

Однако наблюдения показывают⁵⁵, что существует еще одна экспрессивная форма мужских личных имен, возникшая, видимо, относительно недавно. Впервые мы обратили внимание на ее появление в середине 80-х годов XX века, причем сфера ее употребления ограничивалась четкими возрастными рамками. Это экспрессивные формы мужских имен, оканчивающиеся на согласный: *Димон* (от *Дима*), *Костян* (от *Костя*), *Вован* (от *Вова*), *Дрон* (от *Андрей*), *Гошан* (от *Гоша*) и т. д. Показательна сфера употребления этих форм: так называют друг друга преимущественно подростки и юноши. Нам представляется, что эта форма призвана подчеркнуть достижение определенного возраста и статуса: выход из состояния детства и начало осознания своей мужественности, то есть свидетельствует о своего рода инициации. В период, когда названные экспрессивные формы вошли в обиход, автор работал в школе, где можно было легко заметить, что названные формы ИС начинали употребляться мальчиками по отношению друг к другу примерно с 5–6 класса, в возрасте 11–12 лет. Ни взрослые, ни одноклассники, как правило, такие формы ИС не употребляли. Примечательно также, что рассматриваемые формы личных имен образованы почти всегда не от полного имени, а от его общепринятой уменьшительной формы – *Вован* – от *Вова* (а не *Владимир*), – которой оказывается как бы «недостаточно». Из этого можно заключить, что в данном случае предпочтительна форма имени, в которой подчеркивается отсутствующая в «традиционной» уменьшительной форме маскулинность. Подобные формы ИС бытовали также и, видимо, имеют место и

⁵⁴ Там же. С. 125.

⁵⁵ См. *Кириллова А. В.* Семантика личных имен: гендерный аспект // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этноспецифики / Под ред. Н. А. Красавского. Волгоград, 2002. С. 135–141.

сейчас среди так называемых «новых русских», «братков» и т. п., то есть в подчеркнута маскулинных социальных группах⁵⁶.

Изложенные факты позволяют заключить, что маскулинность в экспрессивных формах русских личных имен выражается в редких случаях, а фемининность, напротив, «разлита» в них обширнее. Кроме того, даже полные формы мужских личных имен в 4 % случаев⁵⁷ оканчиваются на гласный, то есть обнаруживают фемининную звуковую символику.

4.4. Количественные показатели динамики развития репертуара мужских и женских имен собственных

Имена собственные поддаются также статистическому анализу, из которого явствует, как развивается репертуар имен, чем обусловлена его динамика и, следовательно, показателем каких процессов является сужение или расширение именника.

Чрезвычайный интерес представляет наблюдение над динамикой развития репертуара мужских и женских имен. Общей тенденцией, как видно из обсуждавшихся выше данных, для всех рассматриваемых языков стало существенно меньшее количество женских имен по сравнению с количеством мужских. В нашей стране после Октябрьской революции наблюдался обратный

---

⁵⁶ Аналогичной формы женских ИС нам обнаружить не удалось. По отношению к девочкам употребляются «традиционные» экспрессивные формы ИС; перехода к именованию, знаменующему собой некоторый новый статус, не наблюдалось. Напротив, имеет место обратная тенденция, на которую обратила внимание Т. Н. Николаева (К вопросу о названии и самоназвании в русском речевом общении // Страноведение и преподавание русского языка иностранцам / Под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. М., 1972. С. 134–150); в ситуациях неформального общения, например, среди коллег по работе, мужчин и женщин примерно одного возраста и социального статуса именуют по-разному: к женщинам дольше сохраняется обращение лишь по имени (в уменьшительной или полной форме): *Наташа, Светлана*. К мужчинам же наряду с такой формой чаще, чем к женщинам, обращаются по имени и отчеству. Аналогичная тенденция прослеживается и в общении семейных пар, достаточно хорошо друг с другом знакомых: мужчины чаще называют по имени и отчеству, а женщины – по имени. Возможно, это связано с тем, что обращение по имени и отчеству имплицитно, помимо подчеркнутого уважения и статуса, еще и определенный возрастной уровень. Согласно же гендерным стереотипам, возраст женщины подчеркивать не принято, в связи с чем при обращении отчество опускается (в последние годы, однако, в русском речевом общении снижается частотность употребления отчества). Вместе с тем, по нашим наблюдениям, экспрессивная форма имени в сочетании с отчеством (*Зюечка Васильевна*) употребительна преимущественно для обращения к женщинам.

⁵⁷ *Бондалетов В. Д.* Русская ономастика. М., 1983.

процесс. Для его анализа обратимся к данным, полученным В. Д. Бондалетовым при диахроническом изучении количества женских и мужских именовании. Автор выбрал среднестатистический город Пензу для проведения контрольных наблюдений (с середины XVIII века по середину 70-х годов прошлого века). Убедительно показано, что процессы именовании в Пензе типичны для России и потому показательны для всего состояния дел с именовании людей в стране⁵⁸. Это дает нам право считать полученные автором данные достоверными и опираться на них для производства дальнейших изысканий. Так, на основе приводимых в указанной работе фактов нами составлена таблица, отражающая количественную динамику развития мужских и женских имен:

Период	Мужские имена	Женские имена
1761-1768	90	53
1800-1810	111	69
1811-1820	150	70
1821-1830	250	110
1831-1840	сокращение (данные не приводятся)	сокращение (данные не приводятся)
1841-1850	138	84
1851-1860	192	99
1882-1892	154	97
1893-1902	138	100
1921-1930	159	179
1931-1945	52	150
40-е гг.	?	140
50-е гг.	50	87
1957-1966	48	70
1960-1969	64	108
1971-1975	80	119

Как видно из таблицы, после Октябрьской революции существенно расширился репертуар как мужских, так и женских имен, причем количество женских превысило число мужских.

⁵⁸ Там же. С. 114.

Количественное превышение женских имен прослеживается до середины 70-х годов, то есть весь охваченный таблицей советский период. Данные относительно последних двух десятилетий на сегодняшний день отсутствуют. Можно, однако предположить, что такое положение в репертуаре имен сохранялось по крайней мере до конца восьмидесятых годов, а затем начался иной процесс. Основания для такого предположения дает анализ таблицы, где резкие количественные изменения однозначно могут быть увязаны с резкими социальными переменами – последствием социальной революции.

Как отмечает Б. А. Успенский, «социальные изменения широко масштаба часто имеют своим следствием изменение (обновление) отношения к знаку. Отсюда – всевозможные попытки пересмотреть отношение между формой и содержанием в этот период, сопровождающиеся обычно резким изменением семиотичности поведения; можно сказать, что социальные реформы сопровождаются реформами семиотическими»⁵⁹. Такой процесс, по мнению автора, наиболее ярко выражается в мене имен и названий. Это соответствует действительности. Так, после революции 1917 года изменился репертуар имен: канонические, зафиксированные в святцах имена перестали быть обязательными, обнаружилось частичное возрождение славянских имен, а также самостоятельное имятворчество – часто именами становились нарицательные существительные: *Идея, Тракторина, Интернационал* и др. На наш взгляд, показателем перемен может служить не только качественное изменение именника, отражающее изменение семиотичности поведения, но и его количественный состав. Тот факт, что число женских имен, которое всегда, с древности, уступало количеству мужских (по данным письменных источников, где отражались прежде всего социально активные индивиды), резко возросло и превышало количество мужских имен весь советский период нельзя не связать с более широким участием женщин в социальной жизни страны. На наш взгляд, в постсоветский период происходит обратный процесс, о чем свидетельствуют многочисленные социологические исследования – феминизация безработицы, феминизация бедности, новые образцы женских и мужских ролей в средствах массовой информации, эротизация рекламы. Все это возрождает «традиционные» патриархальные отношения, цель которых – возвращение женщины в сферу частной жизни (в семью), исключение ее из сферы общественной. Эта трансформация происходит на фоне социальных

---

⁵⁹ Успенский Б. А. Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе. С. 189.

катаклизмов, сопоставимых по масштабу и значимости с революцией. Следовательно, надо ожидать не только изменения семиотичности поведения, но и количественных изменений в репертуаре имен. Можно также предположить, что вектор этого изменения будет противоположен вектору времен двадцатых годов нашего века, то есть что происходит уменьшение числа женских имен. Подтвердить или опровергнуть эту гипотезу могут новые данные по статистике именовании.

5. Направленный ассоциативный эксперимент по выявлению гендерных компонентов этнических представлений

Наличие гендерных компонентов теоретически обосновано и экспериментально подтверждено исследователями МГЛУ⁶⁰. Доказанность существования гендерного компонента этнических представлений позволяет проследить, общее и особенное в концептуализации своего и чужого. Полученная при этом информация позволяет уточнить содержание гендерной метафоры, т. к. этнические представления также отражают специфику маскулинности и фемининности, соотносимую в сознании носителей языка с той или иной культурой.

Описываемое исследование предварял пилотный эксперимент с участием 62 информантов, проведенный с целью уточнения исследовательского плана и решения следующих вопросов: по каким правилам должно строиться логическое сопоставление и статистические выводы; уточнения единиц анализа и глубины измерения; апробирование структурной матрицы данных.

Эксперимент, поставленный в дипломной работе Е. Титовой (рукопись), проводился в соответствии с методикой, разработанной авторами Русского ассоциативного словаря (РАС), и повторял условия пилотного эксперимента. Однако автора интересовали не все параметры, измеренные в РАС, а лишь значимые с позиции этноспецифики гендерных стереотипов, поэтому вербальные стимулы «*мужчина*» и «*женщина*», применяемые в РАС, не использовались, а стимул «*русский*», предложенный в исследовании И. М. Кобозевой⁶¹, был разбит с учетом пола и внесен в опросные листы в форме

⁶⁰ Кириллина А. В. Гендерные компоненты этнических представлений (по результатам пилотажного эксперимента) // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново. 1999. С. 46–53.

⁶¹ Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1995. № 3. С. 102–117.

«русский» и «русская» наряду со стимулами «немец», «немка». Ставилась цель не просто получить от респондентов ассоциации, связанные с абстрактной женственностью и мужественностью, но ожидалось выделение ими специфических черт, ассоциируемых с мужественностью и женственностью представителей определенной культуры, в данном случае русской и немецкой.

Информантам была предложена следующая анкета:

Спасибо за Ваше участие!

Что Вы ассоциируете с данными понятиями (пишите, пожалуйста, без длительного обдумывания):

Немец: _____

Немка: _____

Русский: _____

Русская: _____

возраст: образование (профессия): пол:

Все личные сведения хранятся в тайне.

На заполнение отводилось не более 5 минут.

Далее полученные реакции индуктивным методом группировались по семантическим полям. К одному и тому же полю автор относил однокоренные слова, разные словоформы одного и того же слова (*доброта, добрый*) и синонимы (*широкая натура, широкая душа*). Одновременно выявлялись наиболее частотные реакции, из которых были образованы отдельные группы. Таким образом, анализ был несколько упрощен, по сравнению с РАС, за счет уменьшения количества параметров измерения.

Частотность реакций высчитывалась отдельно для мужских и женских анкет, а также составлялась сводная таблица, что позволило определить среднечастотные ассоциации, например:

женщины видят себя в первую очередь так: красивая (11), умная (7), красавица (6), доброта (6), добрая (4), красота (3), целеустремленная (3), терпеливая (3), любящая (2), сильная (2), полнота (2), следит за собой (2), домохозяйка (2), мать-героиня (2), кухня (3), уборка (2), несчастная (2);

мужчины: красивая (8), красота (7), красавица (3), умная (3), «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет» (3), полная (2), доброта (2), понимание (2), простая (2), дом (2), любит семью (2), долярка (2).

Наиболее частотные реакции на стимул «немец» (без разделения респондентов по полу):

пиво (22), фашист (12), пунктуальность (11), пунктуальный (8), аккуратный (6), педант (6), война (5), толстый (5), аккуратность (5), порядок (5), точность (5), педантичный (4), расчетливость (4), расчетливый (4), Германия (4), блондин (4), сосиски (4), любитель пива (3), животик (3), дисциплина (3), скутой (3),

сакутность (2), бургер (3), экономный (2), галантный (2), деловой (2), жадный (2), жмот (2), палюта (2), талстяк (2), холодный (2) чопорность (2), чопорный (2), светлые волосы (2), рыжий (2), усы (2), высокий (3), голубые глаза (3), работающий (2), танк (2), ярмарка (2), мужчина (2), немецкий порядок (2), фашизм (2), День победы (2), иностранец (2), Баварские колбаски (2), трудолюбик (2), трудолюбивый (2) фриц (2), Гитлер (2).

Анализ проводился на материале 104 анкет. 9 анкет были отбракованы, так как информанты не реагировали словом, а описали свое отношение к стимулу в виде текста. Таким образом, в анализе участвовало 95 анкет (60 женских и 35 мужских). Все информанты проживают в Москве, русский язык является для них родным, они имеют высшее или незаконченное высшее образование. Возраст их колеблется от 17 до 60 лет, однако, подавляющее большинство информантов – люди студенческого возраста. Респонденты участвовали в опросе, как правило с большим интересом, но наблюдалось и много отказов, исходивших в основном от мужчин, чем и объясняется значительно более высокое количество женских анкет.

Полученные реакции в дальнейшем группировались по тематическим группам или семантическим полям:

Немка

Наиболее частотные реакции: некрасивая (7), аккуратная (5), аккуратность (4), фрау (4), блондинка (4), чопорность (3), дети (2), кухня (2), домохозяйка (2), хорошая хозяйка (2), жена немца (2), в очках (2), брюнетка (2), жирная (2), мужеподобная (2), рыжая (2), страшная (2), высокая (2), чистоплотная (2), экономная (2) практичность (2), приветливая (2), пунктуальная (2), пунктуальность (2), деловая (2) жадная (2), спокойная (2).

Внешность: «в теле», блеклая, белобрысая, большие глаза, большой нос либо очень маленький и красивый, веснушки, в веснушках, в фартуке, женщина с косичками, много фенечек, в одежде главное – удобство, высокий рост, вьющиеся волосы, не красится, некрасивая внешность, некрасивая фигура, никакой красоты, очки, одежда со вкусом, одета в джинсы и майку и в свободный свитер, одета в штаны, потная, с вьющимися волосами, неулыбчивая, прыщавая, с острыми чертами лица, светловолосая, следит за внешним видом, талстяк, тонкие черты лица, толлес на пляже, туфли на высоком каблучке, хорошо одевается, худощавая, широкие плечи, хорошая обувь, «корова», ухоженная, пышногрудая, большая грудь, облезлая, белокурая, крупная, загорелая.

Интеллект: интеллигентная женщина, умная, умная женщина, образована, мало ума.

Характер:

– положительные качества: активность, вежливая, деловитость, независимая, независимость, общительная, общительная, но не очень привлекательная женщина в очках и в костюме, очень аккуратная, очень экономная, сдержанная, серьезная, строгая, почетная, практичная, умеет постоять за себя, трепетная, добропорядочность, заботливая, педантичная, старательная, прижимистая, уважает, любит себя;

- отрицательные качества: властная, высокомерная, важная, наглость, грубая, грубость, балтушка, жадность, консервативность, не блестящая достоинствами женщина, неаккуратная, расчетливая, расчетливость, холодная, холодность, холодность по отношению к людям, чопорная, честолюбивая.

Семейная жизнь: с достатком в семье, с мужем, хорошее ведение хозяйства, хорошая мать, «крупная» д/хозяйка, церковь.

Отношение к жизни: карьеристка, любит добиваться своей цели, вечно чем-то занята, постоянно где-то в музеях, театрах и т. д.

Вредные привычки: куряга, много ест и много курит, пиво.

Прототипические образы: фашистка, фрейлин, пани, принцессы.

Прочее: цветочки, цветы, учительница немецкого, 35 лет, соседка по даче, смех, техно-музыка, blonde Kuh, рождественский кекс, ролики, ругань, бумажная обертка, громкий голос, занавески, крик, нижнее белье, ничего, никакая, сохранение традиций, некрасивый язык.

Затем на основе анализа тематических групп и семантических полей определялись специфические черты ассоциаций, касающихся русских, ассоциаций, относящихся к немцам, а затем проводился их сравнительный анализ, на основе которого автор пришел к следующим выводам:

1. Гендерные компоненты этнических представлений имеют место и проявляются отчетливее при осмыслении представительей собственной культуры.

2. Представители чужой культуры ассоциируются со стереотипно приписываемыми этой культуре качествами. Различия по полу выражены при этом менее явно.

3. Анализ реакций показал, что немку более, нежели русскую, ассоциируют с сексуальностью и порнографией. Однако причины этого остаются за рамками объяснительной возможности эксперимента.

4. Представители и представительницы собственного этноса оцениваются выше и подробнее, нежели мужчины и женщины чужого этноса.

5. Русской женщине не свойственна слабость; она оценивается выше русского мужчины и выше немки.

6. Исследование функционирования гендерных стереотипов в текстах российской прессы 90-х годов

Проведенное исследование⁶² основано на следующих методологических принципах:

1. Гендер – динамичный, изменчивый во времени социокультурный конструкт.

⁶² См.: Кирилина А. В. Гендерные аспекты массовой коммуникации. // Гендер как интрига познания / Сост. А. В. Кирилина. М., 2000. С. 47-80.

2. Гендер – многомерный концепт, что позволяет манипулировать им.

3. Социальный заказ и актуализация определенных гендерных стереотипов наиболее четко проявляется в текстах, направленных на коллективного адресата. К таким текстам относится в первую очередь продукция СМИ.

4. Анализ языковой объективации гендерных стереотипов в определенный период времени позволяет получить данные о концептуализации гендера.

Объектом исследования стали тексты средств массовой коммуникации (газета «Комсомольская правда»). Предмет анализа – языковая объективация гендерных стереотипов.

На первом этапе исследования обобщаются данные, касающиеся общей характеристики объекта: социальная ситуация, гендерная ориентированность постсоветской печати, общая характеристика языковых изменений текстов средств массовой коммуникации рассматриваемого периода, описание печатного издания, послужившего источником отбора языкового материала.

Этот этап является необходимой составляющей исследования так как позволяет провести дальнейшее изучение гендера в контексте общих закономерностей рассматриваемого феномена и избежать необоснованных выводов. В рассматриваемом исследовании характеристика объекта дается следующим образом:

1. В постсоветский период гендерная асимметрия усилилась, как показывают многие исследования⁶³. СМИ, реклама при всем разнообразии происходящих в них процессов обнаруживают тем не менее особенность, резко отличающую постсоветский период от советского, – эротизацию образа женщины, представление ее в образе сексуального объекта. Кроме того, изменилось количество и содержание женских и мужских журналов. В советский период основными женскими журналами были «Работница» и «Крестьянка», поднимавшие большей частью вопросы трудового законодательства, сообщавшие о выдающихся женщинах и в меньшей степени отражавших «традиционно женские» виды домашней активности, шитье, приготовление пищи и т. д.

Однако уже в 1995 г., по данным Лу Мими⁶⁴, в России выходили 53 женских журнала и почти все они посвящали свои

⁶³ Рошин С. Ю. Занятость женщин в переходной экономике. М., 1996; Воронина О. А. Гендерная экспертиза законодательства РФ о средствах массовой информации. М., 1998; Гаспарян Ю. А. Семья на пороге XXI века (социологические проблемы). СПб., 1999.

⁶⁴ Лу Мими. Женская печать (эволюция, типологические структуры в условиях реформирования общества). Дис... канд. филол. наук. М., 1998.

страницы так называемой «женской проблематике» – семье, косметике, рукоделию и т. п. Из таблиц, приводимых Лу Мими⁶⁵, явствует, что женские издания наиболее активно освещают роль женщины как воспитательницы детей и хранительницы домашнего очага. Примерно половина изданий не исключает из своего содержания вопросы общественной активности, самореализации, но они не находятся на первом плане и уступают андроцентричному взгляду на женщину. Мужские журналы («Андрей», «Медведь», «Playboy») имеют совершенно четкую андроцентричную ориентацию. Обобщающий анализ гендерно-специфических изданий, как в работе Лу Мими, не является единственным возможным способом выявления ГС в прессе. Не менее интересен и результативен анализ отдельных изданий, дающий более детальную картину манифестации ГС и позволяющий более точно установить, как тематику материалов, так и их языковое оформление.

2. Функционирование языка в прессе соответствует общему состоянию русского языка постсоветского периода, характеризующемуся отменой цензуры, и некоторой вульгаризацией⁶⁶.

3. Отражение гендерных стереотипов в прессе рассмотрено на примере газеты «Комсомольская правда» (КП) (анализировались по 12 выпусков разных месяцев 1997, 1998 и 1999 годов, в основном пятничные, «толстые» номера объемом в 24 страницы). Газета «Комсомольская правда» – одна из наиболее читаемых и популярных, выходит тиражом около 700 000 экземпляров ежедневно (по пятницам – более 2400000), рассчитана не только на молодежь, но и на более широкий круг читателей. Путем содержательного анализа тридцати шести выпусков, было отобрано 368 текстов. При этом исходным пунктом было признание градуированной релевантности пола. Так, в газете четко проявляется тенденция писать об общественно значимых событиях, темах и связанных с ними людях. Частотны также интервью с известными личностями. Во многих материалах такого рода нет явной и постоянной адресованности читателю того или другого пола. В политических материалах преобладают мужчины. Однако этот факт, как и в

---

⁶⁵ Там же. С. 62.

⁶⁶ См. на эту тему: *Мокиенко В. М.* Доминанты языковой смуты постсоветского времени // *Russistik*. 1998. № 1–2. С. 37–55; *Stadler W.* Macht Sprache Gewalt: rechtspopulistische Sprache am Beispiel V.V. Zirinovskijs vor dem Hintergrund der Wandlungen politischer Sprache in Russland. Innsbruck, 1997; *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)* / Под ред. Е. А. Земской. М., 2000.

целом статистические данные об отражении на страницах прессы мужских и женских образов, уже неоднократно становился предметом научного анализа. Статистические данные как в центральной, так и в региональной печати показывают большую представленность лиц мужского пола в сфере общественной деятельности, в областях, связанных с высоким социальным статусом. Освещение мужских образов преобладает в среднем в отношении 3:1⁶⁷, поэтому данный вопрос далее не рассматривался. Автор выявлял, как, при помощи каких языковых средств эксплицируются женственность и мужественность в газетных публикациях, с какими семантическими полями связана интерпретация этих образов. Не рассматривались также – за редким исключением – видеовербальные тексты в силу ограниченности объема работы. При этом необходимо заметить, что сами по себе видеовербальные средства могут быть проанализированы отдельно, так как они дают в высшей степени показательный для анализа гендерных стереотипов и их динамики материал и могут быть объектом самостоятельного исследования. В большей степени автора интересует не анализ по отдельным жанрам и типам текстов, а общая картина, как ее видит и осознает (или не осознает) читатель, берущий в руки очередной выпуск газеты.

Задача заключается в выяснении того, как представлены на современном этапе мужественность и женственность, какие качества и возможные аспекты деятельности лица именно в связи с его полом отображаются в текстах, адресованных массовому читателю; при помощи каких выразительных средств это происходит; какие оценочные утверждения производятся о мужчинах и женщинах, в каких случаях гендерные аспекты становятся менее релевантными.

Во многих случаях доминирует не пол, а популярность героев очерка и репортажа и т. д. Газета преподносит скандальные события, светские сенсации, комментирует слова и поступки политиков. Поэтому в ряде случаев акцентируется деятельность тех или иных лиц, связанная с их статусом или популярностью более, чем с их полом.

Следует, однако, отметить, что общая тематика газеты «Комсомольская правда» обнаруживает явную тенденцию к

---

⁶⁷ См., например: Женщины России на рубеже XX–XXI веков: Материалы международной научной конференции. Иваново, 23–24 апреля 1998; Гендерные отношения в России: история, современное состояние, перспективы: Материалы международной научной конференции. Иваново, 27–28 мая 1999.

описанию личной, частной жизни, акцентирует внимание на скандальных, ранее не допустимых темах: сексуальность, семейные скандалы, измены и т. п. Особенно это касается пятничных выпусков, выходящих на 24 страницах. Жизнь государства, политические события занимают здесь не главное место и преподносятся в ироническом или ерническом ключе. Таким образом, концепция издания предполагает, что на первый план выдвигаются скандальные, сенсационные материалы. Соответственно, в них акцентируются отношения мужчин и женщин в приватной сфере, разграничиваются материалы для лиц разного пола, о чем свидетельствуют названия рубрик: «*Мужской клуб*», «*Мужчина и женщина*» и т. д.

Второй этап исследования предполагает осмысление и четкое обоснование принципов отбора материала.

Принципы отбора материала были следующие

В базу анализа отбирались тексты, имеющие в своем составе обозначения лица по признаку пола – *мужчина, женщина* и т. п.; тексты, адресованные читателям определенного пола, например рубрика «*Мужской клуб*», или посвященные отношению мужчин и женщин, например, «*Мужчина и женщина*», «*Дама и Адам*».

Еще один тип контекстов включает семантические области, фрагменты картины мира, соотносимые с мужчинами и женщинами, их поведением, связываемым с ними ценностями и ожиданиями. Сюда относятся «направляющие» вопросы интервьюеров, например, «*Кто в доме хозяин?*», а также те тематические доминанты, которые возникают в описании мужчин и женщин, заголовки статей, заметок, репортажей.

Кроме того, в ходе анализа обнаружилось различия в характере материала в зависимости от того, написан ли он сотрудником газеты или исходит от читателей. Этот аспект также рассматривался как релевантный.

Как видно из изложенного, преследовалась цель дать обобщенный анализ газеты, не проводя отдельного исследования по жанрам, типам текстов и т. д., исходя из того, что на данном этапе необходимо эксплицировать общие закономерности актуализации ГС. Не вызывает сомнения, что каждый из названных аспектов может быть изучен более детально.

Далее рассматривалось функционирование ГС: а) в текстах, созданных журналистами-авторами газеты и соответствующих определенной концепции издания; б) в текстах так называемой обратной связи; авторами в этом случае являются читатели; их тексты помещаются в рубриках «*Нам пишут*», «*Прямая линия*», «*Объявления*».

6.1. Анализ перспективы печатного издания

Применялся анализ заголовков, а также анализ лексического окружения рассматриваемых языковых единиц. Полученные данные обобщались и на их основе делались выводы о языковых механизмах выражения гендерных стереотипов. Так, функцию привлечения внимания в значительной степени выполняют заголовки, относящиеся к сильным позициям текста. Особенностью анализируемого материала стало несоответствие между заголовками и содержанием материала статьи. Заголовки, под которыми мы понимаем любое название, выделенное крупным или жирным шрифтом, разрядкой, курсивом или подчеркиванием и отделенное от основного текста по меньшей мере одним пробелом, носят во многих случаях отчетливый эротизированный характер, часто они являются рифмами. Это же относится, но в несколько меньшей степени, к названиям рубрик:

«*На диване с "Комсомолкой"»;*

«*Она ждет Нового года, чтобы вспыхнуть в руках мужчины»* (материал о некачественной пиротехнике: КП. 24.12.1998).

В большом количестве заголовков используется прием двойной актуализации. При этом у читателя вызываются ассоциации с генеративным циклом:

«*Решения X...го пленума – в жизнь!*» (о Десятом пленуме КПРФ: КП. 21.9.1998).

Частотность такого рода текстов высока – в каждом из исследованных выпусков газеты они встречаются не менее четырех-пяти раз, графически акцентируются, сопровождаясь в ряде случаев визуальными образами, что усиливает их воздействие. В пятничных номерах «Комсомольской правды» они выносятся на первую страницу.

«Комсомольская правда» весьма активно эксплуатирует и внедряет соотнесение практически любой тематики с репродуктивным процессом. При этом используются:

а) перифразы, вызывающие аллюзии с клише советского периода (*трудовые будни – трудовые блудни*), с ненормативной лексикой (*решения X...го пленума – решения X-го пленума*)

«*Трудовые блудни. Наш корреспондент Ярослава Танькова прямо из стен редакции была отправлена на панель*» (КП. 21.9.1998).

Перифразируются известные клише и штампы:

«*Приходите, девки, в Африку гулять!*» (КП. 11.12.1998).

«*Сколько стоит бабушка по вызову?*» (о вызове на дом Деда Мороза: КП. 13.12.1998).

б) сниженная лексика;

в) акцентуация «телесного низа» – особенно это касается заголовков – даже в тех случаях, когда содержание самого текста никак не связано с телесной или сексуальной тематикой; использование сильных позиций текста для акцентуации ГС; «усиление» текста видеовербальными средствами выражения;

г) обобщающий характер высказываний о женщинах, применение кванторов «всякая», «каждая», «любая», «все», а также глаголов должествования; в контекстах, посвященных лицам мужского пола, это явление почти не представлено;

д) преимущественная эстетическая оценка лиц женского пола: атрибутируемые им качества связаны с внешней привлекательностью; наиболее часто в исследованном материале прилагательное «красивая»;

е) в ряде контекстов женщина выступает в роли пассивной, зависимой, несамостоятельной личности, жертвы:

«Синяя Борода отправлял жен в лучший мир» (КП. 23.7.1999).

Но женщина не может долго оставаться одна. Ведь хочется иметь человека, на которого можно было бы опереться (КП. 31.1.1997);

ж) нарастает растабуирование сексуально-интимной сферы, с одной стороны, и размываются моральные нормы, связанные с реакцией на смерть, убийство, преступление – с другой. Последнее происходит при помощи создания новых синтагматических связей между лексемами. Так, заголовок «*За границей принято топить жен в ванне*» обнаруживает сочетание слова «принято», употребляемого обычно в контекстах о правилах поведения, этикете, обычаях, но никак не в сочетании с глаголами, обозначающими преступления.

Прилагательное «старательный» также обычно употребляется как положительная оценка, поэтому в сочетании «старательные московские проститутки» лексема «проститутки» также отчасти принимает положительную оценку. Частотность подобных оборотов весьма высока.

з) В материалах, где речь идет о профессиональной и творческой деятельности, фрагментарно представлены в определенной степени гендерно нейтральные образы. Акцентируется сама деятельность; лица, о которых идет речь, именуются не словами, обозначающими исключительно принадлежность по полу, а лексическими единицами, выражающими в первую очередь профессиональную принадлежность: *актер, актриса, писатель, писательница, журналистка, журналист и т. д.*

Далее по газетным текстам выявлялись номинации лиц мужского и женского пола и определялись наиболее частотные из

них: помимо обозначений мужчин по профессии, личных имен и местоимений используются следующие единицы лексикона:

мужчина, мужик, муж, Синяя Борода, парень, красавец, сильная половина, наследник, маньяк, внук, сын, герой, любовник, хозяин, глава семьи, донжуан, настоящий мужчина, ухажер, поделщик, мастер, фанат, мужичонка, мальчик, дедушка, Иван-дурак, миллионер, жених, молодожен, юнец, секс-гигант, секс-символ, секс-звезда, человек, супермен.

Наиболее частотной является номинация «мужчина», присутствующая примерно в 20 % исследованных контекстов. Частотность остальных наименований значительно ниже. Из повторяющихся отмечены: *муж, красавец, мужик, отец, мальчик, человек, настоящий мужчина, сын, дедушка, жених, хозяин.*

Наиболее частотными из прилагательных являются: красивый, знаменитый, мужественный, женатый.

В исследованных 236 контекстах о лицах женского пола по частотности безусловно лидирует слово «женщина» (53 употребления), составляя примерно 22,5 % от числа всех существительных, обозначающих лиц женского пола. Далее по убывающей идут: *жена (15), девушка (12), дама (8), мать (7) любовница, девочка, дочь (6), мама, старушка, невеста (5), супруга, модница, девчонка, красавица, хозяйка, настоящая женщина (3), вдова, избранница, мадам, блондинка, домохозяйка, фотомодел, красотка (2).* Кроме того, в исследованных контекстах часто встречается лексема *красота (5).*

Из устойчивых сочетаний встретились: *родная мать, богатая невеста, гражданская жена, бывшая жена, первая жена, настоящая женщина, каждая уважающая себя женщина, роковая женщина.*

Затем определялось лексическое окружение выявленных единиц. Обнаруживает себя стереотип женщины как сексуального объекта и мужчины как потребителя женской сексуальности, что выражается в значительном количестве рубрик и материалов, посвященных развлечению, досугу, конкурсам красоты, женской моде и т. д.

Характеризуя женские образы, авторы, как правило, используют лексические единицы, относящиеся к внешности, одежде, возрасту: «Известная бегунья (С. Мастеркова) находит время подумать о нарядах, макияже и маникюре» (КП. 11.9.1998); «Женщина должна быть привлекательна. Остальное – на любителя» (КП. 25.10.1999); «Все не очень красивые женщины мечтают стать неотразимыми, а красавицы озабочены тем, чтобы сохранить свою привлекательность» (КП. 25.10.1999).

В образе мужчины семантика внешности также имеет место, хотя и в меньшей степени.

Словам, обозначающим женщин, чаще атрибутируются качественные признаки, нежели словам, обозначающим мужчин, то есть репертуар прилагательных в синтагмах с «женскими» лексемами обширнее.

Среди прилагательных, синтагматически соотносящихся с указанными существительными, лидирует «красивая» (10). Далее по убывающей следуют: «женский/оя/ое/ие» (9), «умная», «очаровательная», «бывшая» (жена) (3), «молодая», «женственная», «замечательная», «американская», «беременная», «отважная», «милая», «голая», «обнаженная», «первая», «московская», «хорошая», «сильная», «уважающая себя», «прекрасная» (2).

Выше приведены лишь те единицы, которые показали частотность не ниже двух. Однако следует учитывать, что многие слова, встретившиеся лишь один раз, семантически близки, часто синонимичны и образуют определенные тематические группы. По семантическому критерию могут быть объединены также и разные части речи. Это в первую очередь относится к женской красоте: «красавица» (3), «красота» (5), «красивая» (10), «красотка» (2), «милашка». Обнаружено также большое количество эпитетов, конкретизирующих женскую внешность («большеглазая», «длинноногая», «очаровательная», «миловидная»).

Весьма четко идентифицируется тематическая группа «сексуальность»: «секс-символ/звезда/бомба», «сексуальная», «наложница», «любовница» и т. д.

Далее следует тематическая группа, относящаяся к возрасту женщины. Возраст выражается как существительными, обозначающими лиц женского пола определенного возраста (девочка, девушка, женщина, старушка, бабушка), так и прилагательными (молодая, молоденькая, малолетняя, старая, древняя). Помимо этого, на уровне высказывания также значительное место занимают суждения о возрасте женщины. Их можно отнести к конститутивам, иллокутивной целью которых⁶⁸ является «приспособление слов к миру», то есть высказывание, пресуппозицией которого является общезвестность утверждаемого. Этим достигается, на наш взгляд, эффект стереотипизации, так как читатель не должен задуматься над правильностью подобных утверждений, а принимать их как должное, всем известное:

---

⁶⁸ См. об этом: *Серьж Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 170–194.

«Женщины обычно предпочитают замалчивать свой возраст» (КП. 2.11.1999).

«Самая грустная тема для любой женщины – это возраст» (КП. 4.6. 1997).

Особенно четко названный эффект проявляется в утверждениях с глаголами долженствования, с местоимениями «все», «каждая», «всякая», «любая», а также при употреблении лексемы «женщина» без определения, что придает словоупотреблению обобщающий характер:

«Все не очень красивые женщины мечтают стать неотразимыми, а красавицы озабочены тем, чтобы сохранить свою привлекательность» (КП. 25.10.1999).

«Женщины мне не простят, если я не спрошу секрет вашей молодости» (КП. 21.4. 1997).

Обобщающий и одновременно исключаящий характер носят сочетания «чисто женское любопытство», «женские хитрости», «женское кокетство».

ГС, имея форму «приспособления слов к миру», на деле являются «приспособлением мира к словам» и в определенной степени «навязывают» читателю ряд поведенческих моделей в качестве ожидаемых от представителей того или другого пола. Таким образом, связываются коллективный прошлый опыт и текущая ситуация.

Вместе с тем, важным представляется нам следующий факт: хотя возрасту, внешности и сексуальности женщин уделяется на страницах газеты много внимания, в целом прилагательные, относящиеся к названным характеристикам не превышают, а даже несколько уступают в количественном отношении прилагательным, характеризующим черты характера женщин. Анализ этих прилагательных показывает, что, с одной стороны, они представляют женщину как человека *настырного, распутного, вульгарного, эмоционально неустойчивого, слабое и беззащитное существо*, а с другой – как *талантливую, вдумчивую, серьезную, умную, смелую, добрую, заботливую, мужественную, отважную, боевую, самостоятельную, полную энергии, гениальную, независимую, старательную, хорошую, решительную, скромную, сильную, надежную, тонкую, гуманную, чувствительную, порядочную, любящую*.

Как явствует из приведенного списка, личностные характеристики занимают существенное место в интерпретации женских образов, подавляющее большинство их несет положительную оценку.

Примечательно, что и в материалах прессы сочетания «русские женщины» или «русская женщина» (а также сочетание

«наши женщины») синтагматически связаны с положительно окрашенными лексемами:

«Наши беременные женщины – самые смелые в мире».

«В эстафете 4 × 400 метров... наши бегуны в фантастическом стиле опередили хваленых чернокожих американок. Кстати, во всем остальном россиянки опередили всех женщин планеты давным-давно» (КП. 3.9.1999).

«Люблю петь русских женщин: они в любви честны» (Т. Синявская. КП. 23.10.1998).

Глаголы и глагольные сочетания, входящие в лексическое окружение слов, обозначающих женщин также можно разделить на несколько групп. Помимо уже названных сексуальных аспектов жизни, это:

1. Семейные связи, действия, взаимоотношения (*уйти от мужа, остаться вдовой, вернуть внуков, быть не замужем, складывается личная жизнь, носить ребенка, соблюдать «бабские» забавы, рожать, не позволять себе рожать, выходить замуж, найти своих детей, привечать зятя, быть тенью мужа, держать мужа на руках, быть просто женой, держать мужа на коротком поводке, не уметь воспитывать детей*).

2. Этическая оценка: поведение, мораль (*не опасаться за свою репутацию, сняться обнаженной, визжать о нравственности, дать от ворот поворот, строить глазки, делать себе «лицо», расти сорванцом, пойти на панель, выцарапать глаза, предпочитать политиков, отказывать во взаимности, быть эмоционально неустойчивой, сохнуть по..., подмочить репутацию, с ума сходит по...*).

3. Эстетическая оценка: забота о внешности и сохранении молодости (*сохранить остатки былой привлекательности, мечтать стать неотразимой, щегольнуть хорошей фигурой и модной тряпкой, принимать фемигландин, замалчивать/не скрывать свой возраст, объявить войну возрасту*).

4. Собственная активность (*играть на скрипочке, гонять на автомобиле, коня на скаку, сыграть, голосовать, соблюдать правила, сделать из (него) человека, продавать косметику, опередить всех, оказаться мужественной и отважной, вербовать, не пропустить, ничего не смыслить в..., заткнуть мужчин за пояс, побить рекорд*).

5. Кроме того, женщины являются объектами следующих действий: *повести под венец, превратить в любовницу, превратить в шпионку, тащить в кусты, продать в рабство, продать девственность, топить в ванной, наказывать (неверных жен), забрасывать камнями, привлечь за «аморалку», отдать власть(женщинам), дурить голову (женщинам)*.

Лексическое окружение слова «мужчина» также не вполне однородно.

1. Как субъект мужчина может: *погибнуть за рулем, искать секретаршу, совершать подвиги, добиться успеха, узнать многих женщин, прийти к власти, захотеть абсолютной свободы, погибнуть в пьяной драке, чаще бывать под градусом, бегать, вломиться в квартиру, быть всегда правым, ходить в пьяном виде, быть уверенным, respectableм.*

2. Как объект действия мужчина сочетается со следующими словами: *вывести на плаху, кастрировать, кое-что оторвать, (Бог) создал мужчину, забрасывать камнями (неверного мужа), приключения сами найдут настоящего мужчину.*

3. В отношениях с женщинами мужчины могут: *встретить отпор, любить женщину, сломать женщине жизнь, довести ее до греха, собираться жениться, соблазнить, узнать много женщин, подобрать ключи к девичьим сердцам, не устоять перед красотой, начать клеить кого-л., обещать любовь и заботу, убивать ради квартир.*

4. Муж находится в следующем лексическом окружении: *должен обеспечивать семью, рассказывать о взаимоотношениях с супругой, разойтись с..., гонять (жену) как Сидорову козу, готовиться стать отцом, помогать воспитывать потомство, сделать в доме любую работу, мочь заработать, любил дочерей, но мечтал о мальчике, приносить в семью, отправил жену в лучший мир, погряз в изменах, блюдет семейные традиции, стать молодоженом, не сойтись характером.*

5. Мужская внешность также становится предметом описания, но частотность лексем этой тематической группы ниже, чем при описании женщин: *выглядит моложе своих лет, любит тряпки, нравятся, когда он красивый, обращает внимание на одежду, любит красивые вещи, безупречно одет.*

Из устойчивых сочетаний отмечены: *Иван-дурак, Синяя Борода, сексуальный маньяк, настоящий мужчина, отличный хозяин, глава семьи, лучший представитель, сильный пол, крутой мужик.*

Обращает на себя внимание низкая частотность слова «человек» как в «мужских», так и в «женских» контекстах, что связано с тематикой контекстов, выбранных для анализа. Лексема «человек», за исключением редких контекстов, относящихся, как показал Д. Вайс⁶⁹, только к лицам мужского пола, подчеркивает лич-

⁶⁹ Weiss D. Frau und Tier in der sprachlichen Grauzone: diskriminierende Strukturen slawischer Sprachen // Slavistische Linguistik, 1984. S. 317–358.

ностные, общие для всех людей, обобщающие признаки. Поэтому для обозначения людей в связи с их полом ее недостаточно.

В целом газетный материал не дает оснований говорить о четком мужском стереотипе. Мужчина соотносится с семьей, сексуальностью, заработками, а также с агрессией (маньяк, убить жену, топить в ванной и т. п.) и с большей мобильностью и двигательной активностью: спортом, вождением автомобиля, путешествиями. Интеллектуальная деятельность не подчеркивается, в связи с чем обращает на себя внимание сочетаемость прилагательного умная с лексемами, обозначающими женщин. По отношению к мужчинам умный не встречается в исследованном нами материале. В большей степени вербализуется общественное признание (известный, знаменитый).

6.2. Анализ читательской перспективы

В ходе исследования было обнаружено несовпадение образов, создаваемых журналистами и тех, которые складываются при анализе ответов интервьюируемых лиц, писем читателей, отзывов о публикуемой проблематике. Поэтому дополнительно исследовалась и так называемая читательская перспектива. Материалом послужили тексты рубрики «Прямая линия», ответы интервьюируемых. Еще один тип текстов, позволяющий заключить, что концепция газеты в области выражения ГС не вполне отражает баланс ГС в массовом сознании, – это короткие тексты, авторы которых – читатели, принявшие участие в рекламной акции, проводимой на страницах КП фирмой «Huggies». Она предоставляет читателям возможность опубликовать в регулярно выходящей рубрике поздравления по случаю рождения ребенка и пожелания новорожденному. Обращает на себя внимание тот факт, что пожелания девочкам и мальчикам различаются слабо. Примерно 50 % пожеланий не обнаруживают различий по желаемым качествам. Как правило, детям – независимо от их пола – желают здоровья и счастья. В некоторых случаях мальчикам желают расти здоровыми и счастливыми, а девочкам – красивыми, счастливыми, умными. Из текстов этого типа видно, что внешность и здесь чаще ассоциируется с лицами женского пола, однако ее акцентуация не столь интенсивна.

Анализ рубрик «обратной связи» обнаруживает меньшую, по сравнению с концепцией газеты, акцентуацию ГС и отсутствие поляризации фемининности и маскулинности.

Традиционным, часто встречающимся во многих интервью вопросом является «Кто в доме хозяин?», подразумевающий ос-

вешение семейного разделения труда, права принятия решений, то есть доминирования одного из супругов.

Ответы на этот и подобные вопросы дают разнообразную картину, отнюдь не всегда стереотипную:

– *Кто у вас в доме занимается домашним хозяйством?*

– *Кто свободен, тот и занимается. Обязанности распределяются поровну (КП. 4.6.1997).*

Личное мнение героинь интервью также часто резко диссонирует с образцами, навязываемыми газетой:

– *В жизни красота мешает или помогает?*

– *Очень мешает. ... привлекательная внешность быстро проходит. Внутреннее наполнение меняет человека (Э. Быстрицкая. КП. 25.10.1999).*

Анализ читательских текстов из рубрики «Прямая линия» показывает: неприятие предлагаемых газетой материалов связано с чрезмерной долей эротизированной тематики:

«...немного странно, что об актерах, режиссерах, художниках все чаще пишут не в связи с их творчеством, а исходя из каких-то других соображений» (КП. 31.1.1997).

«Что же это вы, господа журналисты, такого низкого мнения о нас, читателей? Или думаете, что нам нужна только «жареная» жвачка, вроде скандальных подробностей из жизни суперменов и суперменш?» (КП. 7.7.1998).

Разумеется, опубликованные в газете отзывы читателей не дают представления о реальном числе сторонников и противников тематики газеты. Однако сам этот факт достаточно показателен для того, чтобы сделать вывод по меньшей мере о непривычности предлагаемой газетой тематической акцентуации и, следовательно, о его нетрадиционности.

Как и прочие стереотипы, ГС связаны с определенными нормами, зафиксированными в общественном сознании. Анализ читательских текстов дает основания считать, что исследованный нами материал направлен на деформацию этих норм. Возможно, именно это вызывает у некоторой части читателей несогласие и отрицательную реакцию. Из читательских текстов явствует, что новые образы женственности и мужественности не воспринимаются аудиторией как естественные и во многих случаях представляются ей оскорбительными, а в наиболее крайних случаях вызывают протест и даже активные действия по устранению такого рода текстов.

На заключительном этапе исследования производится сопоставление данных журналистской и читательской перспектив.

Анализ читательской перспективы позволяет констатировать, что ГС выражены в ней не столь явственно, как в текстах, созданных журналистами. Номинации личностных качеств доминируют и в мужских, и в женских образах; имеет место в ряде случаев неприятие ряда гендерно специфических материалов, главным образом – попыток растабуирования сексуальной сферы. Тексты интервьюируемых женщин не столь отчетливо обнаруживают признание стереотипного разделения ролей между полами, как это происходит в «журналистской» перспективе. Обнаруживается, что многие героини интервью высоко оценивают профессиональную деятельность, собственную самостоятельность и независимость.

7. Социолингвистический анализ гендерно специфичной коммуникации

Перед изложением примера исследовательской процедуры необходимо сделать оговорку, что социолингвистическим анализом можно назвать условно, т.к. наряду с социолингвистическим подходом в нем применяются методы, принятые в теории коммуникации, психолингвистике. Формулировка задач исследования базируется на новых данных из области социальной философии и социологии. Обработка данных часто производится при помощи методов математической статистики⁷⁰. Поскольку речь идет о фиксации устной речи, но не только об ее фонетико-фонологической составляющей, исследователям приходится решать проблему транскрипции, которой также посвящается целый ряд работ, например, уже названный труд И. Ф. Девятко.

Как и в работах по лингвокультурологии, собственно анализу мужской и женской коммуникации предшествует большая подготовительная работа, без которой анализ мужской и женской речи не может считаться обоснованным. Рассмотрим ход исследовательского процесса на примере работы Б. Барон «Закрытое общество». Существуют ли гендерно специфичные различия в профессиональной коммуникации в университетской среде⁷¹?

⁷⁰ В данном пособии не рассматриваются статистические методы, однако читатель может найти их в труде И. Ф. Девятко «Методы социологического исследования» (Екатеринбург, 1998) и пособиях по использованию методов математической статистики, например: Головин Б. Н. Язык и статистика. М., 1971.

⁷¹ Baron B. «Geschlossene Gesellschaft» Gibt es geschlechtsspezifische Unterschiede im universitären Fachgespräch? // Gender Studies an der Universität Konstanz. Vortragsreihe im Sommersemester 1996. Konstanz, 1996. S. 114–129.

Структура работы отражает логику исследования и его предварительные этапы.

1. Введение, состоящее из четырех частей.

В первой обобщаются результаты первых двух десятилетий гендерных исследований в теории коммуникации. Обосновывается неправомерность признания мужского и женского языка и несостоятельность концепции гендерлекта. На этом основании автор делает следующий методологический вывод: *изучение гендерных особенностей речевого общения должно проводиться с учетом контекста и ситуации общения. Постоянных и не зависящих от контекста признаков мужской и женской речи не существует.*

Вторая часть введения освещает результаты исследований коммуникации в неевропейских культурах и устанавливает, что одни и те же типы речевых актов могут в силу культурной обусловленности быть допустимыми или вероятными для представителей того или иного пола в разных культурах. На этом основании делается следующий методологический вывод: *неправомерно рассмотрение определенных коммуникативных техник в жесткой и однозначной связи с определенными функциями общения и с приписыванием значений.* За основу принимается иной подход: выявлять, как различаются механизмы приписывания значений и какие нюансы вносит в этот процесс параметр *гендер*. Взамен устаревшего понятия «мужской язык – женский язык» применяется понятие «гендерно предпочитаемых стилевых форм». Такое понятие вводится для обозначения того, что эмпирические данные показывают, что представители разных полов внутри определенного коммуникативного жанра чаще выбирают определенный тип речевых актов.

Третья и четвертая части введения посвящены определению понятий, применяемых в работе. Так, признаются методологически значимыми термин *doing gender* (подчеркивается важность выявления средств создания идентичности/роли и ее ситуативных трансформаций в диалоге), а также значение социализации и институционализации в конструировании гендерной идентичности.

Методологический вывод: *различия между полами воспроизводятся не только в коммуникативном общении, но и регулируются общественными институтами, вследствие чего в исследование необходимо включать описание институционального фрейма (например, фрейма «университет») и описывать заданные в нем конвенции и формы общения.*

2. Эмпирическое исследование вопроса о гендерных различиях в беседах на профессиональные темы в университетской среде.

В этой части формулируется цель проекта: анализ дискурсивных стратегий и стилистических способов коммуникации, участвующих в создании симметрии/асимметрии полов в трех различных разговорных типах (телевизионная дискуссия, неофициальные беседы и беседы в профессиональной обстановке).

Выявлены четыре типа коммуникативных жанров, в которых с наибольшей вероятностью проявляется значимость гендерного параметра: управление коммуникацией (предоставление слова, комментарий к высказываниям, длительность речевого отрезка и т. п.), конструирование статуса эксперта, шутливая коммуникация, несогласие/аргументативные дискурсы.

Следующим шагом становится ограничение исследовательской задачи. Со ссылкой на уже состоявшиеся исследования устанавливается:

– Вероятность конструирования более высокого статуса эксперта для мужчин выше, чем для женщин. В коммуникации установлена для мужчин прямая зависимость конструирования статуса эксперта в коммуникативном общении и ожиданий, присутствующих к началу коммуникации «по умолчанию»: высокий профессиональный или общественный статус ведет к высокому коммуникативному статусу. У женщин столь непосредственной зависимости не выявлено.

– Активность модератора имеет значение. В теледискуссиях женщинам реже предоставлялось слово, а модератор, сам экспертом не являющийся, считал возможным критиковать или поучать их.

– Женщины сами способствовали созданию более низкого коммуникативного статуса, что выражалось в излишней медлительности выдвижения аргументов, переадресации направленного им вопроса и несовершении экспертного высказывания, а также в редких высказываниях поучающего характера.

По умолчанию высокий коммуникативный статус приписывался лишь тем женщинам, чье общественное положение было очень высоким.

Выводы предшествовавших исследований излагаются автором для более четкого формулирования собственной исследовательской задачи: проверить, как названные особенности коммуникации соотносятся с коммуникативным поведением экспертов в академической среде.

2.1. Особенности институционального фрейма «университет».

Рассматриваются типичные для этого института коммуникативные конвенции и ограничения. Обращается внимание на отсутствие жесткой заданности коммуникативных норм и возможность их варьирования до определенной степени. Отмечается, что наибольший интерес представляют высказывания, отклоняющиеся от заданной нормы.

2.2. Феномен несогласия.

В данном разделе характеризуется объект исследования. Авторы заявляют, что по причинам методического характера при анализе корпуса данных (записей профессиональной коммуникации, прежде всего бесед на заседаниях и коллоквиумах) первый этап анализа проводится без учета параметра *гендер*. На этом этапе ставится задача определить границы понятия «несогласие» и выявить наиболее частотные способы его выражения, соотнести их с различными коммуникативными жанрами и оценить, как выбор средств выражения несогласия модифицирует динамику высказываний.

Еще одним важным фактором является разнообразие жанров в границах фрейма «университет». Так, академическая коммуникация наиболее высокой степени публичности и официальности обнаруживает значительно больше ограничений и регламентированности содержательного (заданность темы), временного (порядок предоставления слова, ограниченность продолжительности выступления, заданность последовательности коммуникантов) и личностного характера (исключение определенных групп лиц, речевая активность избранных и т. п.), нежели менее структурированные коммуникативные ситуации.

Главная особенность выражения несогласия состоит в его завуалированности. Прямая и неприкрытая критика нетипична для общения в рассматриваемой среде. Так, словом *nein* в начале высказывания встречается крайне редко. Напротив, употребление слова *ja* представляет собой типичное начало критического выступления. Так же редко встречаются в начале речевых отрезков реплики «Das ist falsch» («это неверно»), «Ich stimme Ihnen überhaupt nicht zu» («я совершенно с Вами не согласен/не согласна»). Значительно чаще высказывание имеет довольно длинный пролог и лишь затем выражается критическое замечание. Причем до последнего момента критический настрой говорящего остается замаскированным и выражается в форме оказания помощи, переспроса, уточняющего вопроса и даже похвалы. Интенсивность такого речевого поведения коррелирует со степенью официальности ситуации.

2.3. Многозначность контекста.

В этой части представлены сложности определения типа контекста и возможные пути разрешения этого вопроса.

2.4. Поведение ученых-мужчин и ученых-женщин в университетском общении на профессиональные темы.

Лишь в этой части работы рассматриваются собственное гендерные аспекты коммуникации и устанавливается, что ученым мужчинам более, чем ученым-женщинам, свойственны переход к монологическим высказываниям в прениях, ироническое несогласие, а при ответах на критику – ссылки на авторитеты и собственный профессиональный статус.

В высказываниях женщин-ученых амплитуда между начальным комплиментом и заключительной критикой оказалась в среднем меньше, чем у мужчин. У них также очень редко встречается ирония при критике оппонента или при защите собственной точки зрения. Отмечается также тенденция докладчиц к неиронической самокритике и более быстрое, чем у мужчин, согласие с точкой зрения критикующего, более редкие ссылки на авторитеты, цитаты, поучения. Все это позволило автору сделать вывод о недостаточном стремлении женщин к достижению статуса эксперта.

8. Исследование особенностей мужского и женского стиля письма

Описываемое исследование проведено Е. И. Горошко⁷².

Цель исследования – выявление идентификационных признаков мужского и женского стиля речи.

Объект исследования – письменная речь носителей русского языка, не имеющих к его изучению профессионального отношения.

Рабочая гипотеза: «в русском языке существуют определенные особенности и закономерности в мужском и женском вербальном поведении. Данные различия носят спорадический (вероятностный) характер, проявляясь в виде определенных тенденций, то есть связана с различной частотой проявления в речи (в т. ч. и письменной) определенных языковых средств, что предполагает применение наряду с качественным и количественным методом анализа»⁷³.

⁷² Горошко Е. И. Особенности мужского и женского стиля письма // Гендерный фактор в языке и коммуникации. М., 1999. С. 44–60.

⁷³ Там же. С. 44–45.

Как и в предыдущих примерах исследований, в данном случае также была проведена предварительная работа, позволившая автору четче определить, какие задачи и в какой последовательности предстоит решать. Предварительная работа складывалась из двух этапов.

На первом этапе решались следующие вопросы:

- Что выбрать в качестве образцов для исследования и в каких условиях должен производиться отбор?
- Какие параметры письменной речи должны быть изучены и какими методами?
- Какие факторы и в какой степени могут влиять на прагматические характеристики мужской и женской письменной речи⁷⁴?

Выбор письменной речи, а не устной, объяснялся потребностями судебной автороведческой экспертизы, где письменная речь исследуется чаще.

На взгляд автора, письменная речь в большей степени, чем устная, подготовлена и раскрывает личностные особенности индивида.

Условия и ход эксперимента

Изучались два жанра письменной речи: эпистолярный (частные письма бытового характера, находившиеся в распоряжении исследовательницы и написанные вне условий эксперимента) и словесное творчество (сочинения, созданные в условиях эксперимента).

Автор пришел к выводу о необходимости применения статистического метода, т. е. метода подсчета частоты встречаемости различных языковых единиц в исследуемых текстах. Были сформированы две выборки образцов – экспериментальная и контрольная.

Экспериментальная выборка была получена от двух групп испытуемых (по тридцать мужчин и тридцать женщин). Первая группа состояла из студентов старших курсов и аспирантов технических, естественно-научных и гуманитарных вузов в возрасте от 20 до 30 лет. Во вторую группу отбирались рабочие со средним- и среднетехническим образованием в возрасте 35–45 лет. Обеим группам было предложено из заданного списка тем выбрать одну и написать на эту тему сочинение. Время написания и объем текста не ограничивались. Испытуемым была дана установка на большой объем текста.

⁷⁴ Там же. С. 45.

Список тем выглядел следующим образом:

1. Человек, которого я люблю.
2. Человек и его дело.
3. Мой идеал женщины.
4. Мой идеал мужчины.
5. Самый счастливый день в моей жизни.
6. Трагическое событие с моей жизни.
7. За что я люблю весну (лето, зиму, осень).
8. Опишите выбранную картину из выданных репродукций (использовались репродукции с картин известных художников, а также художественная реклама).

Сбор образцов осуществлялся двумя экспериментаторами, мужчиной и женщиной, т. к., на взгляд автора, таким образом нейтрализовывалось влияние пола экспериментатора на результаты эксперимента. Всего было получено 120 текстов сочинений. Экспериментальная выборка была поделена на четыре массива с целью установления корреляции а) между половым диморфизмом речевой деятельности и возрастом испытуемых, б) между половым диморфизмом речи и уровнем образования.

Контрольную выборку составили «личные письма бытового плана, авторами которых были мужчины и женщины, рядовые носители русского языка, люди различных профессий, возраста (колебался от 20 до 60 лет)⁷⁵, но с высшим образованием (за исключением 4 случаев). Эту выборку также разделили на два массива – мужские и женские тексты.

Жанр текстов контрольной выборки автор объясняет тем, что бытовые письма были созданы вне ситуации эксперимента, что исключает влияние условий проведения эксперимента на испытуемого, а также близостью жанра письма к текстам, традиционно являющимся объектом криминалистической экспертизы – анонимным посланиям, листовкам, запискам.

Итак, автор сформировал 6 массивов текстов:

- экспериментальный массив мужских текстов лиц из младшей возрастной группы с высшим и незаконченным высшим образованием;
- экспериментальный массив женских текстов лиц из младшей возрастной группы с высшим и незаконченным высшим образованием;
- экспериментальный массив мужских текстов лиц из старшей возрастной группы со средним уровнем образования;

---

⁷⁵ Там же. С. 46.

- экспериментальный массив женских текстов лиц из старшей возрастной группы со средним уровнем образования;
- контрольный массив женских текстов;
- контрольный массив мужских текстов.

На втором этапе определялись параметры анализа письменных текстов, для чего автор ознакомился в предшествующими трудами по данной проблематике и отобрали «те параметры, по которым в других языках и работах фиксировались расхождения между «мужскими» и «женскими» вариантами или же наблюдалась противоречивость данных и были получены зачастую взаимоисключающие результаты, которые требовали дальнейшей проверки. Также мы учитывали степень формализуемости того или иного признака и однозначность его выделения и интерпретации»⁷⁶. Всего было выделено 97 параметров. Приведем наиболее существенные:

- количество слов в тексте (словом считался отрезок текста между двумя соседними пробелами);
- средняя длина предложения (отношение общего количества слов к общему количеству предложений);
- количество речевых ошибок и их распределение по категориям (нарушение нормы, нарушение узуса, нарушение системы).

Рассматривались только ошибки, связанные с нарушением системы и нормы. Нарушение нормы в концепции автора – «это отклонение от принятого в письменной форме данного языка употребления слов, словосочетаний, фразеологизмов, синтаксических конструкций. Нарушение системы – несоблюдение грамматических и орфографических правил языка, употребление слов в несвойственных им значениях и связях, немотивированное (не обусловленное смысловой направленностью изложения) использование иноязычной или нелитературной лексики и фразеологии»⁷⁷. Рассматривались ошибки лексического, грамматического и графико-орфографического уровней.

- Лексическое разнообразие словаря (отношение слов, встретившихся в тексте один раз к общему количеству слов).

- Распределение слов в тексте по частям речи, а также оценочный фактор в значении качественных имен прилагательных. Подсчитывались также различные соотношения употребления одних частей речи к другим, например, соотношение количества прилагательных и существительных.

⁷⁶ Там же. С. 50–51.

⁷⁷ Там же. С. 47.

На основании модели Б. Н. Головина⁷⁸ измерялись коэффициенты предметности, качественности, динамизма, активности и связности текста. Автор определял их следующим образом.

«*Предметность* (Pr) измерялась соотношением числа существительных и местоимений к числу прилагательных и глаголов.

Качественность (Qu) измерялась соотношением числа прилагательных и наречий к числу имен существительных и глаголов.

Активность (Ac) текста выводилась как соотношение глаголов и глагольных форм к общему количеству слов в тексте (N).

Динамизм (Din) допустимо определять как отношение глаголов и глагольных форм к именам и местоимениям.

Коэффициент *связности* (Con) определяется как соотношение числа предлогов и союзов к числу самостоятельных предложений⁷⁹.

— Синтаксический анализ. Учитывалось количество простых и количество сложных предложений в тексте. В случае сложно-подчиненных предложений подсчитывалось количество разных типов (определятельные, условные, уступительные и т. д.). Отдельно исчислялось количество вопросительных и восклицательных предложений, предложений с инвертированным порядком слов, количество вводных и эллиптических конструкций. Затем выводился коэффициент синтаксической сложности речи, равный отношению произведения количества знаменательных слов в тексте на число простых предложений к числу самостоятельных предложений в тексте.

Обработка результатов

Предварительные этапы позволили перейти к собственно аналитической части работы.

Использовалась компьютерная техника обработки данных. Полученные данные проверялись с помощью критериев статистической значимости. После этого было сформировано несколько групп различий: во-первых, различия между данными мужских и женских текстов лиц разного возраста и с различным образовательным уровнем; во-вторых, различия в текстах контрольной выборки; в-третьих, различия, встретившиеся попарно во всех шести массивах.

⁷⁸ Головин Б. Н. Язык и статистика. М., 1971. С. 143–154.

⁷⁹ Горошко Е. И. Особенности мужского и женского стиля письма. С. 49.

Последняя группа стала основой для выделения автором списка идентификационных признаков мужского и женского стилей письма.

Не в каждом из массивов данных различия проявились полностью и в равной степени. Это обстоятельство заставило автора создать два списка идентификационных признаков мужской и женской речи – основной и дополнительный. В основной список вошли признаки, встретившиеся во всех выборках и группах текстов, например: мужские тексты значительно короче женских, мужские предложения по длине короче женских, ошибок в мужских текстах значительно больше и т. д.

Дополнительный список включает параметры, статистическая значимость которых выявлена только в одной выборке текстов, что, на взгляд автора, свидетельствует о проявлении их лишь при определенных условиях и отражает их корреляцию с иными социальными факторами.

На основании проведенного исследования Е. И. Горошко приходит к выводу: «Создание... списка признаков мужской и женской письменной речи в какой-то мере доказало выдвинутую гипотезу о существовании половой дихотомии в современном русском языке.

Данная дихотомия проявляется в существовании некоторых количественных закономерностей в использовании тех или иных речевых структур.

Под влиянием определенных факторов (уровня образования, профессии, возраста эмоционального состояния пишущего) статистические различия, обусловленные половым диморфизмом в речи, могут как увеличиваться, так и сглаживаться (нивелироваться).

Выявленные различия носят вероятностный, а не инвентарный характер – в русском языке не существует отдельно структур, используемых женщинами, а отдельно – мужчинами. Не существует и отдельно мужских и женских вариантов языка».

9. Заключение

В данной главе описаны разнообразные примеры исследовательских процедур, которыми, разумеется не ограничиваются возможности гендерного подхода к изучению гендерных аспектов языка и коммуникации. Можно выделить общие для всех исследовательских процедур черты:

1. Определение онтологического статуса гендера как методологической основы работы.

2. Выбор (или построение) модели научного описания, позволяющей применить определенные терминологические единицы и научные методики, соответствующие лингвистическим принципам научного описания. В этом случае должны быть четко определены элементарные единицы анализа, предмет и объект исследования, а также ограничения, накладываемые на исследовательский процесс особенностями принятой модели.

3. Разработка нового понятийного аппарата, необходимость которого диктуется применением гендерного подхода.

4. Решение проблемы верификации.

«По умолчанию» подразумевается, что в рамках лингвистического исследования будут соблюдаться общие требования, предъявляемые к научным трудам и научной деятельности: «Несмотря на то, что для современной лингвистики типичны междисциплинарный подход и заметное размывание границ... это не избавляет исследователей, работающих в этой области, от необходимости хотя бы в минимальной степени соблюдать общеметодологические требования, стандартным образом предъявляемые к любому анализу, претендующему на статус научного. Имеется в виду, чисто научное исследование должно содержать эксплицитно сформулированные рабочие гипотезы и обсуждение способов их верификации. Иными словами, следует однозначно определить, какие операции над исследуемым материалом должны быть применены и в какой последовательности, чтобы получить интересующие аналитика результаты, причем методика получения результатов должна быть настолько операциональной, чтобы применение аналогичных методов на аналогичном материале всегда давало аналогичные результаты, не зависящие ни от идеологических установок исследователя, ни от прочих внешних по отношению к анализу факторов. Далее, исследование должно опираться на репрезентативный эмпирический материал, источники и состав которого особо оговариваются....»

Еще одним важным научным требованием является запрет на имплицитные экстраполяции, то есть недопустимыми считаются приемы переноса результатов описания одной области на некую другую область, до тех пор, пока наличие причинно-следственной связи между этими областями не будет однозначно доказано»⁸⁰.

---

⁸⁰ Добровольский Д. О., Кириллова А. В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // Гендер как интрига познания. М., 2000 С. 22.

Литература

Добровольский Д. О., Кирилина А. В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // Гендер как интрига познания. М., 2000. С. 19–35.

Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.

Колесникова М. С. Лексикографические аспекты современных гендерных исследований // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации: Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002. С. 28–36.

Вопросы для самостоятельной работы

1. Охарактеризуйте научную последовательность приведенных в главе исследований по следующей схеме:
  - общенаучные методологические принципы;
  - предмет, объект и единицы анализа, источник получения данных;
  - метод исследования;
  - обработка результатов.
2. Возникают ли у Вас критические замечания в адрес каких-либо исследовательских процедур, описанных в данной главе? Если это так, объясните, что и почему с точки зрения метода остается неясным или следовало бы изменить.

Глоссарий

Андроцентризм языка. *Феминистская критика языка* (см.), а также ведущие постмодернистские теоретики (Деррида) обратили внимание на неравномерную представленность в языке лиц разного пола: язык фиксирует картину мира с мужской точки зрения, поэтому он не только антропоцентричен (ориентирован на человека), но и андроцентричен (ориентирован на мужчину): язык создает картину мира, основанную на мужской точке зрения, от лица мужского субъекта, с точки зрения мужской перспективы, где женское предстает главным образом в роли объекта, в роли «Другого», «Чужого» или вообще игнорируется.

Выделяются следующие признаки А. я.

1. Отождествление понятий «человек» и «мужчина». Во многих языках Европы они обозначаются одним словом: *man* в английском, *homme* во французском, *Mann* в немецком.

2. Имена существительные женского рода являются, как правило, производными от мужских, а не наоборот. Им часто сопутствует негативная оценочность. Применение мужского обозначения к референту-женщине допустимо и повышает ее статус. Наоборот, номинация мужчины женским обозначением несет в себе негативную оценку.

3. Существительные мужского рода могут употребляться неспецифицированно, то есть для обозначения лиц любого пола. Действует механизм «включенности» в грамматический мужской род. Язык предпочитает мужские формы для обозначения лиц любого пола или группы лиц разного пола. Так, если имеются в виду учитель и учительница, достаточно сказать «учителя». Таким образом, считает феминистская критика языка, в массе случаев женщины вообще игнорируются языком.

4. Синтаксическое согласование происходит по форме грамматического рода соответствующей части речи, а не по реальному полу референта.

5. Фемининность и маскулинность разграничены резко и противопоставлены друг другу, в качественном (положительная и отрицательная оценка) и в количественном (доминирование мужского как общечеловеческого) отношении, что ведет к образованию гендерных асимметрий.

А. я. связан с тем, что язык отражает социальную и культурную специфику общества, в том числе и мужское доминирование, большую ценность мужчины и ограниченную частной сферой деятельность женщины.

В зависимости от взглядов исследователя употребляются также термины *«гендерная асимметрия»* и *«сексизм языка»*.

Биодетерминизм – методологический принцип, основанный на признании природной обусловленности и постоянных различий в мужской и женской речи.

Гендерлект – термин, означающий постоянный набор признаков мужской и женской речи. Введение этого понятия в научное описание обусловлено гипотезой гендерных субкультур, возникшей в конце 80-х – начале 90-х годов и восходящей к работе Гамперца (Gumperz) по исследованию межкультурной коммуникации, а также к более ранним работам по этнологии, этнографии, истории культуры. В трудах Мальца и Боркер (Maltz, Borker) и Таннен (Tannen) принцип межкультурной коммуникации распространен на гендерные отношения. Социализация индивида рассматривается как присвоение им определенной субкультуры, которой свойственны особые речевые практики, разные в мужской и женской среде. В детском и подростковом возрасте люди вращаются преимущественно в однополых группах, образуя субкультуры и усваивая свойственный им речевой этикет, что, на взгляд сторонников гипотезы, во взрослом возрасте ведет к непониманию и речевым конфликтам, которые приравниваются к межкультурным.

Однако работы последних лет все четче показывают, что говорить о гендерлекте неправомерно. Роль субкультурного фактора в этом случае сильно преувеличена. Различия в мужской и женской речи не столь значительны, не проявляют себя в любом речевом акте и не свидетельствуют, что пол является определяющим фактором коммуникации, как это предполагалось на начальном этапе изучения вопроса. Установлено также, что один и тот же человек в разных коммуникативных ситуациях обнаруживает и различное речевое поведение, что получило название *«переключение кода»*. Изучение коммуникации лиц одного пола, но разного социального и профессионального статуса также обнаружило ряд различий. Так, речевое поведение любого лица

дома и на работе, в знакомой и новой обстановке различно. Вместе с тем сегодня наука не отрицает существования некоторых стилевых особенностей, свойственных преимущественно мужчинам или преимущественно женщинам в рамках четко очерченной ситуации общения.

Гендерная асимметрия – см. *Андроцентризм языка*.

Гендерная лингвистика – см. *Лингвистическая гендерология*.

Гендерная маркированность – один из новых терминов, возникший вследствие применения *гендерного подхода* (см.) в языкознании. Г. м. – признак или комплекс признаков, позволяющий идентифицировать языковую единицу как относящуюся к тому или иному полу. Г. м. может быть *формальной* (то есть относящейся к плану выражения, зафиксированной в форме языковой единицы: *учитель – учительница*) и *семантической* (относящейся к плану содержания, зафиксированной в значении языковой единицы: *талия в рубочку*)

Гендерная метафора – сравнительно новое понятие, обозначающее перенос не только физических, но и всей совокупности духовных качеств и свойств, объединенных понятиями *женственность* и *мужественность*, на предметы, непосредственно с полом не связанные. Так, в любой мифологической картине мира присутствует ряд бинарных оппозиций: *верх–низ; свет–тьма; правое–левое* и т. д. Во многих философских системах также имеет место ряд полярных категорий: *природа–культура; активность–пассивность; рациональность–иррациональность, логика–эмоции; дух–материя; власть–подчинение*.

Левый член каждой из оппозиций атрибутируется мужественности, а правый – женственности. При этом каждая пара признаков составляет самостоятельную оппозицию, не имеющую причинно-следственной связи с принадлежностью людей к тому или иному полу (например, *женственность России*). Однако половой диморфизм, имеющий место в реальности человеческого существования, все же рассматривается сквозь призму женственности/мужественности. Каждому из полов приписывается набор соответствующих качеств, играющих важную роль в создании прототипа мужского и женского в общественном и индивидуальном сознании.

Эти категории отражают классифицирующую деятельность человеческого сознания, выводимую из сферы опыта. Наличие двух типов людей – мужчин и женщин – мотивировало название философских категорий «женственность» и «мужественность», составив базу сравнения метафоры.

В последнее время термин Г. м. употребляется более широко – для обозначения любого метафорического переноса, связанного с полом человека, – что отражает общую тенденцию заменять слово «пол» словом «гендер».

Гендерные стереотипы. Стереотип – это суждение, в заостренно упрощающей и обобщающей форме, с эмоциональной окраской приписывающее определенному классу лиц некоторые свойства или, наоборот, отказывающее им в этих свойствах. Стереотипы рассматриваются как особые формы обработки информации, облегчающие ориентацию человека в мире.

Стереотипы имеют обобщающую функцию, состоящую в упорядочивании информации; аффективную функцию (противопоставление «своего» и «чужого»); социальную функцию (разграничение «внутригруппового» и «внегруппового»), что ведет к социальной категоризации и образованию структур, на которые люди ориентируются в обыденной жизни.

Г. с. являются частным случаем стереотипа и обнаруживают все его свойства. Г. с. представляют собой культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке. Гендерная стереотипизация фиксируется в языке, тесно связана с выражением оценки и влияет на формирование ожиданий от представителей того или другого пола определенного типа поведения.

Социокультурная обусловленность пола, его ритуализация и институционализация делают правомерным изучение Г. с. и их отражения в языке. Каждому из полов в данной культуре приписывается ряд обязательных норм и оценок, регламентирующих гендерное поведение. Эта регламентация отражается в языке в виде устойчивых сочетаний, например: «Женщина – это прежде всего мать»; «Муж – глава семьи». Язык, таким образом, является одним из важнейших источников знания о гендерной стереотипизации и ее изменении во времени, т. к. Г. с. могут быть «исчислены» на основании анализа структур языка.

В языке фиксируются весь инвентарь Г. с., однако частота употребления их в речи неодинакова. Анализ коммуникации делает возможным определение наиболее частотных стереотипов. Многообразие Г. с. позволяет манипулировать ими. Особенно это касается систем коммуникации, направленных на коллективного адресата, в первую очередь – средств массовой информации.

Анализ текстов, обращенных к коллективному адресату, и текстов различных ситуаций общения позволяет выяснить, какие

Г. с. встречаются наиболее часто на данном историческом отрезке и как меняется их динамика в диахронии.

Гендерный подход – исследование языка и коммуникации с учетом фактора пола, то есть построение научной модели, включающей гендерный и метагендерный уровни описания.

Применение Г. п. позволяет исследовать более широкий круг вопросов и взглянуть по-новому на феномен пола. Если категория «*sexus*» значима для анализа ряда лексических единиц, где пол является компонентом значения, то Г. п. в языкознании охватывает значительно более широкий круг вопросов, рассматривая все способы языкового конструирования мужской или женской идентичности. В этом случае гендер осмысливается как конвенциональная сущность, в чем и состоит его главное отличие от пола как биологической категории. Г. п. предполагает также исследование отражения гендерных отношений в истории языка, изучение пола как культурной репрезентации в лингвокультурологии; лексикографическое кодирование соответствующих единиц языка и т.д.

С позиции Г. п. необходимо исследовать значительно большее количество феноменов языка, нежели лишь те его единицы, в значение которых входит компонент «*пол*». В то же время сами экзистенциальные характеристики человека, в частности, его пол, интерпретируются обществом в зависимости от того, как осознаются им понятия «*мужественность*» и «*женственность*». Поэтому для изучения гендера интерес представляют и те единицы лексикона, где отражена природная сущность «*sexus*», так как ее восприятие носителями языка является в значительной мере социально обусловленным и соответствует моделям мужественности или женственности, в которых принадлежность к биологическому полу составляет лишь первичный субстрат. «Гендерный профиль» индивида может не совпадать с его природным полом (например, у трансвеститов). Все это делает правомерным изучение зафиксированных в языке представлений о мужественности и женственности и связанных с ними моделей ориентирующего поведения индивидов.

Конструирование гендерной идентичности средствами языка (doing gender) – термин, введенный в научное описание К. Уэст и Д. Зиммерманом и означающий перманентный процесс, пронизывающий все действия индивидов. В коммуникации говорящий вербальными и иными средствами создает свой образ, в том числе его гендерную составляющую. Дальнейшее изучение общения показало, что весьма распространены ситуации и контексты, в которых пол не играет существенной роли, поэтому

необходимо учитывать фактор «гендерной нейтральности», так как нет оснований придавать гендеру больше значимости, чем фактору возраста, этнической и социальной принадлежности, уровню образования, профессии и т. д. Наряду с термином «doing gender» для анализа речевого поведения в настоящее время предложен также термин «undoing gender» для ситуаций, где пол коммуникантов не значим.

Конструктивизм – см. *Социодетерминизм*.

Концептуальная (телесная) метафора – термин, введенный в научное описание представителями когнитивного направления в лингвистике М. Джонсоном и Дж. Лакоффом. Согласно когнитивной теории, изучающей способы хранения и обработки информации в сознании человека, метафора – один из основных способов познания мира, когда мы думаем об одной сфере в терминах другой, осуществляя таким образом классификацию реальности. Поскольку первой сферой человеческого опыта является собственное тело, в психике присутствуют образно-схематические понятия, которые осознаются как некоторые понятные и хорошо знакомые структуры, исходя из телесного опыта. Затем они применяются к абстрактным понятиям. Называние таких абстрактных сфер и происходит при помощи телесной метафоры, которая играет роль отсылки к знакомому, всем известному: *рукой подать* (недалеко), *не видеть дальше своего носа* (не обладать прозорливостью). Поскольку человеческое тело имеет пол, то ряд языковых выражений, также играет роль отсылки к известному для называние сущностей, непосредственно с полом не связанных (Ср.: *оторвать кому-либо яйца* (наказать). Метафорически употребляются и слова, относящиеся к стереотипным представлениям о мужских и женских качествах и образцах поведения (*кисейная барышня*). В этом случае применяется *гендерная метафора* (см.).

Лингвистическая гендерология (гендерная лингвистика) – направление в языкознании, исследующее гендерные аспекты языка и коммуникации при помощи понятийного аппарата лингвистики. Данные о языке, полученные лингвистикой, – один из основных источников информации о характере и динамике конструирования гендера как продукта культуры и социальных отношений. Постмодернистская философия видит в языке главный инструмент конструирования картины мира, утверждая, что то, что человек воспринимает как реальность, на самом деле – языковой образ, социально и лингвистически сконструированный феномен, результат наследуемой нами языковой системы. Но сам язык не есть продукт некоего высшего разума. Он – следствие человеческого опыта, прежде всего конкретного, телесного. Язык дает ключ и к изучению

механизмов конструирования половой идентичности. Хотя гендер не является лингвистической категорией (исключение составляют социо- и отчасти психолингвистика), анализ структур языка позволяет получить информацию о том, какую роль играет гендер в той или иной культуре, какие поведенческие нормы для мужчин и женщин фиксируются в текстах разного типа, как меняется представление о гендерных нормах, мужественности и женственности во времени, какие стилевые особенности могут быть отнесены к преимущественно женским или преимущественно мужским, как осмысливается мужественность и женственность в разных языках и культурах, как гендерная принадлежность влияет на усвоение языка, с какими фрагментами и тематическими областями языковой картины мира она связана. Изучение языка позволяет также установить, при помощи каких лингвистических механизмов становится возможной манипуляция.

Существуют несколько взаимосвязанных направлений исследования гендера при помощи анализа структур языка:

– *социолингвистика*, представляющая обширный материал о функционировании языка в группах людей по признаку профессии, пола, возраста, городского или сельского образа жизни и т.д. Именно социолингвистам принадлежит заслуга выявления вероятностного, а не постоянного характера различий в мужской и женской речи;

– *психолингвистика*, исследующая специфику мужских и женских ассоциаций, гендерно специфичное развитие языковой способности человека, детскую речь;

– *идентификационная диагностика*, изучающая письменные и устные тексты (анонимного) автора в целях определения параметров личности, в том числе и пола;

– *лингвокультурологические и межкультурные исследования*, выявляющие культурную специфику гендера, общее и особенное в его конструировании в зависимости от языка и культуры данного общества, что позволяет установить степень андроцентризма разных языков и культур;

– *феминистская критика языка* (см.);

– *исследование маскулинности* (наиболее новая линия исследования);

– *изучение речевой практики представителей сексуальных меньшинств*.

Названные направления не сменяли друг друга, а «вырастают» одно из другого, и в настоящее время продолжают сосуществовать, в ряде случаев конкурируя друг с другом. Под разным углом зрения они изучают следующие группы проблем:

1. Язык и отражение в нем пола: номинативную систему, лексикон, синтаксис, категорию рода и ряд сходных объектов. Цель такого подхода состоит в описании и объяснении того, как манифестируется в языке наличие людей разного пола, какие качества и оценки приписываются мужчинам и женщинам, в каких тематических областях языковой картины мира они наиболее распространены и как функционируют *гендерные стереотипы* (см.).

2. Письменное и устное речевое поведение мужчин и женщин.

Маскулинность (мужественность) – концепт культуры, отражающий коллективные идеальные представления о свойствах и поведении лиц мужского пола.

Метагендерный – относящийся к общечеловеческому уровню картины мира (в отличие от гендерного уровня, соотнесенного с одним из полов). Сегодня принято различать гендерный и метагендерный уровни описания.

Сексизм языка – см. *Андроцентризм языка*.

Социодетерминизм (конструктивизм) – методологический принцип, конкурирующий с биодетерминизмом. Основан на идее о конвенциональном характере гендера и его конструировании посредством культурной традиции и социального заказа при помощи различных семиотических кодов, в том числе языка.

Термин «гендер» в лингвистике. В настоящее время в лингвистической литературе отсутствует последовательное употребление термина *«гендер»*, который вошел в языкознание довольно своеобразным путем: английский термин *«gender»*, означающий грамматическую категорию рода был изъят из лингвистического контекста и перенесен в исследовательское поле других наук – социальной философии, социологии, истории, а также в политический дискурс.

В языкознание же *«гендер»* пришел (а в англоязычное – вернулся в новом значении) несколько позднее из сферы социальных наук, когда гендерные исследования получили статус междисциплинарного направления. Наряду с этим понятие *«гендер»* функционирует в англоязычной лингвистической литературе, разумеется, и в своем старом значении. До появления нового термина лингвистическая семантика не игнорировала отражение в языке понятия *«пол»* в значении *«sexus»*, так как он входит в состав значения многих лексических единиц (*мужчина, женщина, мать, отец* и т. д.). И сегодня многие работы, посвященные рассмотрению этого вопроса, содержат понятие *«пол»/«sexus»*.

Определенное влияние на употребление термина оказывает язык, на котором описано исследование. Так, в немецком языке

наряду с понятием «Gender» используются немецкие номинации «Geschlecht», «das soziale Geschlecht». Аналогичная ситуация отмечается в литературе на русском языке так как английское соотношение «sex-gender» оказывается не вполне соответствующим русскому пониманию аналогичных понятий: в русском языке пара «секс-пол» оказывается не адекватна английскому «sex-sex», что, освобождает слово «пол» от натуралистических смыслов (именно этот факт в англоязычном научном дискурсе стал одной из причин введения в оборот термина «gender»). С другой стороны, в западных странах в последние годы наметилась отчетливая тенденция – даже вне научного дискурса – к вытеснению номинации «sex» в значении «пол» и замене ее словом «gender» в целях политической корректности.

Можно предположить, что в дальнейшем в трудах на русском языке будут использоваться оба термина, русский и заимствованный, как это уже происходит в немецкоязычной научной литературе, так как немецкий язык, как и русский, имеет собственную номинацию для выражения пола, не совпадающую с номинацией для выражения сексуальных отношений. В немецкой литературе наблюдается тенденция обозначать термином «gender» общее направление исследования, а затем пользоваться понятием «das (soziale) Geschlecht». Вероятно, и в русском языке развитие терминов пойдет аналогичным образом

Фемининность/феминность (женственность) – концепт культуры, отражающий коллективные идеальные представления о свойствах и поведении лиц женского пола.

Феминистская критика языка (феминистская лингвистика) – направление в языкознании, возникшее в конце 60-х – начале 70-х годов под влиянием Нового женского движения в США и Германии. Главная цель Ф. к. я. состоит в разоблачении и преодолении отраженного в языке мужского доминирования в общественной и культурной жизни.

Первым трудом Ф. к. я. стала работа Р. Лакофф «Язык и место женщины» (Lakoff), обосновавшая *андроцентризм языка* (см.) и ущербность образа женщины в картине мира, воспроизводимой в языке. К специфике феминистской критики языка можно отнести ее ярко выраженный полемический характер, а также ряд попыток повлиять на языковую политику и реформировать язык в сторону устранения содержащегося в нем сексизма.

В Ф. к. я. имеют место два течения: первое относится к исследованию языка с целью выявления асимметрий в системе языка, направленных против женщин. Эти асимметрии получили название *сексизма языка* (см.), что выражается в стереотипах, зафиксиро-

рованных в языке и навязывающих его носителям определенную картину мира, в которой женщинам отводится второстепенная роль и приписываются в основном негативные качества.

Исследования языка и *гендерных асимметрий* (см.) в нем основываются на *гипотезе Сепира-Уорфа* язык не только продукт общества, но и средство формирования его мышления и ментальности. Это позволяет представителям Ф. к. я. утверждать, что все языки, функционирующие в патриархатных культурах, суть мужские языки и строятся на основе мужской картины мира. Ф. к. я. настаивает на переосмыслении и изменении языковых норм, считая сознательное нормирование языка и языковую политику целью своих исследований. К настоящему времени разработаны – особенно на материале английского и немецкого языков – многочисленные рекомендации по политически корректному употреблению языка и устранению гендерной асимметрии. Предлагаются т. н. феминистские неологизмы, параллельное употребление форм мужского и женского рода для обозначения лица или нейтральные словоформы, не вызывающие ассоциаций с полом лица, о котором идет речь (например, *неученики, а учащиеся*). Некоторые из этих рекомендаций учтены в современных лексикографических трудах. Нейтрализация гендерной асимметрии в языке может идти разными путями. Так, рекомендации на материале английского языка имеют тенденцию к устранению обозначения пола лица, а рекомендации на материале немецкого во многих случаях требуют обязательного обозначения лиц женского пола.

Второе направление Ф. к. я. – исследование особенностей коммуникации в однополых и смешанных группах, в основе которого лежит предположение о том, что на базе патриархатных стереотипов, отраженных в языке, развиваются разные стратегии речевого поведения мужчин и женщин. Особое внимание уделяется выражению в речевых актах отношений власти и подчинения и связанным с ними о коммуникативных неудачах (прерывание говорящего, невозможность завершить высказывание, утрату контроля над тематикой дискурса, молчание и др.).

В лингвистике не прекращается полемика вокруг теоретических положений Ф. к. я. и их практической реализации. Особенно серьезной критике подверглись ранние установки феминистского подхода к изучению коммуникативной интеракции мужчин и женщин.

Феминистская лингвистика – см. *Феминистская критика языка*.

Doing gender – см. *Конструирование гендерной идентичности*.

Библиография

Аверьянова А. П. Личные существительные женского рода с суффиксами -ш/а/ // Филологические науки, 1960. № 1. С. 129–131.

Акопов Л. С. Лексико-семантический способ образования имен существительных со значением лица (на основе метафоризации). Дис... канд. филол. наук. М., 1985.

Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 348–388.

Артунова Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 3–6.

Бабушкин А. П., Попова З. Д. Динамика социальных компонентов семантики слова (на примере названий человека в современном русском языке) // Семантика слова в диахронии. Калининград, 1987. С. 96–135.

Байбурин А. К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 7–21.

Бакушева Е. М. Социолингвистический анализ речевого поведения мужчин и женщин (На материале французского языка). Дисс... канд. филол. наук. М., 1995.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Внутренняя форма идиом и проблема толкования // Известия РАН. Серия литературы и языка, 1998. Т. 57. № 1. С. 36–44.

Барчунова Т. В. Сексизм в букваре // ЭКО. 1995. № 3. С.133–154.

Белый А. Вейнингер о поле и характере // Русский Эрос, или Философия любви в России. М., 1991. С. 100–105.

Богданов К. А. Гендер в магических практиках: русский случай // Мифология и повседневность. Гендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы научной конференции 19–21 февраля 2001. СПб., 2001. С. 151.

Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М., 1983.

Борисова Е. Н. Проблемы становления и развития словарного состава русского языка конца XVII – начала XVIII веков. Дис... доктора филол. наук. Смоленск, 1978.

Брагина А. А. Наблюдения над категорией рода в русском языке // Вопросы языкознания. 1981. № 5. С. 68–78.

Васильева Л. И. Суффиксальное словообразование наименований лиц по профессии в русском и украинском языках. Дис... канд. филол. наук. М., 1971.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.

Вейлерт А. А. О зависимости количественных показателей языка от пола говорящего лица // Вопросы языкознания. 1976. № 5. С. 138–143.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 1990.

Верхоланцева Н. Ф. Из наблюдений над использованием просторечной лексики мужчинами/женщинами – носителями русского литературного языка // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1989. С. 83–89.

Вильмс Л. Е. Лингвокультурологическая специфика понятия «любовь» (на материале немецкого и русского языков). АКД. Волгоград, 1997.

Воронина О. А. Введение в гендерные исследования // Материалы первой Российской школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-97». М., 1997. С. 29–34.

Воронина О. А. Гендерная экспертиза законодательства РФ о средствах массовой информации. М., 1998.

Вул С. М. Использование нецензурной лексики и половая принадлежность адресанта (по материалам исследования текстов анонимных писем) // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «языковое сознание», Москва, 30 мая – 2 июня 1988 г. М., 1988. С. 34–36.

Вул С. М., Горошко Е. И. Судебно-автороведческая классификационная диагностика: установление половой принадлежности автора документа // Современные достижения науки и техники в борьбе с преступностью: Материалы научно-практической конференции. Минск, 1992. С. 139–141.

Вул С. М., Мартынюк А. П. Теоретические предпосылки диагностирования половой принадлежности автора документа // Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистической экспертизы. М., 1987. С. 105–112.

Габриэлян Н. М. Ева – это значит «жизнь» (Проблема пространства в современной русской женской прозе) // Вопросы литературы. 1996. № 4. С. 31–71.

Гаспарян Ю. А. Семья на пороге XXI века (социологические проблемы). СПб., 1999.

Гендер как интрига познания: Сборник статей / Сост. А. В. Кирилина. М., 2000:

Гендер как интрига познания: Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации: Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002.

Гендерные отношения в России: история, современное состояние, перспективы: Материалы международной научной конференции. Иваново, 27–28 мая 1999 г. Иваново, 1999.

Гендерный фактор в языке и коммуникации: Сборник научных трудов. М., 1999.

Головин Б. Н. Язык и статистика. М., 1971.

Гальдберг Э., Коста Л. Д. Нейроанатомическая асимметрия полушарий мозга и способы переработки информации // Нейропсихология сегодня / Под ред. Е. Д. Хомской. М., 1995. С. 8–14.

Гончаренко С. Ф. Гендерный фактор в концептуально-метафорической картине мира оригинального поэта и поэта-переводчика: интрига и драма перевоплощения // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: Сборник научных трудов МГЛУ. Вып. 444. М., 1999. С. 38–41.

Гамон Т. В. Исследование документов с деформированной внутренней структурой. Дис... канд. юридич. наук. М., 1990.

Городникова М. Д. Гендерный фактор и распределение социальных ролей в современном обществе // Гендерный фактор в языке и коммуникации: Сборник научных трудов. Иваново, 1999. С. 23–27.

Горошко Е. И. Проблемы изучения особенностей мужского и женского стиля речи // Формирование коммуникативных и интеллектуальных навыков школьников и студентов. Днепропетровск, 1994. С. 160–169.

Горошко Е. И. Особенности восприятия и порождения текста, обусловленные половой принадлежностью индивида // Антропоцентризм и прагматика. Москва; Кривой Рог, 1995. С.82–91.

Горошко Е. И. Особенности восприятия текста, обусловленные половой дифференциацией личности // Тезисы I Международного симпозиума «Человек: язык, культура, познание». Кривой Рог, 1995. С. 67–68.

Горошко Е. И. Особенности мужского и женского речевого поведения (психолингвистический анализ). Дис... канд. филол. наук. М., 1996.

Горошко Е. И. Теоретическое состояние проблемы половой дихотомии в вербальном поведении // Вербальные и невербальные дейксисы маскулинности и фемининности. Кривой Рог, 1997. С. 24–100.

Горошко Е. И. Специфика ассоциативного сознания некоторых групп русскоязычного населения Украины // Языковое сознание: формирование и функционирование / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 1998. С. 186–199.

Горошко Е. И. Особенности мужского и женского стиля письма // Гендерный фактор в языке и коммуникации / Под ред. И. И. Халеевой. М., 1999. С. 44–60.

Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков; Москва, 2001.

Горошко Е. И., Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике сегодня // Гендерные исследования. Харьков, 1999. № 2. С. 234–241.

Гришук Е. И. Гендерная специфика употребления абстрактной лексики старшекласниками // Гендер: язык, культура, коммуникация. М., 1999. С. 39–41.

Гришук Е. И. Абстрактные концепты в восприятии школьника // Язык и национальное сознание. Вып. 2. Воронеж, 2001. С. 39–41.

Даниленко В. П. Основные тенденции и способы наименования лица в русском языке советской эпохи // Русский язык в школе. 1967. № 4. С. 85–91.

Данилов Ю. А. Роль и место синергетики в современной науке // Онтология и эпистемология синергетики. М., 1997. С. 5–11.

Десятко И. Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург, 1998.

Демидова Г. И. О словообразовании имен существительных женского рода с суффиксом -к(а) в древнерусском языке (по материалам письменности XIV–XV веков // Труды по русскому языку. Л., 1969. С. 156–201.

Демичева В. В. Наименования лиц женского пола в русском литературном языке 18-го века. Дис... канд. филол. наук. Воронеж, 1996.

Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 37–48.

Добровольский Д. О., Кирилина А. В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // Гендер как интрига познания. М., 2000. С. 19–35.

Доклады Первой международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». МГЛУ, 1999. М., 2001.

Долешаль У. О взаимосвязи грамматической категории рода и пола // Вербальные и невербальные дейксисы маскулинности и феминности / Под ред. Ю. А. Сорокина и А. М. Холода. Кривой Рог, 1997. С. 143–157.

Дубовик И. Н. История имен существительных с суффиксами, содержащими элемент -ш. Дис... канд. филол. наук. М., 1989.

Еременко О.И. Наименования лиц женского пола в русском литературном языке 19-го века. Дис... канд. филол. наук. Воронеж, 1998.

Жельвис В. И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема. М., 1997.

Женщины России на рубеже XX–XXI веков: Материалы международной научной конференции. Иваново, 23–24 апреля 1998 г. Иваново, 1998.

Завезская А. А. Введение в психолингвистику. М., 2001.

Зализняк А. А. К вопросу о грамматических категориях рода и одушевленности в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1964. № 4. С. 25–40.

Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / Под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. М., 1993. С. 90–136.

Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец 18–20 вв.). М., 1997.

Зыкова И. В. Гендерный компонент в структуре и семантике фразеологических единиц современного английского языка. Дис... канд. филол. наук. М., 2002.

Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.

Йокояма О. Т. Языковые модели половых различий в языке русских детей младшего возраста // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: Материалы международной конференции. М., 1996. С. 191–195.

Каменская О. Л. Гендергетика – наука будущего // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002. С. 13–19.

Камынина И. Г. История обозначения твердости и мягкости согласных в русской орфографии 17–18 вв. Дис... канд. филол. наук. Омск, 1998.

Кандиоти Д. Эволюция гендерных исследований. Обзор // Женщины и социальная политика (гендерный аспект). М., 1992. С. 156–163.

Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996. С. 3–15.

Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности / Под ред. В. И. Карасика и Г. Г. Слышкина. Волгоград, 2002. С. 3–16.

Караулов Ю. Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента // Этнокультурная специфика языкового сознания / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 1996. С. 67–96.

Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999.

Каштанова Е. Е. Лингвокультурологические основания русского концепта «любовь» (аспектный анализ). Дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.

Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / Под ред. П. Серно. М., 1999.

Кирилина А. В. Категория gender в языкознании // Женщина в российском обществе. 1997. № 2. С. 15–20.

Кирилина А. В. Женский голос в русской паремииологии // Женщина в российском обществе, 1997. № 3. С. 23–26.

Кирилина А. В. Феминистское движение в лингвистике Германии // Теория и практика изучения языков: Межвузовский сборник. Сургут, 1997. С. 57–62.

Кирилина А. В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филологические науки. 1998. № 2. С. 51–58.

Кирилина А. В. Перспективные направления развития гендерных исследований в российской лингвистике // Женщины России на рубеже XX–XXI веков. Материалы международной научной конференции. Иваново, 23–24 апреля 1998 г. С. 16–20.

Кирилина А. В. «Мужественность» и «женственность» с точки зрения лингвиста // Женщина в российском обществе. 1998. № 2. С. 21–27.

Кирилина А. В. Еще один аспект значения обценной лексики // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 1998. № 4. С. 13–16.

Кирилина А. В. Философская база и методология гендерных исследований в применении к российской лингвистике // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999. С. 10–14.

Кирилина А. В. Гендерные компоненты этнических представлений (по результатам пилотажного эксперимента) // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999. С. 46–53.

Кирилина А. В. Русская фразеология с точки зрения гендерной лингвистики // Гендерные отношения в России: история современное состояние, перспективы: Материалы международной научной конференции. Иваново, 27–28 мая 1999 г. С. 70–73.

Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.

Кирилина А. В. Мужские и женские имена в межкультурном сравнении // «Лингвауни-98». Третья международная конференция ЮНЕСКО. Москва: МГЛУ, 3–7 июня 1998 г. М., 1998. С. 327–339.

Кирилина А. В. Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания: Сборник статей / Сост. А. В. Кирилина. М., 2000. С. 47–80.

Кирилина А. В. Гендерные аспекты языка и коммуникация. Дис... доктора филол. наук. М., 2000.

Кирилина А. В. Предисловие // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации: Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002. С. 7–12.

Кирилина А. В. Семантика личных имен: гендерный аспект // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этноспецифики / Под ред. Н. А. Красавского. Волгоград, 2002. С. 135–141.

Китайгородская М. В. Вариативность в выражении рода существительных при обозначении женщин по профессии // Социально-лингвистические исследования / Под ред. Л. П. Крысина, Д. Н. Шмелева. М., 1976. С. 144–155.

Клецин А. А. Предисловие редактора // Гендерные тетради. Выпуск 1. СПб., 1997. С. 5–11.

Клинггер К. Позиции и проблемы теории познания в женских исследованиях // Пол. Гендер. Культура / Под ред. Э. Шоре и К. Хайдер. Вып. 2. М., 2000. С. 101–130.

Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1995. № 3. С. 102–117

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2002.

Колесникова М. С. Гендерные асимметрии и стереотипы в лингвистических словарях // Доклады Первой международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». Москва: МГЛУ, 25–26 ноября 1999 г. М., 2001. С. 212–221.

Колесникова М. С. Лексикографические аспекты современных гендерных исследований // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации: Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002. С. 28–36.

Колосова О. Н. Когнитивные основания языковых категорий: (На материале современного английского языка). Дис... доктора филол. наук. М., 1996.

Кочкина Е. Гендерный разворот всемирного банка // We/Мы. Диалог женщин. Международный женский журнал. 1999. № 7. С. 5–9.

Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М., 2002.

Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996.

Кронгауз М. А. Sexus, или Проблема пола в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. М., 1996. С. 510–525.

Крючкова Т. Б. Некоторые экспериментальные исследования особенности использования русского языка мужчинами и женщинами // Проблемы психоллингвистики / Под ред. Ю. А. Сорокина и А. М. Шахнарвича. М., 1975. С. 186–199.

Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца 20 века: Сборник статей под ред. Ю. С. Степанова. М., 1995. С. 144–238.

Кульдеева Г. И. Тематический анализ личных имен казахов г. Кызыл-Орда и его окрестностей. Казань, 1993. Деп. ИНИОН РАН: 49014 от 14.03.94.

Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1988. С. 12–51.

Лакофф Дж. Когнитивная семантика (из книги «Женщины, огонь и опасные предметы») // Язык и интеллект. М., 1996. С. 143–184.

Лейвен-Турновоцова И. ван. Левое и правое как мужское и женское (европейский ареал) // Доклады Первой международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация», МГЛУ, 25–26 ноября 1999 г. М., 2001. С. 233–244.

Лейвен-Турновоцова И. ван. Семейное усвоение разработанного языкового стиля с гендерной точки зрения // Доклады Второй междуна-

родной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация», МГЛУ, 22–23 ноября 2001 г. М., 2002. С. 26–40.

Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. Волгоград, 2002.

Лу Мими. Женская печать (эволюция, типологические структуры в условиях реформирования общества). Дис... канд. филол. наук. М., 1998.

Маланкина Е. В., Колесникова М. С. Гендерные стереотипы в лексикографии и проблема их лингводидактической интерпретации в межкультурном диалоге // Лингвистические и лингводидактические исследования в контексте межкультурной коммуникации: Материалы конференции факультета иностранных языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Ярославль, 2001. С. 93–96.

Малишевская Д. Ч. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции Мужчина/Женщина) // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 180–184.

Мартьянок А. П. О реализации принципа вежливости в речи мужчин и женщин // Вестник Харьковского университета. Харьков, 1989. № 339. С. 89–92.

Мартьянок А. П., Землянский П. Н. Речевое поведение мужчин и женщин в малых группах // Язык. Сознание. Этнос. Культура. М., 1994. С. 134–135.

Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект: Сборник статей / Под ред. В. В. Петрова. М., 1996. С. 95–142.

Межкультурная коммуникация. Н. Новгород, 2001.

Ментальность россиян: (Специфика больших групп населения России) / Под ред. И. Г. Дубова. М., 1997.

Мокиенко В. М. Доминанты языковой смуты постсоветского времени // Russistik. 1998. № 1–2. С. 37–55.

Моисеев А. И. Наименование лиц по профессии в современном русском языке. Авторефер. дис... доктора филол. наук. Л., 1985.

Мошинская Л. Р. Влияние половозрастных особенностей субъекта на процесс вербальной коммуникации // Тезисы VI Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1978. С. 44–46.

Немировский М. Я. Способы обозначения пола в языках мира // Памяти академика Н. Я. Марра. М.; Л., 1938.

Николаева Т. М. К вопросу о названии и самоназвании в русском речевом общении // Страноведение и преподавание русского языка иностранцам / Под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. М., 1972. С. 134–150.

Николаева Т. М. О принципе «некооперации» и/или о категории социолингвистического воздействия // Противоречивость и аномальность текста. М., 1990. С. 225–235.

Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974.

Ольшанский И. Г. Гендерные исследования как одно из направлений социолингвистики // Проблемы социолингвистики и многоязычия / Под ред. А.-К. С. Баламамедова и В. А. Татаринова. М., 1997. Вып. 1. С. 22–34.

Панфилов А. К. Уважаемый товарищ или уважаемая товарищ? // Вопросы культуры речи. 1965. № 6. С. 189–195.

Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. Около 3000 единиц. 5-е изд., доп. М., 1995.

Поливанов Е. Д. Где лежат причины языковой эволюции? // Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 75–90.

Попов А. А. Об учете гендерного фактора в лексикографическом кодировании // Гендер как интрига познания / Сост. А. В. Кирилина. М., 2000. С. 93–98.

Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

Протченко И. Ф. Об образовании и употреблении имен существительных женского рода – названий лиц в современном русском языке. Дис... канд. филол. наук. М., 1953.

Протченко И. Ф. Образование и употребление существительных женского рода – названий лиц в современном русском языке // Статьи и исследования по русскому языку. Ученые записки МГПУ. 1960. Т. 158. С. 41–138.

Протченко И. Ф. Формы глагола и прилагательного в сочетании с названиями лиц пола // Вопросы культуры речи. 1961. № 3. С. 116–126.

Протченко И. Ф. О родовой соотносительности названий лиц. Из наблюдений над лексикой с современную эпоху // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. С. 106–138.

Пушкарева Н. Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. С. 15–34.

Разумова И. А. Мужские и женские биографии как конструктивный элемент повествовательной истории семьи // Мифология и повседневность. Гендерный подход в антропологических дисциплинах: Материалы научной конференции 19–21 февраля 2001 г. СПб., 2001. С. 279–289.

Репина Л. П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого: Очерки. Хрестоматия. М., 2002.

Роцин С. Ю. Занятость женщин в переходной экономике. М., 1996.

Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М., 1997.

Русский ассоциативный словарь (РАС) / Под ред. Ю. Н. Караулова, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова, Н. В. Уфимцевой, Г. А. Черкасова. М., 1994–1996. Т. 3.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Под ред. Е. А. Земской, М., 2000.

Рыжкина О. А., Реснянская Л. И. Психо- и социолингвистический анализ языкового портрета горожанина // Живая речь уральского города. Свердловск, 1988. С. 39–47.

Рябов О. В. Женщина и женственность в философии Серебряного века. Иваново, 1997.

Рябов О. В. Русская философия женственности (XI–XX века). Иваново, 1999.

Рябов О. В. Матушка-Русь: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001.

Рябов О. В. Гендерные аспекты межкультурной коммуникации: социально-философский анализ // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации: Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002. С. 37–46.

Рябова Т. Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. 2001. № 3–4. С. 3–12.

Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 170–194.

Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. Региональная общественная организация «Восток–Запад: Женские инновационные проекты». М., 2002.

Слышкин Г. Г. От текста к символу. М., 2000

Слышкин Г. Г. Гендерная концептосфера современного русского анекдота // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002. С. 66–73.

Смит С. Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 154–161.

Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30–90 гг. XIX века. М.; Л., 1965.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997.

Суперанская А. В. Структура имени собственного (фонология и морфология). М., 1969.

Табачникова С. В. Мишель Фуко: историк настоящего: Комментарий // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет. М., 1996. С. 396–443.

Табурова С. К. Механизмы создания экспрессивности в репликах мужчин и женщин – депутатов бундестага // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999. С. 63–71.

Табурова С. К. Реплики депутатов бундестага как речевые акты // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999. С. 72–86.

Табурова С. К. Эмоции в речи депутатов бундестага: мужские и женские предпочтения // Гендер как интрига познания. Сб. статей / Сост. А. В. Кирилина. М., 2000. С. 168–191.

Телия В. Н. Функционально-параметрическая модель значения идиом // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для машинного фонда русского языка: Материалы к методической школе-семинару. М., 1988. С. 18–35.

Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций / Под ред. О. А. Ворониной. М., 2001.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.

Токарев Г. В. Особенности лексической репрезентации концепта «труд» // Лингвистические парадигмы: традиции и новации. Волгоград, 2000. С. 199–201.

Томская М. В. Гендерная специфика терминов родства в якутском языке // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: Материалы международной научной конференции. Иваново, 2002. Ч. 2. С. 271–273.

Топоров В. Н. Об одном способе сохранения традиции во времени: имя собственное в мифопоэтическом аспекте // Проблемы славянской этнографии. Л., 1979. С. 141–149.

Топорова Т. В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.

Траченко О. П. Многократное дихотическое тестирование лиц с разными типами доминирования полушарий // Нейропсихология сегодня / Под ред. Е. Д. Хомской. М., 1995. С. 184–198.

Улукханов И. С. Грамматический род и словообразование // Вопросы языкознания, 1988. № 5. С. 107–121.

Успенский Б. А. Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // Избранные труды. Т. II. Язык и культура. 2-е издание. М., 1996. С. 187–202.

Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 433–459.

Ушакин С. А. Пол как идеологический продукт: о некоторых направлениях в российском феминизме // Человек. 1997. № 2. С. 62–71.

Ушакин С. А. Поле пола // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. С. 35–45.

Ушакин С. А. Поле пола: в центре и по краям // Вопросы философии. 1999. № 5. С. 71–85.

Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера (doing gender) // Гендерные тетради. Вып. 1. СПб., 1997. С. 94–124.

Федотова М. Е. Наименования лиц женского пола по профессии в современном немецком языке. АКД. М., 1999.

Фрумкина Р. М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 55–67.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет. М., 1996.

Халева И. И. Задачи Московского лингвистического университета в междисциплинарном проекте «Феминология и гендерные исследования в России: перспективные стратегии и технологии» // Женщина в российском обществе. 1998. № 3. С. 8–11.

Халева И. И. Гендер как интрига познания // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999. С. 5–9.

Халева И. И. Гендер как интрига познания // Гендерный фактор в языке и коммуникации. М., 1999. С. 7–14.

Халева И. И. Вместо предисловия редактора: Интеркультура – третье измерение межкультурного взаимодействия (из опыта подготовки переводчиков) // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: Сборник научных трудов МГЛУ. М., 1999. Вып. 444. С. 5–14.

Холод А. М. Прагматические характеристики родовых форм русских имен существительных и прилагательных. Дис... канд. филол. наук. Киев, 1994.

Холод А. М. Мужская и женская картина мира в русском языке // Вербальные и невербальные дейксисы маскулинности и фемининности. Кривой Рог, 1997. С. 101–121.

Хомская Е. Д. Об асимметрии блоков мозга // Нейропсихология сегодня / Под ред. Е. Д. Хомской. М., 1995. С. 14–27.

Шанская Т. В. Родовая принадлежность имен существительных в современном русском языке. М., 1964.

Шахмайкин А. М. Проблема лингвистического статуса категории рода // Актуальные проблемы современной русистики. Диахрония и синхрония. М., 1996. С. 226–273.

Шведчикова Т. В. Способы выражения пола в наименованиях животных в русском языке. М., 1998.

Штадлер В. Особенности употребления лексических единиц *женщина, мужчина, человек* у В. В. Жириновского // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999. С. 15–22.

Щеглова С. Н. Гендерные модели поведения: анализ школьных учебников // Женщины России на рубеже XX–XXI веков: Материалы международной научной конференции. Иваново, 23–24 апреля 1998 г. Иваново, 1998. С. 206–209.

Щепанская Т. Б. Женщина, группа, символ (на материале молодежной субкультуры) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 17–29.

Энгель К., Шоре Э. Сватовство по-московски // Преображение: Русский феминистский журнал, 1994. № 2. С. 54–65.

Янко-Триницкая Н. А. Наименования лиц женского пола существительными женского и мужского рода // Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966. С. 153–167.

Янко-Триницкая Н. А. И уважаемый... и уважаемая... // Вопросы культуры речи. 1967. № 8. С. 240–244.

Bachmann S. et al. Sichtwechsel. Text- und Arbeitsbuch, Mittelstufe. Klett, 1995.

Baron B. Die Inszenierung des Geschlechterverhältnisses im akademischen Streitgespräch: Zur Kontextabhängigkeit der Dissensformatierung // Jahrbuch Arbeit. Bildung. Kultur. 1996. Bd. 14.- S. 69–80.

Baron B. «Geschlossene Gesellschaft»: Gibt es geschlechtsspezifische Unterschiede im universitären Fachgespräch? // Gender Studies an der Universität Konstanz. Vortragsreihe in Sommersemester 1996. Konstanz, 1996. S. 114–129.

Borneman E. Das Patriarchat: Ursprung und Zukunft unseres Gesellschaftssystems. Frankfurt-a.-Main, 1991.

Bosse H. Der fremde Mann. Jugend, Männlichkeit, Macht. Eine Ethnoanalyse. Unter Mitarbeit von W. Knauss. Frankfurt am Main, 1994.

Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some universales in language usage. N. Y., 1988.

Burgoon J. K., Stern L. A., Dillman L. Interpersonal adaptation: Diadic interaction patterns. N. Y., 1995.

Butler J. Körper von Gewicht. Die diskursiven Grenzen des Geschlechts. Frankfurt-a.-Main: Suhrkamp, 1995.

Chodorow N. The reproduction of mothering. California, 1978.

Coats J. Women, men and language: A sociolinguistic account of sex differences in language. N. Y., 1986.

Collier M. J., Thomas M. Cultural identity: An interpretive perspective // Kim Y. Y., Gudykunst W. B. (Eds.). Theories in intercultural communication. Newbury Park, 1988. P. 99–122

Condry S., Condry J. Sex differences: A study of the eye of the beholder // Child Development. 1976. № 47. P. 812–819.

Connell R. W. The big picture: Masculinities in recent world history // Theorie & Society № 22. 1993. P. 597–623.

Coupland J. Dating advertisements: Discourses of the commodified self // Discourse and Society. 1996. № 7. P. 187–207.

Dobrovolskij D., Piirainen E. On symbols. Cognitive and cultural aspects of figurative language // Lexicology. 1998. Vol. № 1. P. 1–34.

Doleschal U. Genus als grammatische und textlinguistische Kategorie. Eine kognitiv-funktionalistische Untersuchung des Russischen. Wien, 1993.

Doleschal U. Genuszuweisung im Russischen: Ein assoziatives Schematamodell // Linguistische Beiträge zur Slavistik aus Deutschland und Österreich. II. JungslavistInnentreffen, Leipzig 1993 / Ed. U. Junghanns: Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 37. Wien, 1993. S. 75–96.

Doleschal U. Referring to women // Reference in Multidisciplinary Perspective: Philological Object, Cognitive Subject, Intersubjective Process / Ed. by R. A. Geiger. Hildesheim; Zürich; New York, 1995. P. 277–298.

Doleschal U., Schmid S. Doing gender in Russian. Structure and perspective // M. Hellinger, H. Busmann (eds). Gender Across Languages: The linguistic representation of women and men. Volume 1. John Benjamins Publishing Company, Amsterdam; Philadelphia, 2001. P. 253–282.

Easthope A. British post-structuralism since 1968. London; New-York, 1988.

Erhart W., Hermann B. (Hrsg). Wann ist der Mann ein Mann? Zur Geschichte der Männlichkeit. Stuttgart-Weimar, 1997.

The feminist critique of language / Ed. by D. Cameron. 2nd Edition. L, 1998.

Gal S. Between speech and silence: The problematics of research on language and gender // Papers in Pragmatics. 1989. Vol. 1. № 3. P. 1–38.

Giles H., Coupland N., Coupland J. Accomodation theory: Communication, context, and consequence // H. Giles, J. Coupland, N. Coupland (eds.). Contexts of accommodation: Developments in applied sociolinguistics. Cambridge, 1991. P. 1–68.

Glück H. Der Mythos von den Frauensprachen // OBST (Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheotie), 1979. Beiheft 3. S. 60–95.

Goffman E. Interaktion und Geschlecht. Frankfurt-a.-Main, 1994 (engl. 1977).

Guentherodt I., Hellinger M., Pusch L., Tromel-Plotz S. Richtlinien zur Vermeidung sexistischen Sprachgebrauchs // Linguistische Berichte. 1981. 69. S. 15–21; 71. S. 1–7.

Gumperz J. J. Discours strategies. Cambridge, 1982.

Gutte R. Mannomann – Ist das Deutsche eine Männersprache? // Diskussion Deutsch. 1985. 86. S. 671–681.

Günthner S., Knoblauch H. A. «Forms are the food of faith». Gattungen als Muster kommunikativen Handelns // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1996. № 4. S. 693–723.

Günthner S., Knoblauch H. A. Gattungsanalyse // Sozialwissenschaftliche Hermeneutik, 1997/ Ed. R. Hitzler, A. Hones.

Günthner S., Kotthoff H. (Hrsg). Von fremden Stimmen. Weibliches und männliches Sprechen im Kulturvergleich. Frankfurt-a.-Main, 1991.

Hirschauer St. Dekonstruktion und Rekonstruktion. Pädoyer für die Erforschung des Bekannten // Feministische Studien. 1993. № 2. S. 55–68.

Homburger D. Männersprache – Frauensprache: Ein Problem der Sprachkultur? // Muttersprache. 1993. 193. S. 89–112.

Hurton A. «Kultobjekt Mann». Frankfurt-a.-Main, 1995.

Jarnatowskaja V. E. Die Kategorie des Genus der Substantive im System der deutschen Gegenwartssprache // Deutsch als Fremdsprache. 1968. Bd. 5. Heft 4. S. 213–219.

Jespersen O. The Woman // The feminist critique of language / Ed. by D. Cameron. L., 1998. P. 225–241.

Kikvidze Z. On the sex-preferential order of the components in some Dvandva compounds in Georgian // Доклады Первой международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация» 25–26 ноября 1999 г. М., 2001. P. 209–212.

Kikvidze Z. Mother's language and mother tongue // «Гендер: язык, культура, коммуникация»: Тезисы докладов Второй международной конференции 22–23 ноября 2001 г. М., 2001. P. 63.

Kirilina A. V. Die phraseologisierte Weiblichkeit: ein deutsch-russischer Vergleich // Thesen der Internationalen Germanisten- und Deutschlehrerkonferenz «Sprachenpolitik Russlands im europäischen Kontext» (am Beispiel DaF) 1–2. Februar 1999. S. 26–27.

Kirilina A. V. Nichtsexistischer Sprachgebrauch in der EMMA-Zeitschrift // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch 1999 (Im Druck).

Konishi T. The connotation of gender: A semantic differential study of German and Spanish // Word. 1994. Vol. 45. № 3. P. 317–326.

Kotthoff H. Geschlecht als Interaktionsritual? // Nachwort zu E. Goffman: Interaktion und Geschlecht / Hrsg. von H. A. Knoblauch. 1994. S. 159–194.

Kotthoff H. Die Geschlechter in der Gesprächsforschung: Hierarchien, Theorien, Ideologien // Der Deutschunterricht. 1996. № 1. S. 9–15.

Kotthoff H. Witzige Darbietung auf eigene Kosten. Über Komplexitäten weiblicher Imagepolitik in der Scherzkommunikation // Germanistische Linguistik. 1998. V. 139–140. S. 253–277.

Kotthoff H. Erzählstile von mündlichen Witzen // <http://www.ling.uni-konstanz.de/publ/ap68.htm> (Stand am 04.07.98)

Labov W. Variation in language // Carrol E. Reed (ed.). The learning of Language. National council of Teachers of English. N. Y., 1971. P. 187–221.

Labov W. The intersection of sex and social class in the cause of linguistic change // The Sociolinguistics Reader. Vol. 2. Gender and Discourse / Ed by J. Cheshire, P. Trudgill. L., 1998. P. 7–52.

Lakoff R. Language and women's place // Language in Society. 1973. № 2. P. 45–79.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 1980.

Lerner G. Die Entstehung des feministischen Bewusstseins. Vom Mittelalter bis zur Ersten Frauenbewegung. Frauen und Geschichte. Frankfurt-a.-Main; New York, 1992. Bd. 2.

Levant R. Masculinity reconstructed. N. Y., 1995.

Maccoby E., Jacklin C. The Psychology of sex differences. Stanford, 1974.

Maltz D. N., Borker R. A. Mi verständnisse zwischen Männern und Frauen – kulturell betrachtet // Günthner, Kotthoff (Hrsg) Von fremden Stimmen. Weibliches und männliches Sprechen im Kulturvergleich. Frankfurt-a.-Main, 1991. S. 52–74.

Mandele N., Rundle L. Feminist qualitative research methods: A handbook for researchers. York University, 1998.

Mauthner F. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Band 1 (Zur Sprache und Psychologie), 3. Auflage, Stuttgart und Berlin, 1921 (zuerst 1913).

McGlone J. Sex differences in human brain asymmetry: A critical survey // Behavioral and Brain Sciences. 1980. Vol. 3. P. 215–263.

McKeever W. F., Deventer A. D. van. Visual and auditory language processing asymmetries: Influences of handedness, familiar sinistrality, and sex // Cortex. 1977. Vol. 13. P. 225–241.

Male and female: a study of sexes in a changing world. N. Y., 1949.

Muttersprache frauenlos? / Hrsg von H. Bikes, M. Brunner. Wiesbaden, 1992.

Nabrings K. Sprachliche Varietäten. Tübingen, 1981.

Nicols P. Linguistic options and choices for black in the rural south // B. Thorn, Ch. Kramarae, N. Henley (eds). Language, Gender and Society. Rowley, 1983. P. 54–69.

Parsons T. The structure and social action. N. Y., 1937.

Pauwels A. Women Changing Language. N. Y., 1998.

Philips S. U. Introduction: The interaction of social and biological processes in women's and men's speech // Language, gender and sex in comparative perspective / Eds. S. U. Philips, S. Steel, Ch. Tanz. N. Y., 1987. P. 1–11.

Piirainen E. Geschlechtsspezifik in der deutschen Phraseologie // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch 1999. M., 1999. S. 97–122.

Pollack W. S. Deconstructing Dis-Identification: Returning Psychoanalytic Concepts of Male Development // Psychoanalysis and Psychotherapy. 1995. № 12. P. 30–45.

Pusch L. Das Deutsche als Männersprache // Linguistische Berichte. 1981. 69. S. 59–74.

Pusch L. Alle Menschen werden Schwestern. Frankfurt-a.-Main, 1990.

Quasthoff U. Soziales Vorurteil und Kommunikation: eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps. Frankfurt-a.-Main, 1973.

Rathmayr R. Pragmatik der Entschuldigungen: vergleichende Untersuchung am Beispiel der russischen Sprache und Kultur. Köln, 1996.

Rogoff I., Leer D. van. Afterthoughts... A dossier on masculinities // Theorie and Society. 1993. № 22. P. 739–762.

Royen P. Die nominalen Klassifikationssysteme in den Sprachen der Erde. Mödling bei Wien, 1925.

Samel J. Einführung in die feministische Sprachwissenschaft. Berlin, 1995.

Sandomirskaya I. Around the Ъ. Power and the magic of wrighting // Heresies 1992. Vol. 7. № 2. Issue 26. P. 44–60.

Sapir E. Abnormal types of speech in Nootka // Canada. Ottawa. Geological Survey. Memoir 62. Anthropological Series. № 5.

Sapir E. Male and female forms of speech in Yana // *Donum natalicium schrignen* / Ed. by St. W. J. Teeuwen. Nijmegen; Utrecht. 1929. P. 79–85.

Schmid S. Zur Bezeichnung weiblicher Personen im Russischen: Eine empirische Pilotstudie // *Wiener slawistischer Almanach*. 1998. 41. S. 239–262.

Schwitalla J. Kommunikative Stilistik zweier sozialer Welten in Mannheim-Vogelstang. Berlin; N. Y., 1995.

Sherzer J. A diversity of voices: men's and women's speech in ethnographic perspective // *Language, gender and sex in comparative perspective* / Eds. S. U. Philips, S. Steele, Ch. Tanz. N. Y., 1987. P. 95–120.

Shucard D. W., Shucard J. L., Thomas D. G. Sex differences in the patterns of scalp-recorded electrophysiological activity in infancy: possible implications for language development // *Language, gender and sex in comparative perspective* / Eds. S. U. Philips, S. Steele, Ch. Tanz. N. Y., 1987. P. 278–296.

Slavic Gender Linguistics / Ed. by M. H. Mills. University of Iowa; Philadelphia, 1999.

Stadler W. Macht Sprache Gewalt: rechtspopulistische Sprache am Beispiel V. V. Žirinovskijs vor dem Hintergrund der Wandlungen politischer Sprache in Ru land. Innsbruck, 1997.

Stefan V. Hütungen. Fischer Tagebuch Verlag. Frankfurt-a.-Main, 1994 (Erste Aufl. 1975).

Stepanova M. D., Cernyseva I. I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. M., 1986 (zuerst 1976).

Tafel K. Die Frau im Spiegel der russischen Sprache. Wiesbaden, 1997.

Tannen D. You just don't understand: Women and men in conversation. L., 1992.

Masculinities. Special Issue // *Theorie and Society*. 1993. № 22. P. 597–623.

Tolson A. The limits of masculinity. L., 1977.

Trömel-Plötz S. Linguistik und Frauensprache // *Linguistische Berichte*. 1978. № 57. S. 49–68.

Tromel-Plotz S. Frauensprache: Sprache der Veränderung. Frankfurt-a.-Main, 1982.

Trömel-Plötz S. Die Konstruktion konversioneller Unterschiede in der Sprache von Frauen und Männern // *Trömel-Plötz, Senta (Hrsg.): Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen*. Frankfurt-a.-Main. 1982. S. 288–319.

Trudgill P. Sex, covert prestige, and linguistic change in the urban British English of Norwich // *Language in Society*. 1972. P. 179–195.

Van Buren H. American ways with names // *Culture learning: concepts, applications and research* / R. Brislin, ed. Honolulu, 1977. P. 111–130.

Weiss D. Frau und Tier in der sprachlichen Grauzone: diskriminierende Strukturen slawischer Sprachen // Slavistische Linguistik. 1984. S. 317-58.

Weiss D. Kurica ne ptica, (a) baba ne celovek // Slavische Linguistik. 1987. S. 413-43.

Weiss D. Sexus distinctions in Polish and Russian // Words are physicians for an ailing mind. For Andrzej Boguslawski on the occasion of his 60th birthday / Eds. Grochowski M., Weiss D. München, 1991. P. 449-466.

West C. Against our will: male interruptions of females in cross-sex conversation // Annals of the New York Academy of Science. 1979. Vol. 327. P. 81-97.

Yokoyama O. T. Gender linguistic analysis of Russian children's literature // Slavic Gender Linguistics / Ed. by M. H. Mills. Amsterdam; Philadelphia, 1999. P. 57-84.

Содержание

О серии «Учебные пособия по гендерной теории в гуманитарных науках»	5
Введение	9
Глава 1. Понятие «гендер». Философские основы гендерных исследований в гуманитарных науках.	16
Глава 2. Эволюция гендерных исследований в лингвистике	36
Глава 3. Проблемы гендерного подхода в исследовании межкультурной коммуникации	102
Глава 4. Понятийный аппарат и методы изучения гендерных аспектов языка и коммуникации	114
Глава 5. Примеры исследовательских процедур	155
Глоссарий.	224
Библиография.	234

В оформлении обложки использована картина:

Лучистые явни.

Худ. Н. Гончарова, 1913 г.

А.В. Кирилина

**ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ЛИНГВИСТИКЕ
И ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ**

Художественное оформление А. Сорокин

Компьютерная верстка В. Верхоzin

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 27.05.2004.

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл.печ.л. 16,0. Тираж 1500 экз. Заказ № 10295

**Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)**

117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 82.

Тел. 334-81-87 (дирекция);

Тел./Факс 334-82-42 (отдел реализации)

**Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука» 121099, Москва, Шубинский пер., 6**

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

Фонд «Институт социальной и гендерной политики» (ИСГП), созданный в 2002 году, продолжает и развивает деятельность Женской сетевой программы Института «Открытое общество» (Фонд Сороса — Россия) и входит в международную сеть, действующую в 35 странах мира. Институт работает в сотрудничестве с органами государственной власти федерального и регионального уровня, международными организациями, благотворительными фондами, общественными организациями, представителями крупного и среднего бизнеса. Стратегия ИСГП направлена на: продвижение идеи равенства мужчин и женщин как ресурса общественного развития; развитие диалогов и укрепление социальных партнерств. В лабораториях ИСГП накапливаются знания, технологии и инструменты гендерной интеграции, предлагаются решения сложных социальных проблем межотраслевого и междисциплинарного уровня. ИСГП служит ресурсным центром для реализации международных программ и пилотных проектов. Институт социальной и гендерной политики предоставляет консультации, проводит исследования, организует тренинги, семинары, экспертные встречи, издает и распространяет литературу социальной и гендерной направленности.

Контактная информация.

115419, Москва, 2-й Рощинский проезд, д. 8, оф. 405

тел.: +7(095) 733-91-58; факс: +7(095) 737-64-43 e-mail: igp@genderpolicy.ru

ИВАНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ивановский государственный университет (ИвГУ) является одним из ведущих классических гуманитарных университетов Российской Федерации. На девяти его факультетах осуществляется подготовка специалистов по 17 специальностям классического (математика, физика, история, юриспруденция) и современного (психология, социология, международные отношения) профилей. По уровню квалификации преподавательских кадров ИвГУ входит в первую десятку классических университетов России. Знаком высокой оценки интеллектуального потенциала вуза является работа аспирантуры (26 специальностей), докторантуры и шести специализированных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций.

ИвГУ известен в России как центр гендерных исследований и гендерного образования молодежи. С 1994 года он выполняет роль головной организации в межвузовских научных программах по гендерной тематике. На его базе издаются единственный в России всероссийский научный журнал «Женщина в российском обществе», межвузовские сборники учебных программ, ежегодно проводятся международные научные конференции, всероссийский конкурс студенческих научных работ по направлению «Гендерные исследования». В 2004 году приказом Министерства образования РФ ИвГУ признан всероссийским научно-методическим центром гендерных исследований, на его базе открыт первый в России факультет повышения квалификации по гендерному образованию, базирующийся на социолого-психологическом факультете (кафедра общей социологии и феминологии).

Контактная информация

153025, Иваново, улица Ермака, д. 39

Социолого-психологический факультет,

Кафедра общей социологии и феминологии

Тел.: (0932) 327 458 e-mail: oah@ivanovo.ac.ru